

Турдалиева Чолпон Джапарбековна

**КЫРГЫЗЫ В ТРУДАХ
ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА**

Бишкек 2015

**Ответственный
редактор издания:**

**Г.Н.Шаймаков – советник-посланник
Посольства Республики Казахстан
в Кыргызской Республике**

Кыргызы в трудах Чокана Валиханова – Бишкек, 2015. – 175 с. прил.

В книге исследуется история и культура кыргызов, отраженная в научно-творческих трудах Чокана Чингисовича Валиханова - знаменитого казахского ученого, мыслителя, путешественника и просветителя XIX века, который в 1855-1865 годах неоднократно посещал территорию современного Кыргызстана, и по их итогам исследовал и систематизировал ценные сведения о политической, социально-экономической и культурно-мировоззренческой жизни народов, проживавших в то время на данной территории, главным образом, доминировавшего здесь кыргызского этноса.

В своей работе автор предпринял попытку комплексного осмысления непреходящей ценности трудов Ч.Ч.Валиханова как уникального источника для плодотворного развития отечественной и мировой гуманитарной науки. Для придания новизны научного интереса в валихановедении, в исследовании сделан специальный аналитический акцент на его малоизвестные кыргызоведческие сочинения, что, полагаем, должно вызвать к данной работе неподдельный интерес специалистов и любознательных читателей.

*Посвящается 180-летию
со дня рождения выдающегося
казахского учёного-исследователя
истории народов Центральной Азии
ЧОКАНА ЧИНГИСОВИЧА ВАЛИХАНОВА*

Талантливый, неторопливый этнос,
Под звездным небом твой пастух
Пас скот и запевал на всю округу песню,
Под звучный и протяжный свой комуз.

О, как похожи все, кто любит волю,
Степную ковыль и ветер снежных гор.
Кочевники мои, собратья дорогие,
О вас пишу, про вас мой разговор.

Известно имя ваше так давно,
Что иероглиф древний говорит,
«...Кыргызский воин здесь сидит,
Он полон сил и яростной отваги».

И я среди вас мог наблюдать
Полет стрелы безжалостно свистящий,
И слезы матери скорбящей
Над бездной горя за костром.

Но!..Но, были дни: раздоры забывались,
Любовь и мир царил вокруг,
Женили сыновей и выдавали замуж,
Красивых, статных дочерей.

На той съезжались все рода,
И резать скот не успевал хозяин,
А смех девичий без конца
Раскатистым эхом по небу плывал.

И люди пели и плясали,
Не зная бед и суеты,
И лики счастья собирали
В народный эпос Манасчи! *(Чолтон Турдалиева)*

ВВЕДЕНИЕ

В ноябре 2015 года исполнилось 180 лет со дня рождения знаменитого казахского учёного, путешественника и просветителя - Чокана Чингисовича Валиханова (1835-1865гг.), который внес бесценный научно-творческий вклад в изучение истории, экономики, быта и культуры народов Центральной Азии, в том числе и кыргызов, второй половины XIX века.

Посвящая свой исследовательский труд этому знаменательному событию в многовековой летописи традиционно дружественных отношений братских кыргызского и казахского народов, автор имеет честь информировать аудиторию специалистов и читателей, что используемые в работе слова – Кыргызстан и Кыргызский край подразумевают , территорию современной Кыргызской Республики. В этом же ряду словосочетание – Средняя Азия отражает совокупную географическую площадь всех постсоветских государств Центральной Азии.

В контексте важности включения вышеуказанных пояснений в данный труд, автор также выражает просьбу к читателям книги о высказывании ими рекомендаций и пожеланий по дальнейшей работе над этим изданием.

Возвращаясь к теме работы «Кыргызы в трудах Чокана Валиханова», напомним, что в период 1855-1865 годов Ч.Ч.Валиханов посещал Кыргызстан и сделал уникальные исследования об истории, этногенезе, социально-иерархической системе, материальной и духовной культуре кыргызского народа, которые до настоящего времени являются непревзойдённым первоисточником для научных изысканий этнологов, фольклористов и других специалистов по Центральной Азии.

Не случайно разработка научного наследия Ч.Ч.Валиханова ведётся в мире более ста лет. Издание некоторых его научных сочинений было осуществлено в 1904 году. Его научные исследования печатались в трудах Русского Географического общества, выходили в Берлине (1862 год), в Лондоне (1865 год) и вошли в 6-й и 7-й тома (1878–1879) 19-томной

французской Всеобщей географии (*фр. "La Nouvelle géographie universelle"*).
Собрание сочинений в пяти томах Ч.Ч. Валиханова вышли в Алматы в 1961–
1972 гг. и повторно в 1984–1985 гг.

Об исторической роли личности Ч.Ч.Валиханова всемирно известный великий русский писатель Ф.М.Достоевский в своём письме Чокану Чингисовичу от 14 декабря 1856 года пророчески писал: «Вы первый из вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности».

В этом ключе непреходящая ценность наследия Чокана Чингисовича, по нашему убеждению, главным образом, заключается в глубоком философско-гуманистическом содержании всех валихановских работ, где основным лейтмотивом проходят его думы и размышления над актуальными вопросами бытия: как преодолеть разобщенность народов и инертность людей к обретению ими их естественных прав на свободу и прогрессивное развитие.

Попытки самого Ч.Ч.Валиханова ответить на эти проблемы, на наш взгляд, дают алгометризм к пониманию ведущих тенденций развития современного мира и, в особенности, Кыргызстана и Центральной Азии.

По вышеприведенному нами утверждению неподдельный интерес вызывает письмо Николая Ильминского Отто Реригу от 1863 года, в котором сообщается, что: «... иногда мир не подозревает у нас материалов, действительно существующих потому, что наша литература за границей неизвестна» и что «некоторые вопросы, по которым на Западе ведутся споры, уже разработаны в России». При этом Ильминский рекомендует Реригу обратить внимание на работы Чокан Валиханова: «Укажу Вам еще ученого, весьма интересного тем, что он природный киргиз; он совершил ученое путешествие в Кашгар. Его замечательные статьи печатаются в Записках Географического общества... Он член этого Общества. Это - султан Чокан Валиханов».

Здесь также необходимо отметить, что результаты исследования научно-творческого наследия Ч.Ч.Валиханова убедительно показывают, что по своим социально-политическим убеждениям он являлся принципиальным сторонником демократии и прогресса. В этом плане, как бы предугадывая развитие будущих событий, Чокан Чингисович писал: «Реформы насильственные, привитые, основанные на отвлеченных теориях или взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие». И сама жизнь подтвердила это пророчество Ч.Ч.Валиханова.

Вместе с тем, к сожалению, бесценные научно-гуманистические идеи Ч.Ч.Валиханова были ограничены форматом реалий социально-политических отношений того времени. Нужно также признать, что Чокан Чингисович, которому «ничего человеческого не было чуждо», в том числе и естественное свойство людей - ошибаться, по некоторым вопросам имел свои субъективные оценки и предположения, которые будут упомянуты в нашем исследовании, в контексте их необходимого использования как документальных первоисточников. Однако это не только не умаляет бесценного достоинства научно-творческого наследия Ч.Ч.Валиханова, а и, напротив, помогает современным исследователям глубоко понять и четко разобраться в проблемных научных вопросах в их исторической динамике.

В лейтмотиве же нашего исследования, необходимо особо подчеркнуть уникальную роль Ч.Ч.Валиханова, как ученого, которому практически в одиночку удалось поднять значимость кочевой культуры в глазах просвещенной Европы XIX века, которой он впервые в новой истории открыл самобытные, талантливые и самодостаточные народы Центральной Азии, в том числе и кыргызов. Это, по своей идейной задаче, был евразийский, как определили бы наши современники, научный подвиг. Точнее всех данный факт охарактеризовал друг Чокана Чингисовича Григорий Потанин: «Служить будущему своего народа было его мечтой. Он говорил, что, прежде всего,

любит свой народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество; одна любовь заключена была у него в другую».

Сегодня интерес к изучению научно-творческих трудов Ч.Ч.Валиханова в мире, в целом, и в Кыргызстане, в частности, значительно вырос. Последнему, в значительной степени, способствовало обретение Кыргызстаном государственной независимости, что вызвало небывалый ранее мощный всплеск внимания широкой общественности и ученых республики к историческому прошлому народа и страны в широком хронологическом диапазоне, и в особенности к судьбоносным вехам той летописи.

Одним из таких переломных периодов явились 50-70-е годы XIX века, когда, в силу сложившейся в крае внутри - и внешнеполитической обстановки, северокыргызские племена присоединялись к Российской империи. Общая социально-политическая и экономическая ситуация того времени в северной части Кыргызстана нашли отражение в трудах таких известных ученых, как - Б.Д.Джамгерчинова, К.У.Усенбаева, А.Х.Хасанова, В.М.Плоских и других. Вместе с тем, новое обращение к работам исследователей того времени, в первую очередь Ч.Ч.Валиханова, позволяет полнее и точнее воссоздать предпосылки тех событий, их развитие и последствия.

Еще одним ценнейшим достоинством трудов Чокана Чингисовича является их насыщенные разносторонним фактическим материалом, записки и служебные отчеты о его поездках в Прииссыккулье, в Кульджу и о негласном Кашгарском путешествии *(предназначенные для информации западносибирских властей, военно-дипломатическим ведомствам и заинтересованным торгово-промышленным кругам Российской империи)*, затем, по мере их опубликования в печати и научных изданиях Императорского Российского географического общества *(ИРГО)*, становились достоянием централо-азиатоведения и востоковедения в России и Западной Европе. Они их обогащали новыми фактами и ценными сведениями о природе и народонаселении Центральной Азии, о хозяйстве и культуре кыргызов и их

соседей. Об этом свидетельствуют ряд научно-практических конференций последних лет, посвященные Ч.Ч. Валиханову и его исследовательским трудам, которые и сегодня отличаются:

- Богатым содержанием и высокой степенью достоверности.
- Уникальностью сведений о внешнеполитическом положении кыргызов в тот переломный момент их истории, их связях с соседними странами и политической ориентации родоначальников кыргызских племен и родов.
- Полнотой освещения истории, политики, экономики и культуру кыргызов не только в середине XIX века, но и в более ранние времена.
- Попыткой впервые в кыргызской летописи провести сравнительно-сопоставительный анализ исторического письменного и устного нарратива о судьбе этого народа, некоторых национальных особенностях его быта, материальной и духовной культуры, в отличие от казахов, монголов, калмыков и других соседних этносов.

Впервые в истории его произведения донесли российскому и европейскому исследователю и читателю, что поэтические традиции кыргызов, в частности эпос «Манас», обладают огромным и бесценным потенциалом в исследовании тысячелетней истории ряда народов и памятных событий Центральной Азии.

Однако необходимо также отметить, что, несмотря на эти неоценимые научно-исследовательские преимущества, в специальных изданиях по истории Кыргызстана XIX века, труды Ч.Ч.Валиханова зачастую используются отрывочно и шаблонно, и апеллируют, в основном, к его фольклористическим сведениям. Более того, его кыргызоведческие труды в последний раз издавались в 1950-е годы, и затем в 1984-1985 годах в полном собрании его сочинений, которые уже стали раритетом.

Кроме того, имеется ещё одно существенное упущение в данном вопросе, а именно: в историографии Кыргызской Республики по дореволюционному периоду до настоящего времени нет научных трудов,

посвященных данной теме, а в обобщающих работах все еще не получил достойной оценки научный вклад Ч.Ч.Валиханова в исследование историко-культурного прошлого кыргызского народа в середине XIX века, то есть - в один из самых переломных периодов в летописи нашего Отечества.

Книга, в определенной степени, восполняет некоторые вышеуказанные пробелы, используя для этого комплексный анализ как известных, так и малоизвестных научно-исследовательских работ Ч.Ч.Валиханова, которые, несомненно, внесут большой вклад в развитие отечественной и мировой исторической науки и, со временем, займут достойное место в бесценном наследии этого Великого Человека.

ГЛАВА I. КЫРГЫЗОВЕДЧЕСКИЕ ТРУДЫ Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА

1.1 Истоки обращения к кыргызам

Научно-творческое наследие Ч.Ч.Валиханова составляет важную часть в сокровищнице наших знаний о кыргызах и других народах Центральной Азии середины XIX века. Страницы его биографии и путешествий по северу Кыргызстана и в Восточный Туркестан описаны в книгах И.Забелина, С.Муканова и И.Стрелковой [65,107,144]. Это делает излишним включать в наше исследование историко-биографический очерк о Ч.Ч.Валиханове, хотя все перечисленные авторы, в той или иной мере, касались и обстановки в Кыргызстане во время его путешествий.

Относительно научного наследия Ч.Ч.Валиханова, которое исследуется уже свыше века, наблюдается следующая закономерность: оно, во многом, увязано с изданием его трудов, записок и отчетов, начиная со второй половины XIX века и по сегодняшний день. Одной из причин этого являлось то, что часть из его научного архива, в том числе и переписка между Западно-сибирским генерал-губернаторством и Министерством иностранных дел Российской империи по поводу негласной поездки поручика Ч.Ч. Валиханова в Кашгар в 1858 году или даже первичная черновая запись отрывка из эпоса "Манас" – "Смерть Кукетей-хана и его поминки", длительное время являлись достоянием разных ведомственных архивов России.

Несмотря на то, что в 1861 году статья Ч.Ч.Валиханова "Очерки Джунгарии" была опубликована в "Записках ИРГО", а в 1868 году в "Известиях ИРГО" было напечатано сообщение о его поездке в Кашгар, все же первое издание "Сочинений" Ч.Ч.Валиханова было предпринято в Санкт-Петербурге лишь в 1904 году в "Записках ИРГО" по отделению этнография. Это стало результатом стараний коллег Ч.Ч.Валиханова по Географическому Обществу - П.П.Семенова-Тян-Шанского и Н.И.Веселовского как дань уважения деятелей российской востоковедческой науки к памяти этого

знаменитого путешественника и ученого, с глубокими познаниями и разносторонними научными интересами. В 1865 году в Лондоне вышла статья Ч.Ч.Валиханова на английском языке о его поездке в Кашгар в собрании под названием «Русские в Центральной Азии» [218].

С тех пор, только через пять с лишним десятилетий, уже в советский период, в Казахстане в 1958 году были впервые изданы избранные сочинения Ч.Ч.Валиханова. В результате масштабного научного поиска в архивах и библиотеках целой группы казахстанских историков, этнографов и других специалистов, во главе с академиком А.Х.Маргуланом, увидело свет первое академическое издание собрания сочинений Ч.Ч.Валиханова в пяти томах. А еще спустя почти четверть века, к 150-летию со дня его рождения, появился второй пятитомник, составленный уже по хронологическому принципу.

А.Х.Маргулан - автор обширных историко-биографических очерков, в которых отмечено значение валихановских сочинений для воссоздания этнических и культурно-исторических процессов в кыргызском обществе в древности, средневековье, в новое и новейшее время, в том числе в середине XIX века. Он также был ответственным редактором обоих изданий собраний сочинений Ч.Ч.Валиханова.

Пристального внимания заслуживают такие работы Маргулана, как - "Шокан жане Манас" (*Алма-Ата, 1971г.*) [97] и "Шокан жазып алган "Манас жыры" (*Алматы, 1965г.*) [98], в которых обстоятельно раскрываются заслуги Ч.Ч.Валиханова в изучении кыргызского героического эпоса "Манас."

Другие казахстанские ученые - К.Илюсизов, А.Атишев, О.Сегизбаев [20,73,134] в ряде статей и книг осветили общественно-политические, социологические и экономические взгляды Ч.Ч.Валиханова на казахское общество, историю и культуру Казахстана в прошлом.

Следует отметить, что, помимо работ российских и казахстанских географов, отметивших вклад Ч.Ч.Валиханова в изучение природы и экономической географии центрально-азиатского региона, по результатам его

поездок в Кыргызстан и Восточный Туркестан, его участию в первой русской военно-научной экспедиции на Иссык-Куль в 1856 году, а затем и Кашгарского путешествия в 1858-1859 гг., посвящены статья историков В.М.Плоских и В.Я.Галицкого, приуроченные к 100-летию Кашгарского путешествия и первого посещения Ч.Ч.Валихановым территории современного Кыргызстана [118].

Отдельное место в чокановедении занимает диссертационная работа и статьи Ч.Ч.Турдалиевой, которая впервые комплексно проанализировала не только известные труды Ч.Ч.Валиханова о кыргызах, но и обнаружила и рассмотрела кыргызоведческие сведения в других его малоизвестных произведениях [165,166,167].

Бесспорный вклад в изучение короткого, но яркого жизненного пути, деятельности и литературного наследия Ч.Ч.Валиханова, в целом, и в историческое кыргызоведение, в частности, внесли научные конференции, проходившие в Москве и Алма-Ата в 1985 году и в Бишкеке в 1996 году. Итогом их явилось издание двух сборников статей участников этих научных форумов, которые разноаспектно обрисовали его жизненные вехи, отважные путешествия и бесценные труды как ученого в области экономики, географии, истории, этнографии и языков народов Центральной Азии. Если в первом из этих сборников «Ч.Ч.Валиханов и современность» (*Алма-Ата, 1988г.*) было лишь три статьи кыргызских ученых А.А.Сыдыкова, Р.З.Кыдырбаевой и И.Б.Молдобаева [152,75,103] о Ч.Ч.Валиханове, как о видном исследователе-кыргызоведе именно в области материальной и духовной культуры кыргызов в середине XIX века, то во втором сборнике «Сан-Таш-140» (*Бишкек, 1996г.*) почти все его содержание посвящено кыргызстанской проблематике в научно-творческом наследии Ч.Ч.Валиханова.

Безусловно, особым образом необходимо отметить источниковедческие работы Ш.К.Кадырова [77,78], посвященные трудам русских путешественников, включая Ч.Ч.Валиханова, как ценных исторических

источников о кыргызах и Кыргызстане. Его брошюры «Записки и отчеты русских путешественников, как источник по истории Киргизии второй половины XIX века» (Фрунзе, 1961г.), «Видные ученые о Киргизии» (Фрунзе, 1963г.) в источниковедческом аспекте касались трех валихановских работ - «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о киргизах» и «Очерки Джунгарии». По мнению автора, названные сочинения Ч.Ч.Валиханова определяют: «Важность, достоверность и конкретный характер, собранных их сведений, что делает его труды первоклассным источником по экономической (добавим также и по духовной и материальной культуре населения – Ч.Т.) истории кыргызов в 50-60 гг. прошлого столетия (XIX века - прим. автора)» [78,с.39]. Тем самым автор нацеливал исследователей, историков и культуроведов на необходимость более широкого и глубокого изучения кыргызстанской части творческого наследия Ч.Ч.Валиханова.

Однако все же заметим, что при всех достоинствах книг Ш.К.Кадырова, посвященных некоторым трудам Ч.Ч.Валиханова, вне поля зрения этого труда остались немаловажные его статьи, в которых приводятся ценные сведения по истории и культуре кыргызов изучаемого периода. К примеру, статьи Ч.Ч.Валиханова «Кашгарский дневник I», «Кашгарский дневник II», «Заметки по истории южносибирских племен», «Письмо профессору И.Н.Березину», «Следы шаманства у киргиз», в свете изучения кыргызов и Кыргызстана, не были введены в научный оборот.

В завершение краткого обзора изученности данной темы, считаем необходимым ещё раз обратить внимание на тот факт, что, в силу различных причин прошлого и настоящего, в этом направлении историографии скопилось много вопросов, на которые автор попытался, как можно полнее, ответить в этой книге и, самое главное, надеется придать плодотворную динамику новым научным исследованиям специалистов и заинтересованной аудитории по углубленному изучению истории своего народа и Отечества.

ГЛАВА II. ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ КЫРГЫЗОВ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

2.1. Ч.Ч. Валиханов об этногенезе и истории кыргызского народа

Происхождение кыргызского народа является одним из самых интересных и сложных не только в историческом кыргызоведении, но и тюркологии, в целом. Но даже сегодня не все здесь до конца выяснено и решено, а не то, что во время первого знакомства Ч.Ч.Валиханова с кыргызами в его поездках в кыргызские кочевья (1856 г.) и Синьцзян (1858-1859 гг.).

Естественно, что и он не мог обойти этот архиважный вопрос того времени. Потому совсем не случайно ключевые вопросы происхождения кыргызского народа: – когда и откуда перекочевали кыргызы в Восточный Туркестан и на территорию современного Кыргызстана, или же они автохтонные жители Тянь-Шаня и Притяньшанья, какова этимология самого этнотермина «кыргыз» и другие вопросы привлекали исследовательское внимание Ч.Ч.Валиханова и занимают в его научном наследии одно из важных мест, о чём свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, обилие изученной им исторической литературы, в которой затрагивалась данная проблема или отдельные ее аспекты. Это труды российских и европейских востоковедов: А.И.Левшина [91], Н.Я.Бичурина (*о.Иакинф*) [35], Э.Фишера, Ю.Клапрота и др.[44, т.2.]. Вне его поля зрения не остались статьи в научных журналах и сборниках, в том числе российских журналистов, писателей и библиографов - Г.И.Спасского, Д.Н.Языкова, Н.С.Щукина, содержавшие сведения историко-географического и этнографического характера об азиатских странах и народах за Уралом, в Казахстане и Центральной Азии. Он также хорошо был знаком с трудами таких восточных авторов как Абульгази, Мухаммед Хайдара и Рашид-ад-дина.

Им привлекались и документальные материалы, отложившиеся в архиве Омского областного правления сибирских киргизов. Ч.Ч.Валиханов также не пренебрегал расспросными сведениями людей, знавших жизнь и быт

кыргызских и других евразийских кочевников. Так, например, он упоминал о Муравлеве - офицере российского Генштаба в Омске, от которого узнал о кыргызах, переселившихся с Енисея на Алтай [44,т.3].

Во-вторых, он одним из первых из досоветских исследователей подошел к рассмотрению данной проблемы, базируясь на комплексном изучении исторических, архивно-документальных и этнографических источников.

Так, в своих работах: «Записки о киргизах», «Очерки Джунгарии», «Заметки по истории южносибирских племен» и других Ч.Ч.Валиханов изложил три подхода к решению этногенеза «алатавских», т.е. Тянь-Шаньских кыргызов, имевших место в тюркологии к середине XIX века, и попытался дать свой анализ и научную интерпретацию.

Сторонники первого подхода – А.Левшин, Э.Фишер, Ю.Клапрот, считали, что Тянь-Шанские кыргызы являются частью кыргызских племен на Енисее, которые в XVII веке переселились на Тянь-Шань. По этому поводу у Ч.Ч.Валиханова обнаруживается следующее: «В конце XVII века вдруг исчезает это поколение (*кыргызы-Ч.Т.*) и не слышится более имени их. Фишер утверждал, что, согласно мирному договору русского царя с джунгарским ханом, кыргызы были переселены из собственных кочевий и нынешних алатавских и болорских киргиз считал за киргизов енисейских. Левшин разделял его идею, Клапрот тоже, так что и Риттер принял это положение в своем сочинении «Землевладение Азии» [44,т.2, с.51].

Второй подход характерен для немецкого ученого К.Риттера, полагавшего, что кыргызы произошли от смешения «индогерманских» усуней и тюркских племен «хойху» [44,т.2,с.52], что, фактически, не совсем верно, т.к. термин «хойху» с китайского языка означает - «уйгур» [95], а «усуни» являлись предками племен расселявшихся на территории современного Синьцзяна и затем Кыргызстана.

Третий вариант проявлялся в трудах Н.Я.Бичурина, принимавшего за непреложную истину сведения в китайских источниках о том, что Тянь-шанские кыргызы это – «буруты» [44, т.2, с.51,58].

У Ч.Ч.Валиханова по вопросу этимологии этнотермина «кыргыз» обнаруживаются несколько значений и самоназваний кыргызского народа. Слово «кыргыз» является самоназванием народа, «белошапочными (*ак-калтакты*) и черными» кыргызов называют «киргиз-кайсаки», т.е. - казахи. Китайцы кыргызов называют «бурутами», а русские - «дикокаменными» или «закаменными», чтобы отличить от «киргиз-кайсаков» и показать «особенности их (*т.е. кыргызов-ЧТ.*) земли» [44, т.2, с.7].

Разные экзотермины, т.е. названия, данные этносу другими народами, вызывали определенную неясность в истории кыргызов, а где-то в них проявлялся и обидно-уничижительный контекст. К примеру, термин «дикокаменный» не был известен кыргызам и не употреблялся ими.

Позднее западные путешественники конца XIX - начала XX вв., приезжавшие на территорию современного Кыргызстана, использовали эти термины, записанные русскими путешественниками, в том числе Ч.Ч.Валихановым, в своих трудах и эти этноназвания становились частью печатной истории о кыргазах в США и Европе. Так, в их трудах этнотермин «кыргыз» встречается в следующих вариациях: «Kirghese, Kyrgyz – Кыргыз», «Kara-Kirghiz – черный киргиз», «Mountain Kirghiz – горный киргиз», «Turanian Khirghiz – туранский киргиз», «Burut – Бурут», «Muhammedan Kirghiz – магометанский киргиз», «Chinese Kara-Kirghiz – Китайский кара-киргиз», «Russian Kirghiz – русский киргиз». Чаще всего встречаются четыре первых этнотермина, что может подтвердить большое влияние российских исследований на них [208,213,204,207].

Отметим, что замещение собственного имени народа или племени другими, удобными для реакционной российской науки и политики терминами, прослеживается и в других колониальных владениях Российской

империи. Для российских колонизаторов лишь только слово «мусульманин» имело более ясные границы идентичности. Как отмечал французский исследователь А.Беннигсен: «Царская администрация относилась совершенно безразлично к устремлениям мусульман, как к субъектам империи и полностью игнорировала проблему их идентификации. Это отчетливо проявлялось в господствующей путанице в официальных терминах. «Татарин» использовался для определения не только волжских и крымских татар, но и для тюрок Северного Кавказа (*карачаевцев, балкар, ногойцев*) и азербайджанцев. Термин «сарт» (*торговец*) для обозначения туркестанского оседлого населения, турок, иранцев и им подобных. Администрация считала всех мусульман одной нацией. Понятие «мусульманин» имело официальное хождение, неся в себе черты подданства» [200, р.39-40].

Этнонимы «кыргыз», «узбек», «казах» и другие существовали и чаще употреблялись российской колониальной администрацией и академической школой, но не самими централо-азиатами. Использовались ли эти термины в дореволюционное время в качестве «этноса» теми, кто называл себя узбеком, казахом, кыргызом? Это уже другой вопрос, считает современный американский исследователь Н.Шахрани [216,р.27-38].

Полагаясь на сообщения как западных, так и российских путешественников, мы приходим к выводу, что в конце XIX века у кыргызов существовал двойной уровень идентичности, отражавшийся: - во-первых, в осознании принадлежности к народу, в контексте межэтнических взаимодействий – кыргыз и казах, кыргыз и узбек, кыргыз и «ферингис», т.е. европеец-иностранец; - во-вторых, идентичность, проявляемая в рамках межплеменных взаимоотношений – бугу-сарыбагыш, солто-саяк, мундуз-теит и т.д. При этом отметим, что прочность племенного сознания и идентичности отчетливо обнаруживается среди современных кыргызов, проживающих на Тарбагатае в Китае [18,19].

Российская колониальная администрация прибегала к артикуляции терминов «сарт», «татарин» и других для того, чтобы стереть чувство идентичности на уровне народа и племени. Названия «инородец» и «туземец» употреблялись официальной чиновничьей Россией для того, чтобы принизить национальное достоинство коренных жителей региона [93].

С нашей точки зрения, к этим универсальным и заместительным терминам можно отнести и этнотермин «киргиз», который российскими властями употреблялся не только с целью обозначения этнической принадлежности кыргызов и казахов, но и для идентификации их хозяйственной деятельности, т.е., говоря «киргиз», местные царские власти, прежде всего, подразумевали «кочевник».

Большую полемику среди ученых не только времени Ч.Ч.Валиханова, но и позднего периода вызывала хронология миграции кыргызов с Енисея на Тянь-Шань и их этногенетических и этнокультурных связей. По этому вопросу из всех ученых, включая и зарубежных, наиболее большой вклад сделан Ч.Ч.Валихановым, так как именно он первым стал собирать данные, и обратился к кыргызскому фольклору и архивным материалам. В частности, по этому поводу Чокан Чингисович писал: «Для разъяснения этой путаницы мы обратились к народным преданиям и получили следующие данные: 1) народ, означаемый именем «дикочаменных», «черных киргиз», называет себя просто «киргиз» или, как сами они произносят, «кыргыз». Название «бурут», данное им калмыками и китайцами, совершенно им неизвестно; 2) киргизы считают своей первой родиной Анджанские горы; 3) преданий о переселении из Южной Сибири между ними не сохранилось, но есть предание о том, что они кочевками своими с юга на север распространялись до Черного Иртыша, Алтая и Хангая, а на восток до Урумчи» [44, т.3,с.345-346].

Согласно собранным Ч.Ч.Валихановым материалам, кыргызы, расселявшиеся в XIX веке на Тянь-Шане, не хранили в своей памяти факты о переселении сородичей или каких-то родственных племен из Южной Сибири к

ним. Но по историческим фактам известно, что колонизация Сибири в конце XVI века и русско-джунгарское и джунгарско-цинское противостояние нередко вызывали движение енисейских кыргызов. Они стали переселяться с Енисея на территорию Монголии, Алтая, западного Китая и Центральной Азии [175,105,с.210-219]. Однако миграция енисейских кыргызов в пределы Тянь-Шаня в XVII веке не была массовой, поскольку ни военно-политическое давление Джунгарского ханства на них, ни ассимиляционные процессы, происходившие на Алтае, являвшейся промежуточной и транзитной территорией между Минусинской котловиной и Центральной Азией, не позволяли енисейским кыргызам делать массовые «марш-броски» непосредственно с территории Енисея на Тянь-Шань.

Полагаясь на этническую память кыргызского народа, которая не зафиксировала факты его миграции из Южной Сибири на Тянь-Шань двести лет тому назад, т.е. в XVII веке, Ч.Ч.Валиханов считал возможным предполагать «старожительство» кыргызов в известных местах обитания в южной и северной части современного Кыргызстана и сопредельных территориях. Свое предположение он аргументирует и сведениями из арабского источника «Тарихи-Рашиди» Мухаммеда Хайдара, в котором обнаружил, что кыргызы, названные Хайдаром «буруты», в конце XV века уже кочевали в горах около Андижана, а во времена самого средневекового историка (около 1520 г.) они распространяли свои кочевки до Исык-Куля [44,т.3,с.346]. Известно также, что и в других раннесредневековых арабских и персидских источниках приводятся сведения об участии енисейских кыргызов в этнокультурных и политических процессах, происходивших на Тянь-Шане в IX-XIII веках [82,с.52-54,105].

В 1860 году Ч.Ч.Валиханов работал в архиве Омского областного правления киргизов с документом о переселении правителем джунгар - хунтайджи (ойратов или калмыков) 3-х тысяч кибиток-семейств енисейских кыргызов поближе к кочевой ставке джунгарского хана, находившейся в

разное время в Джунгарии, Семиречье и в Прииссыккулье. Проанализировав известные ему сведения об этом событии, он пришел к выводу о научной несостоятельности утверждений некоторых ориенталистов о формировании кыргызской народности на Тянь-Шане, в результате переселения туда части их соплеменников с Енисея в XVII веке.

Ч.Ч.Валихановым отвергалась также гипотеза о происхождении тянь-шанских кыргызов от одноименного родового отделения в составе собственно калмыцкого народа. В частности, он указывал на ошибочность такого взгляда Н.Я.Бичурина и писал: «Мнение отца Иакинфа, что киргизы сибирские были ничтожный калмыцкий оток (*род-прим.авт.*) даже не стоит опровержения. Из сибирских летописей, очевидно, что киргизы были народ довольно сильный и совершенно отдельный от джунгаров. Если они добровольно вступили в подданство Джунгарского ханства, то точно также свободно переходили от них к России и к Алтын-хану. Нельзя отрицать существование калмыцкого отока с подобным именем (*то есть кыргыз-Ч.Т.*), но оно решительно ничего не доказывает, ни к чему не ведет: между башкирами, кубанскими ногайцами и кайсаками есть поколение, называемое «киргиз» [44, т.2, с.58, т.3, с.347].

Согласно современным исследованиям, политическое положение енисейских кыргызов, в условиях переплетения геополитических и территориальных интересов Российской империи, джунгарских ханов и Китая, в Сибири было сложным, но, в то же самое время, кыргызы старались, на протяжении более века, сохранять свою самостоятельность, несмотря на то, что нередко часть населения насильственно или добровольно переселялась в Джунгарию или Маньчжурию [175].

Как справедливо заметил Ч.Ч.Валиханов, оставшаяся на Енисее часть кыргызов, по-прежнему, кочевала там, но, утратив уже свое общее этническое и общеполитическое название, и она, в основном, использовала племенные идентификации и названия.

«Исчезновение их (*сибирских кыргызов-Ч.Т.*) имени могло произойти по тому же закону, по которому знаменитое владение урянхайских «золотых» царей, которым киргизы платили дань, существует теперь в виде двух бедных волостей, известных под именем «двоеданцев», потому что они платят дань русским и китайцам. Известно, что сибиряки всем инородцам дают особенные имена и остатки сибирских киргиз, конечно, кочуют на старых местах, но под новыми именами. Мы читали где-то, что один из татарских народов Енисейской губернии, кажется, сагайцы считают себя потомками киргиз» [44,т.2,с.58].

Добавим, что это суждение Ч.Ч.Валиханова подкрепляется ныне данными современных нам кыргызских и российских исследователей. Так, согласно кыргызскому историку А.Абдыкалыкову: «Мнение о переселении енисейских киргизов на Тянь-Шань в XVII веке не имеет под собой почвы, ибо были угнаны не все киргизы, а небольшая группа, да и то та, как указывают источники, была разгромлена противниками Джунгарии, а уцелевшая часть растворилась среди джунгаров, некоторые вернулись в старые кочевья» [44,т.2, с.58-63]. Хакасские историки В.Я.Бутанаев и М.А.Чертыков считают, что общая численность угнанных енисейских кыргызов составляла всего около 15 тысяч человек, и джунгарский хан поселил их за рекой Иртыш в долине реки Эмель [40,175].

Вместе с тем, отрицая факт позднего переселения кыргызов из Сибири на Тянь-Шань, т.е. в XVII веке, Ч.Ч.Валиханов, тем не менее, указывал на существование этногенетических связей тянь-шанских и сибирских или енисейских кыргызов, и это он основывал на сходстве этимологии этнонима «кыргыз». Им также высказывалось предположение о возникновении этих связей в результате перекочевки части "сибирских" кыргызов на Тянь-Шань в раннее время, т.е. в IX-XIII веках. По этому поводу можно упомянуть еще одно из его сведений: «Очень может быть, что отделение нынешних киргизов от сибирских собратьев принадлежит к одному из подобных движений,

происходивших давно, может быть до Чингис-хана, в эпоху движения уйгуров с Икар-Муруна (совр. река Ангара-прим.авт.) или же при нем». [44,т.2, с.63].

Как заметил современный исследователь О.К.Караев, эта часть суждений Ч.Ч.Валиханова не упоминалась в историографии первого тома "Киргизской ССР" (1984г.) [80,с.10], в которой приводится его предположение, основанное на легендах и преданиях о том, что издавна кыргызы проживали на Тянь-Шане и в Прииссыккулье, а в летний сезон они совершали перекочевки на Саяно-Алтай (у Ч.Ч.Валиханова Хангай - Ч.Т.) и обратно [74,с.27].

Точная же формулировка Ч.Ч.Валиханова о перекочевках кыргызов такова: «Мы полагаем, что кыргызы распространялись на восток (*то есть с востока на запад*—Ч.Т.) до нынешних их кочевок в самые древние времена, ибо в маршруте Гулагу 1253 года встречаются кыргызы (*килики-цзы*) на Тянь-Шане и перекочевки их от Тянь-Шаня до Хангая и обратно продолжались и в последующие времена, что подтверждается и народными преданиями. Такие перекочевки прекратились только тогда, когда между Алтаем и Тянь-Шанем образовалось сильное владение ойратов или джунгаров» [44,т.3, с.346].

Таким образом, эти два диаметрально противоположных предположения Ч.Ч.Валиханова о том, что кыргызы – «старожилы Андижанских гор» (*Феранский хребет*-Ч.Т.), и что «Южная Сибирь являлась территорией их первобытного кочевания» не позволяют однозначно и безоговорочно относить его к сторонникам автохтонного происхождения кыргызов на современной территории их проживания.

Мы также считаем, что, в свете современных археолого-этнографических исследований, высказанная Ч.Ч.Валихановым гипотеза о переселении в IX-XIII веках енисейских кыргызов на Тянь-Шань имеет вполне научное обоснование. Ведь период политического подъема енисейских кыргызов в IX-X веках, т.е. во времена их так называемого «великодержавия» ознаменовал собой и расширение территорий их расселения и этнополитического и культурного влияния [82,с.55].

О пребывании части енисейских кыргызов на территории Тянь-Шаня, Памиро-Алая, Восточного Туркестана свидетельствуют исследования А.Н.Бернштама [34,с.94], Ю.С.Худякова [173] и К.Ш.Табалдиева [153,154,с.195-203]. При проведении раскопок в 1994-1995 годах на Центральном Тянь-Шане, археологом К.Ш.Табалдиевым были обнаружены элементы материальной культуры, присущие только енисейским кыргызам. Наличие под насыпью курганов вещей енисейского происхождения, спрятанные в так называемые «тайники» и использование огня в могильной яме, отражает тот факт, что некоторые племена, пришедшие из Южной Сибири и их потомки, продолжали культивировать свои «енисейские» признаки и черты в погребальной обрядности [153,с.200-201].

В целом, в истории кыргызов период IX-XIII века определяется как один из первых и основных этапов движения этносоциального объединения племен «кыргыз» из Южной Сибири и Алтая в Семиречье, в Юго-восточный Казахстан и в Северный Кыргызстан [126,176].

В современное время относительно хронологии миграции енисейских кыргызов на Тянь-Шань существует несколько версий [82,105,94]. Одна из последних принадлежит российским ученым Ю.С.Худякову и В.Я.Бутанаеву, согласно которой, кыргызы на Тянь-Шане сформировались в результате двухэтапного переселения части кыргызского этноса с Енисея в Восточный Туркестан и Монгольский Алтай в IX-X вв. и разделении кыргызов в начале II тысячелетия н.э. на два этноса: енисейских и восточно-туркестанских, последние в XV веке н.э. переселились на Тянь-Шань [42].

Из вышеизложенного следует сделать вывод о том, что по вопросу о происхождении кыргызского народа и связи енисейских и тянь-шанских кыргызов в древности и раннем средневековье, Ч.Ч.Валиханова нельзя безоговорочно отнести к сторонникам автохтонной теории. Он считал, что между енисейскими и тянь-шанскими кыргызами имеется тесная генетическая

связь и, вероятно, миграция части кыргызских племен с Южной Сибири на Тянь-Шань могла произойти в IX-XIII веках.

О подходе Н.Я.Бичурина к происхождению кыргызов Ч.Ч.Валиханов высказал следующее суждение: «Наличие родового отделения "киргиз" в составе калмыков, подобно тому как это имело место у башкир и ногаев, не означает, что кыргызы произошли от них» [84, ч.1,с.113]. «Они могли оказаться у них и вследствие войн или барымты» [44,т.2,с.53]. Выявленный им архивный документ о насильственном угоне кыргызов из Сибири в XVII веке на свои земли лишь подтверждает ошибочность мнения отца Иакинфа - специалиста китайского языка о происхождении кыргызов от калмыцкого рода по названию "киргиз". Ч.Ч.Валиханов привел и другое мнение Н.Я.Бичурина о том, что «тянь-шанские кыргызы являлись потомками древних кочевых племен, обитавших в пределах Восточного Туркестана под названиями "болу", "булу", "бурут." По этому поводу он писал: «Отец Иакинф в объяснениях к переводу китайского сочинения «Описание Западного края» повторяет то же, но от своего имени: «Нынешние киргизцы прежде обитали по южную сторону Хотанских гор, неподалеку от северных пределов Тибета, и уже в IX веке появились на нынешних местах под китайскими именами: «болу», «булу» и «болуй», которые сходствуют со словом «бурут», следовательно, «бурут» есть древнее имя кэргизцев, которым китайцы и монголы называют их» [44,т.2,с.58].

В отечественном кыргызоведении до сих пор нет единого мнения на суждения Бичурина о связи «бурутов» с кыргызами [83, 105,с.14-15], но, как справедливо отмечал Ч.Ч.Валиханов, «кыргызам не были знакомы ни термин «бурут», ни «болу», и ни «болуй». «Если между киргизами есть род и отделение «бурут», то, по-нашему мнению, оно могло произойти от выходцев из племени «бурут», которые, по Рашид-ад-Дину, также как и киргизы, были лесные народы и принадлежали к ойротам» [44,т.1,с.300]. Однако это предположение Ч.Ч.Валиханова, в соответствии с точкой зрения

кыргызстанских ученых О.Каратаева и А.Мокеева [83, 105,с.14-15] о происхождении этнонима «бурут» от названий древних племен «болу», «бору» и «бугу», кочевавших в окрестностях Памирских гор, ошибочно.

Иная трактовка этнотермина «бурут» встречается у историка А.Абдыкалыкова: «Бурут» в калмыцком и монгольских языках означает «провинившийся» и именно так называли кыргызов, не желавших состоять в войске калмыцкого хана и укочевывавших из него. Следовательно, «бурут» не этноним, а прозвище» [4,с.127].

Мы же придерживаемся другой точки зрения и полагаем, что «бурут» являлся синонимом, производным от этнотерминов «бору», «болуй», пришедших от калмаков, и затем зафиксированный китайскими источниками, как самоназвание кыргызского народа.

Таким образом, проблема этногенеза кыргызов была и остается важной и актуальной задачей как для дореволюционной, так и современной историографии Кыргызстана. В ее решении к середине XIX века обозначились три основных точки зрения: - первая – тяньшаньские кыргызы образовались от енисейских кыргызов, переселённых в XVII веке на Тянь-Шань; - вторая – они образовались от смешения усуней и тюркских племен «хойху»; - третья – кыргызы Тянь-Шаня – это «буруты», а сибирские кыргызы произошли от калмацкого рода «киргиз».

В настоящее время среди специалистов, занимающихся этногенезом кыргызского народа, сложилась более или менее «компромиссная» концепция по этому вопросу, суть которой состоит в следующем. Формирование кыргызской народности происходило в период XIV-XVIII века, и в нем выделяются следующие основные этапы:

1. Древний этап, включающий сакский, сако-усуньский и гунно-усуньский периоды на территории современного Кыргызстана.

2. Раннесредневековый этап, в котором выделяются - кыргызский на Енисее, тюркский, тюркско-карлукский и карлукско-караханидский периоды на территории Центральной Азии и Кыргызстана.

3. Позднесредневековый этап, включающий кимакско-токузогузско-кыргызский на Алтае, моголо-кыргызский и кыргызский в Прииртышье и на Тянь-Шане.

В этой периодизации особое место придается ранне-кыргызскому периоду, который, по мнению ряда ученых, отражает процесс этнообразования на Енисее и Минусинской долине еще до 840 года, т.е. до передвижения некоторых кыргызских племен с реки Енисей в предгорья Тянь-Шаня, в связи с их завоевательными походами в ставку уйгуров Бешбалык и Аньси на территории современного Синьцзяня (*Китай*). Именно эти племена с Енисея затем стали основными консолидирующими компонентами в формировании кыргызского народа на Тянь-Шане [105,с.19-22.].

Ч.Ч.Валиханов внес весомый научный вклад в изучение данного вопроса. Для неоспоримого доказательства своих выводов, им был блестяще использован комплекс аргументированных источников: фольклор, сведения восточных авторов, архивные материалы, труды известных на тот период времени востоковедов, которые, в своей совокупности, позволили ему внести коррективы в различные высказывания ученых по проблеме кыргызского этногенеза и четко сформулировать свою точку зрения на происхождение тянь-шанских кыргызов, во многом, близкую или совпадающую с мнениями современных исследователей.

2.2 Социальная иерархия и структура кыргызского общества

В середине XIX века этнический состав кыргызского народа был тесно связан с устойчивой системой родоплеменного деления. Она представляла немалый интерес для так называемых дореволюционных кыргызоведов – И.Г.Андреева, А.И.Левшина, М.И.Венюкова, В.В.Радлова, Н.А.Аристова [6]. Среди них достойное место занимает и Ч.Ч.Валиханов, в исследованиях которого по данному и другим актуальным вопросам того времени были заинтересованы как российские власти, так и ученые.

В такой исторической обстановке в апреле 1856 года Ч.Ч.Валиханов отправился в своё первое путешествие на Иссык-Куль. Все свои сведения он заносил в путевой дневник, из которого видно как он оперативно определился в своем собственном научно-публицистическом стиле работы, как все увереннее уводил на второй план обязательные описания местности, ее флоры и фауны, чтобы уделить главное внимание человеку, жизни народов Азии, их прошлому и настоящему, их надеждам на будущее. Как подчеркивал в этой связи известный русский ученый-исследователь и друг Ч.Ч.Валиханова Г.Н.Потанин: «Чокан жил со своими современниками, обменивался с ними своими страстями, но интересовался судьбой больше людей будущего».

О бытовании родоплеменной структуры у казахского и кыргызского народов Ч.Ч.Валиханов знал с детства. Образованные для своего времени, его бабушка Айганым и отец Чингис Валиханов рассказывали Чокану легенды и предания о казахских родах и племенах [144, с.25], а более основательные знания о соседях, т.е. семиреченских кыргызах и их делении на правое и левое крыло отражает ответ 14-летнего Ч.Валиханова на письмо И.Н.Березина - профессора Петербургского университета и известного востоковеда. Березин обратился через преподавателя кадетского корпуса Р.Ф.Костылецкого к Ч.Валиханову с просьбой расшифровать некоторые слова тюрко-монгольского происхождения из ханских ярлыков Золотой орды. В своем ответе профессору Ч.Валиханов писал: «Деление на правая и левая рука существует и теперь у

дикочаменных киргиз-ун (*он-Ч.Т.*) и сул (*сол-Ч.Т.*). К главным представителям первого принадлежит племя - Бугу, второго - Солту (*солто-Ч.Т.*). Делению на правую и левую руки дает древнейшее начало – шесть сыновей Огуз-хана - родоначальника тюркских племен. Здесь видно, что племена разделялись во всем порядке на крыла, и каждое крыло имело свой арьергард. И до сих пор на Востоке и Бухаре беки всегда по значению родов, которых они представляли, имеют места по правую и левую сторону трона царского» [44, т.1, с.167].

Безусловно, будучи юным курсантом кадетского корпуса, Чокан не знал, что деление кыргызских племен на правое и левое крыло также имеет древнюю историю и восходит к эпохе гуннов и древних тюрков [105, с.118].

Более основательные знания у Ч.Ч.Валиханова о системе родоплеменного деления у кыргызов относятся ко времени его приезда и пребывания в кочевьях северо-кыргызского племени Бугу в 1856 году. Из уст бугинцев он записал легенду, объясняющую происхождение дуального деления кыргызских племен. «Происхождение и название родов, народные предания объясняют именами своих предков, а потому система родового подразделения тесно связана с генеалогией родоначальников орды. Киргизбай (*см. предания*) - первый родоначальник народа, давший ему свое имя, имел только одного сына Ак-уула (*белого мальчика*). У Ак-уула, по одному преданию, было два сына – Абл (*Авел*) и Кабил (*Каин*), а по другому – Абл и Кабил происходили не непосредственно, но в известном колене от Ак-уула. Потомство Абла составляет правое крыло, а Кабила – левое. От сыновей Тагая (*внука Абла*): Богорстана, Койлака, Килджира и Карачоро произошли в дальнейшем племена правого крыла» [44, т.2, с.40-41]. Эта информация соотносится со сведениями из рукописи восточного автора XVI века Сейф-ад-дина Ахсикенти [195] и со схемой структуры кыргызских племен, составленной С.М.Абрамзоном [7, с.11], т.е. эти и другие сведения Ч.Ч.Валиханова, являющиеся как бы промежуточным звеном между записями, названного средневекового автора и современным нам исследованием системы

родоплеменного деления кыргызов в конце XIX–начале XX вв. в северной части Кыргызстана, отражают устойчивость кыргызских генеалогических структур в течение нескольких веков.

В записках Ч.Ч.Валиханова проявляется его интерес к составу племен левого крыла у кыргызов, населявших Ферганскую долину, а также предгорья Алая и Памира. Он писал: «Из генеалогии бурутов следует, что главную массу их народа составляют тюркское племя киргиз, к которому присоединились впоследствии два чуждых отдела. Один из этих чуждых отделов составляют роды кипчак (*кыпчак-Ч.Т.*), найман и китай» [44,т.3,с.348]. Эти сведения были получены им от представителей бугу, следовательно, северокрыгызские племена, в частности бугинцы, неплохо были осведомлены о племенах Южного Кыргызстана и осознавали их частью кыргызского народа. Но суждение Ч.Ч.Валиханова о том, что объединяющим началом всех трех отделов кыргызского народа и племен правого и левого крыла и ичкиликов являлся их общий родоначальник – Киргизбай не совсем верно. Он писал: «...права их на киргизскую народность в генеалогической форме выражены тем, что им дан общий родоначальник, который поставлен сыном Киргизбая» [44,т.3,с.348-349]. Согласно кыргызской генеалогии, племена, принадлежащие к левому и правому крылу, имели своим первопредком Кыргызбая или Тагая, но третье подразделение - ичкилик являлось поздним объединением и по своему родоплеменному составу неоднородным формированием [184].

Правильность его высказывания о том, что большинство кыргызских родов и племен носят имена их сильнейших родоначальников, подтверждается современными исследованиями С.М.Абрамзона, В.Я.Винникова, С.Аттокурова, О.К. Каратаева и других. Так, С.М.Абрамзон писал: «Очень часто свое название родоплеменная группа получала по имени исторического лица, некогда стоявшего во главе ее на правах феодального владельца» [7,с.12]. Как отмечает О.К.Каратаев, антропоморфные этнонимы в системе родоплеменного деления кыргызов составляют 65-70% [229,с.16.].

По самоназванию племен - кыпчак, мундуз, кытай Ч.Ч.Валиханов считал, что эти племена имеют древнее происхождение. С.М.Абрамзон также придерживался мнения о древности формирования этих родоплеменных политий [7,с.56-57, 184,156,160].

Прежде чем обратиться к анализу сведений Ч.Ч.Валиханова о племенах северного Кыргызстана, необходимо отметить неопределенность, вернее неточность, терминологии Ч.Ч.Валиханова по обозначению названий подструктур генеалогического дерева кыргызов. У него нередко обнаруживаются путаница и смешение названий. Так, например, для обозначения племени им используется как слово - «род», «отдел», так и собственно «племя», а в значении «род» употребляется «отделение», «поколение» и собственно «род». К примеру, западные путешественники XIX - начала XX вв. употребляли чаще слово «племя/tribe», чем «клан/clan». Вероятно, это объясняется тем, что первоисточниками в изучении и описании родоплеменной системы кыргызского народа, да и оседло-земледельческих культур Центральной Азии являлись российские сведения, в том числе и Ч.Ч.Валиханова, где чаще использовалось слово «племя». Западные путешественники также использовали путеводители, в которых красочно описывались районы и территории земного шара, населенные различными племенами [62,с.52]. Опубликованные в начале XIX века во Франции и Великобритании книги европейцев о Западной Африке и Южной Америке, включали сведения о местных племенах [212,р.68-85], и они также содержали рекомендации по сбору информации и наблюдению за местными культурами в отдаленных странах и землях [223,р.3-4]. В целом, в контексте колониальной риторики, слово «племя» незамедлительно подразумевало примитивный и дикий народ, которому необходимо было привить цивилизацию. Факт, но даже в наше время в некоторых контекстах термин «племя» используется как синоним слову «примитивный». К примеру, несмотря на то, что многие арабские народы на Ближнем Востоке, проявляют высокую современность как

в экономике, так и в технологиях и культуре, все же иногда идентифицируются как племена [178,с.125]. Племенная идентификация в традициях Центральной Азии, в частности Кыргызстана, также имеет свое сравнительно высокое значение в частной и общественной жизни.

Как отмечает С.М.Абрамзон, определенная путаница с понятиями, связанными с племенами и родами кочевников, была свойственна для многих дореволюционных и советских авторов [6,с.12]. Мы придерживаемся той терминологии, которая общепринята в этнографии и антропологии – племя, род, подразделение.

К племенам правого крыла Ч.Ч.Валиханов относит: бугу, солту (*солто-Ч.Т.*), сарыбагыш, жедигер, адегене (*адигине-Ч.Т.*) бассиз (*басыз-Ч.Т.*), багыш, тыгай (*тагай-Ч.Т.*), черикчи (*черик-Ч.Т.*) [44,т.2,с.41]. В целом, им правильно определен состав правого крыла, за исключением племени бассиз, относящегося к левому крылу кыргызских племен. Вызывает возражение и отнесение исследователем к племенам правого крыла этнонима «тагай», поскольку в схемах деления кыргызских племен на правое и левое крыло составителями «санжыры» (*т.е. генеалогии*) Тагай был родоначальником племен правого крыла кыргызского народа [6,с.12,184,с.24].

По описанию Ч.Ч.Валиханова: «... племя солто разделяется на четыре поколения: конту (*кунтуу-Ч.Т.*), булекбай (*бөлөкбай-Ч.Т.*), толкан (*талкан-Ч.Т.*), учбагыш. Численностью солты превосходят как сарыбагышей, так и бугу, в нем считается до 20.000 юрт, хотя подымную дань Кокану платят за 1500 юрт» [44,т.2,с.42]. Вероятно, данные о численности солто были почерпнуты им из сведений купцов Нифонтьева и Воронина, которые в 1847 году, путешествуя по Семиречью, оставили заметку, что сарыбагышей и солто насчитывалось 40 тысяч юрт [44,т.2,с.42]. Согласно С.М.Абрамзону, накануне 1917 года, численность солто составляла не менее 10 тысяч хозяйств [6,с.22]. Территория расселения этого племени находилась в пределах центральной и западной частей Чуйской долины, а также по южному берегу реки Чу [6,с.22].

Родоплеменная структура племени солто, составленная Ч.Ч.Валихановым, представлена сорока одним этнонимом. (*Приложение № 1*). Из них двадцать пять соответствует родоподразделениям этого племени, составленной С.М.Абрамзоном в 1960-е годы. Как очевидно из приложения №1, по сравнению с другими племенами, значительная часть солто, даже через сто лет, сохранила свои рода и подразделения, что, вероятно, связано как с ориентацией на интеграцию внутри племени и кочеванием в долинном ландшафте, так и с особой закалкой в межплеменных войнах с кыргызскими и казахскими племенами. Также на динамику дисперсного или, напротив, компактного расселения племени солто, да и не только на это племя, большое влияние оказывала территориально-административная реформа царизма по закреплению кыргызских родов и племен к волостям и уездам.

Соответствий в родо-подразделениях племени солто меньшее количество, лишь в подразделении «кунтуу» из пяти родов, записанных Ч.Ч.Валихановым, имеются четыре соответствия. (*Приложение № 5*). Отмеченное им подразделение «учбагыш» (*Учбагыш - Ч.Т.*), в таблице С.М.Абрамзона отсутствует [7,с.27]. Племя «үч багыш», означающее на русском языке «три лося», имеет южно-сибирское происхождение и это название упоминается в кыргызском малом эпосе «О батыре Олджобае и о девушке, погибшей из-за горестной любви».

«А жених из Уч-Багыша
Вдруг из белой юрты вышел.
Видно так он испугался,
Что удрал бы из аила.
Так доносчица язвила,
Это мужу говоря» [113].

Наличие таких родов иноплеменного происхождения как - кыпчак, кытай, моголдор в составе солто объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, кочевья солтинцев географически располагались между группами

сарыбагыш, чекир-саяк, кушчу, жетиген и других, а также в близком соседстве с казахами. Во-вторых, вожди племени солто уже с XVII века активно использовали барымту для присоединения родов названных племен к себе [44,т.2,с.23]. На зарисовке Ч.Ч.Валиханова тамга племени солто представлена изображением полумесяца, а боевой клич-уран назывался «каратал» [44,т.2,с.42].

О племени бугу Ч.Ч.Валиханов оставил следующие записи: «Род (*племя-Ч.Т.*) бугу есть самый богатый из всех дикокаменных родов. В нем считается до 10.000 кибиток. Он состоит из трех главных поколений: алсеит, тенемсеит (*тынымсеит – Ч.Т.*) и арык. В свою очередь, алсеит разделялся на пять отделений: баур (*боор-Ч.Т.*), белек, кыдык, шилтак, а арык - на два - сары и кучук. Белеки предпочтительны перед другими родами, которые считаются самым сильным родом, и власть над всеми родами находится у манапа из этого поколения. Зимние кочевья род бугу имеет на южной долине озера Иссык-Куль, называемой Терской» [44,т.2,с.42]. Здесь Ч.Ч.Валиханов вновь употребляет слово «род» вместо «племя». Согласно С.М. Абрамзону, арык и тынымсеит относились к самостоятельным племенным объединениям [6,с.17].

В структуре племени бугу по Ч.Ч.Валиханову насчитывается тридцать этнонимов. (*Приложение № 2*). Кроме трех, все они совпадают с этнонимами племени бугу из таблицы С.М.Абрамзона. Это характеризует высокую достоверность информации исследователя об этом племени.

Отмеченных нами соответствий в подразделениях племени бугу гораздо больше, чем в остальных племенах. Так, полное соответствие в подразделении белек, где главой являлся манап Боронбай Бекмуратов, у которого в течение месяца 1856 года находился Ч.Ч.Валиханов. В нем четыре соответствия из шести (*Приложение № 6*), а в подразделении кыдык полное совпадение с исследованием С.М.Абрамзона, что может быть связано с относительно длительным пребыванием Чокана Чингисовича среди них по пути его

следования в Кашгар в 1858 году и возможностью непосредственной коммуникации и наблюдений. (*Приложение № 6*).

По поводу тамги бугинцев Ч.Ч.Валиханов писал: «Тамга у бугу имеет такую форму и называется джагалмай (*жагалмай-Ч.Т.*). Уран их джангораз» (*жанкороз-Ч.Т.*) [44,т.2.с.43]. По Абрамзону, эта тамга называлась «жаа тамга» (*от жаа — лук*) [6,с.32].

Племя бугу и различные вариации названия этого племени (бугунотай, пугу, богу) встречаются в средневековых китайских и других восточных источниках, а также в монгольском генеалогическом писании - «Сокровенное сказание монголов». В средневековье, в составе телеских племен, они кочевали к востоку от Восточного Тянь-Шаня и имели 30 тысяч аилов и 10 тысяч войска [95,141].

В записях Ч.Ч.Валиханова племя сарыбагыш зафиксировано как сильное и воинственное племя: «Сарыбагыши второй по численности род (*племя-Ч.Т.*) после бугу, считает слишком 10.000 юрт. Род этот славится своим мужеством и самовластием манапов. Сарыбагыши состоят из 4-х родов: исенгул (*булат*), черикчи (*темир*), надырбек и атеке (*тнай*). Первые три рода известны под собственным именем трех сыновей Учки (*Учкенын уч уул*)» [44,т.2,с.32]. О воинственном характере сарыбагышей сообщалось еще в китайских источниках XVIII века. Возвратившись позже других кыргызских племен из Ферганской долины в Северный Кыргызстан, манапы сарыбагышей стали вести активную политику по захвату пастбищ, скота и пленных и таких устремлений они не утратили и в середине XIX века, т.е. во время путешествия в 1856-1859 годах П.П.Семенова-Тян-Шанского и Ч.Ч.Валиханова.

Как сообщал П.П.Семенов-Тян-Шанский, в войне с бугу сарыбагыши, одержав победу, заняли восточное побережье озера Иссык-Куль, вытеснив оттуда бугинские аилы [136,с.161]. А сарыбагышские манапы Ормон и Торогельды, в период путешествия Ч.Ч.Валиханова в Кашгар в 1858-1859гг., контролировали караванные пути, ведущие в этот город через южное

побережье озера Иссык-Куль. Относительно этих манапов он писал: «Урман (*Орман – Ч.Т.*), Турегельды (*Торогельды – Ч.Т.*) и Джантай – три сильнейших родоначальника в колене сарыбагыш, последние двое кочевали в то время на Иссык-Куле. Проходя через киргизские аулы (*аилы – Ч.Т.*), караван непременно должен прибегнуть к покровительству одного из сильных вождей, иначе в каждом ауле его будут останавливать, требовать подарки и настаивать на праве гостеприимства» [44,т.3,с.82]. С одной стороны, в изучаемый период, торговые караваны из Китая, России и других районов Центральной Азии являлись источником обогащения кыргызской элиты, а, с другой, этот механизм своеобразного таможенного контроля и уплаты налогов являлся инструментом поддержания неформальных и неписаных порядков в отношениях с ближними и дальними народами и странами.

Благодаря сведениям Ч.Ч.Валиханова, можно составить представление о численности и границах кочевок сарыбагышей. «Зимнее кочевье его (*сарыбагышей – Ч.Т.*) начинается от реки Курметы вниз по северной долине Кунгей до западного конца озера, до урочища Кутималды. На лето сарыбагыши уходят в горы к верховьям рек Каскелена, Курты (*Куртки-Ч.Т.*) или на реке Чу» [44,т.2,с.44]. По мнению С.М.Абрамзона, сведения Ч.Ч.Валиханова о расселении сарыбагышей не полны. Они расселялись в долине рек Чон-Кемина и Кичи-Кемина, занимая прилегающие местности к западу от озера Иссык-Куль, восточную часть Чуйской долины, а также долины рек Кочкор и урочища в долинах рек Нарына и Ат-Баши [6,с.33].

В структуре племени сарыбагыш, составленной Ч.Ч.Валихановым, насчитывается тридцать шесть родов и подразделений. Из них двадцать два имеют соответствия со структурой племени сарыбагыш, составленной С.М.Абрамзоном. (*Приложение № 3*). Соответствий по подразделениям не имеется ни одного. Названное Ч.Ч.Валихановым подразделение «исенгул» (*эсенгул-Ч.Т.*), в таблице С.М.Абрамзона представлено как родовое подразделение, но в 1960-х годах, составляющие его рода, стали

самостоятельными родовыми единицами. (*Приложение № 7*). По всей вероятности, межподразделенческие и межродовые распри, а также естественный прирост населения, в силу этого вынужденная миграция и захват пастбищ у других сородичей, даже у племени Бугу, и явились источником такой перегруппировки родов и подразделений у племени сарыбагыш.

В 1850 году манап сарыбагышцев - Ормон объявил себя ханом всех кыргызов, что вызвало еще большее противостояние с племенем бугу. В этом соперничестве последние потерпели поражение и к 1856 году, т.е. к моменту российской колонизации севера Кыргызстана, племя сарыбагыш являлось лидером среди всех северокыргызских племен [138].

Согласно Ч.Ч.Валиханову, тамга и уран сарыбагышей были аналогичны племени бугу. У С.А.Аттокурова обнаруживаем, что ураном этого племени являлось слово - «Атаке» по имени известного кыргызского бия, который в 1785 году отправил дипломатическую миссию к правившей в то время в России императрице Екатерине II [184,с.121].

Саяки кочевали в пределах современной Нарынской области: рек Нарын, Кочкор-Ата и Жумгал, а на юге от озера Иссык-Куль до Сон-куля [44,т.2,с.44].

Приведенные им крупные родоплеменные подразделения племени саяк, включали и подразделения племени чекир-саяк, которое, с точки зрения С.М.Абрамзона, являлось самостоятельным племенем. Из восьми подразделений – три относятся к племени саяк (*Приложение № 4.*), и в них встречается лишь одно несоответствие со структурой племени саяк и чекир-саяк в таблице С.М.Абрамзона. Возможно, что эти сведения Ч.Ч.Валиханов собрал в кочевьях саяков, когда в 1858 году он, по пути в Кашгар, остановился в крепости Куртка. Численность племени саяк в то время составляла - 1.300 юрт и ураном являлись имена батыров Садыра и Тайлака - известных героев в борьбе кыргызов против кокандцев и Цинского Китая в Кашгарии [44,т.2,с.44].

О других северокыргызских племенах Ч.Ч.Валиханов оставил краткие сведения, в которых, в частности, упомянул такие из них, как - черик,

чонбагыш, моголдор, багыш и адигине [44,т.2,с.44]. Согласно С.А.Аттокурову, чонбагыш входит в левое крыло кыргызских племен. О происхождении племени черик он (*Ч.Ч.Валиханов*) записал легенду, вероятно, показавшейся ему очень интересной и даже, где-то, смешной. «Чер, по объяснению дикокаменных киргиз, есть название какой-то болезни желудка, и родоначальник черикчи (*черик-Ч.Т.*), по свидетельству преданий, был одержим этим недугом». Численность чериков составляла 1.500 юрт [44,т.2,с.41,т.3,с.78].

О племенах левого крыла кыргызов сведения Ч.Ч.Валиханова не значительны. Из одиннадцати приведенных им племен этого крыла и группы «ичкилик» [44,т.2,с.89] – восемь находят соответствие со структурой, составленной С.А.Аттокуровым. (*Приложение № 8*). Он не дал подробную разбивку по родам и подразделениям, вероятно, в связи с тем, что перед ним не стояла такая задача, а, во-вторых, его информаторы - северокрыгызские племена, особо не знали о южных сородичах [44,т.2,с.83]. Но, с другой стороны, в рамках теории Б.Андерсона о «воображаемых сообществах» [197], северные кыргызы имели представления о южных сородичах как части единого этноса, и в этом смысле всеобщая этническая идентичность имела место быть и развиваться.

Однако, суждение Ч.Ч.Валиханова об утере южными кыргызами языка и национальных черт, в связи с близостью их проживания с оседлым узбекским населением Кокандского ханства, ошибочно. При этом, безусловно, определенные заимствования имели место. К примеру, в языке, но полной ни культурной, ни языковой ассимиляции не было, что подтверждается современными археолого-этнографическими и лингвистическими исследованиями таких известных ученых, как - Ю.А.Заднепровский [66,с.23-30], Е.И. Махова [101], И.А.Батманов [29] и других.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что родоплеменная система кыргызов являлась формой общественной организации, а анализ

составленных нами сравнительно-сопоставительных приложений кыргызских родоподразделений показывает, что этнические процессы в структуре того или иного племени происходили неравномерно и с разной степенью интенсивности. Так, в племени сарыбагыш распад подразделения эсенгул привел к дисперсному расселению мелких родов по другим подразделениям его же племени: манап, жети урук и др. В то же самое время, факт устойчивой принадлежности родов к одному подразделению, в течение ста лет, прослеживается на примере подразделения кунтуу из племени солто.

Документальные сведения Ч.Ч.Валиханова о расселении, численности и самоназвании ряда северных и южных кыргызских племен тем ценны и особенны, что они давали российской науке и колониальным властям представление о кыргызах, как о цельной этнической общности.

В настоящее время эти документы могут служить богатым фактологическим материалом при составлении санжыры (*кыргызской генеалогии*), при создании трудов по истории и при разработке комплекса «Этнический состав кыргызского народа в XIX веке» в экспозиции Кыргызского государственного исторического музея.

Социальная структура кыргызского общества, в период путешествия Ч.Ч.Валиханова, характеризовалась разделением на феодально-патриархальную элиту и зависимый от нее простой народ – букара или кедей. При этом, такая структура не зависела от того, были ли кыргызы самостоятельными или временно подпадали в зависимость или даже были подвластны соседним народам, как и от того, какой тип хозяйства преобладал в отдельных местах территории Кыргызстана и их поселениях – кочевое скотоводство, оседлое земледелие, либо смешанный переходный от первого ко второму. Однако названия этих двух сословий и отдельных групп нередко подвергались изменениям, в зависимости от характера внутренних и внешних социально-экономических и политических факторов.

Так, например, среди господствующего сословия у южных кыргызов отсутствовала такая важная социальная категория как манапы, появившаяся у северных кыргызов в 40-х годах XIX века, о чем можно судить по первому упоминанию о манапах у Ч.Ч.Валиханова, пользовавшегося сведениями купца Исаева [44,т.1,с.38]. У южан были датхи, бии и, вероятно, беки, которые отсутствовали у северян. То же можно сказать и об отдельных группах среди бедных айльчан, зависимых от кыргызской родоплеменной знати.

Сведения Ч.Ч. Валиханова о главных сословиях кыргызского общества середины XIX века выделены им отдельным подразделом: «Разделение на сословия: манапы и их значение», в котором он писал: «Народ, как на сословия разделяется на две касты: владетелей (*манапов*) и простой (*народ*) - кара-бухара» [44,т.2,с.38]. (*Букара-Ч.Т.*)

Использование термина «каста» характеризует широту знаний исследователя, в частности, о социальном строе Индии и литературе о Южной Азии, которая появлялась в то время на книжных рынках России.

Ч.Ч.Валиханов выделил два противоположных по своим социальным интересам сословия кыргызского патриархально-феодалного общества. В отношении манапов он попытался проанализировать истоки происхождения этого социального слоя. Исследователь записал легенду, объясняющую происхождение слова «манап» от личного имени сарыбагышского родоначальника - Манапа, отличившегося крайней жестокостью и деспотизмом. «Первые манапы, по объяснению туземцев, явились недавно и то впервые у сарыбагышей. Бий сарыбагышей по имени Манап был первый тиран. Манапство понравилось биям других родов и теперь манап есть нарицательное имя родоначальника каждого поколения орды. При всем том, в роде бугу народ имеет больше значения, и сам Буранбай (*Боронбай-Ч.Т.*) говорил мне, что у них в строгом смысле нет манапов» [44,т.2,с.38]. Подобное объяснение встречается и у ряда дореволюционных авторов [168].

Ограничение власти манапа народовластью объясняется существованием у кыргызов принципа меритократии, т.е. власти, основанной на заслугах личности. У кыргызов при выдвижении вождей племени больше учитывались военные достижения сородича, чем хозяйственно-экономические или социальные качества, и выдвинутого главу называли «батыром», т.е. храбрецом. К примеру, у сарыбагышцев Шабдан и Атаке назывались батырами.

Известно, что манап, как социальный титул, возник в XVII веке, однако широкое распространение этого института власти и правления объясняется не его возникновением от личного имени, а в связи с господствующим положением, которое заняло у племени сарыбагыш родовое подразделение «манап», некогда возглавляемое его родоначальником Манапом. Впоследствии термин «манап» стал употребляться на севере Кыргызстана по отношению практически ко всем племенным вождям и биям [7,с.169]. «Неограниченная, почти деспотическая, власть манапов есть уже последующее введение и, в некотором смысле, злоупотребление властью отца семейства, бия, как назывались манапы прежде» [44,т.2,с.38].

По мнению современных исследователей, попытка анализа Ч.Ч.Валиханова термина «манап» и института манапства является одним из первых и наиболее полных в дореволюционной тюркологии [117,с.247].

Возникновение и активное развитие системы манапского управления привели к тому, что во многих кыргызских племенах и родах манап единолично представлял не только военно-административную и хозяйственно-экономическую власть, но и сам вершил правосудие, которое ранее осуществляли – бии - общепризнанные народом третейские судьи.

В отношении роли последних (*биев*) в кочевом социуме имеется интересный факт из жизни Ч.Ч.Валиханова. Работая в Комиссии, изучавшей в 1863 года мнение азиатских народов о проекте судебной реформы в Российской империи, исследователь пришел к выводу о том, что номады, в

основном, одобряют сохранение суда биев, но без его имперского огосударствления. «Из этого сравнения киргизского суда биев с судом мировым очевидно, - писал он, - что мировой суд, несмотря на большую разницу в частностях, в общей идее и по практической цели своей имеет много общего с судом биев у киргиз, только мировой суд изобилует большими формальностями и имеет более бюрократических атрибутов. По нашему мнению, суд биев - и [это] не удивительно, если принять во внимание аналогию высшего развития с низшим, имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере в отношении киргиз. Мы бы сказали абсолютное превосходство, если б не боялись, что нас могут заподозрить в преувеличении».

При этом, для критики мирового суда своего времени, которым предполагалось заменить суд биев, Ч.Ч.Валиханов использовал авторитет известных английских, французских и немецких юристов, отмечавших недостатки европейского (*в основном британского*) суда.

Здесь необходимо также отметить, что многие оценки и предложения, содержащиеся в написанной более 150 лет тому назад работе Ч.Ч.Валиханова «Записки о судебной реформе» являются актуальными и сегодня, т.к. в обстановке сложного и противоречивого процесса очередной модернизации в Центральной Азии и в России. Поэтому продолжают быть полностью справедливыми мудрые слова Чокана Чингисовича о том, что «вопросы о реформах требуют... большей осторожности и больших соображений, ибо от них зависит народное «быть или не быть»».

Продолжая наш краткий исторический экскурс о трансформации института бийства в систему единоличной власти манапства приведем дополнительные валихановские сведения по данной теме. «Манапы, как прямые потомки древнейшего родоначальника орды, имели первоначально патриархальное право отца семейства, но постепенно, с течением времени, власть эта увеличивалась и обратилась, в конце концов, в деспотические

отношения владетеля и рабов. Власть их в настоящее время в роде не ограничена: он полный господин черного народа, и может их продавать и убивать. Все тяжкие, по понятиям киргиз, преступления, как-то: убийство манапа, увоз девки, растление, третичное воровство наказываются смертной казнью. Урман (*Орман – Ч.Т.*) - манап сарыбагышей имел на реке Каскелен виселицу, на которой висел вор для внушения вящего страха» [44,т.2,с.38].

Действительно, наказание манапа было жестоким и единоличным [168,с.124-125]. Но, в то же самое время, они (манапы) нередко выступали с охранительными и защитными функциями в отношении подвластных ему айльчан, и в этом отношении сарыбагышский манап Шабдан Джантаев яркий тому пример [169,с.6]. Богатство и состояние манапов пополнялось за счет многочисленного скота, налогообложения в виде добровольных пожертвований от простого народа, называемые «журтчулук» и «кошумча», широко практиковавшиеся и в период российской колонизации [169].

Существовали и другие виды и формы поборов, собираемых в пользу манапов. Так, еще дореволюционный автор Г.С.Загряжский отмечал: «В Кетмень-Тобе всем заправлял Рыскулбек Нарбутин, ныне умерший. Он пользовался в своем роде такими правами, которых я нигде не встречал. Так, например, он брал зякет (*налог со скота-Ч.Т.*) со всех кокандских купцов, которые приходили к нему торговать, и гарантировал им долги. С киргизов он брал за свадьбу, за похороны, за обрезание. Такое положение скопило у него огромное состояние и дало ему почти ханскую власть над народом. Жаловаться на него, нечего было и думать, потому что просителя поймают джигиты Рыскулбека и сделают то, что было приказано» [68,с.363].

Манапы нередко выступали инициаторами барымты (*баранта-Ч.Т.*), т.е. угона скота, который, фактически, являлся важным источником их обогащения. Так, Ч.Ч.Валиханов упоминал бия племени бугу Джанета и оставил о нем такие записи: «На реке Джетыюгуз (*Жети-Огуз-Ч.Т.*) мы нашли наших кыдыков, прикочевавших сюда для сбора хлеба, и еще несколько аулов

(аул-Ч.Т.) того же рода, принадлежащих биям Самсалы и Джанету, которые лето провели на Тянь-Шане. Последний из них был известен за батыра и пользовался большой разбойничьей славой. При жизни Боромбая (*Боронбай-Ч.Т.*) он был им преследуем, и скрывался между тянь-шанскими киргизами, и только после смерти этого родоначальника мог вернуться к своим родовичам» [44,т.3,с.59]. А родоправитель этого же рода манап Бурсук (*вероятно Борсок-Ч.Т.*), отделившись от племени бугу, совершал частые набеги на соседние роды. «Наш хозяин Бурсук не принадлежал к числу манапов, не участвовал в народных совещаниях и был очень беден. Однако же Бурсук хотел иметь родовое значение и, чтобы разбогатеть, вел баранту почти со всеми киргизскими аристократами. С этой целью он выбирал для своих аулов самые крепкие позиции, удаленные от общих кочевок» [44,т.3,с.344]. Эти наблюдения Ч.Ч.Валиханова отражают то, что распри являлись инструментом обогащения и источником родовой независимости, потому любые попытки внутриплеменной консолидации и централизации власти вокруг одного лидера у киргизов не завершались успехом.

Анализ таблицы Ч.Ч.Валиханова о киргизских родоподразделениях [44,т.2,с.83-87] отражает неравномерность распространения манапов и биев в том или ином племени. Так, в племени сарыбагыш большинство биев одновременно именовались манапами, а у племени бугу манапами являлись родоначальники крупных подразделений [86,с.88-89]. Но, в целом, таблица объективно отражает тот факт, что манапы в социальной иерархии киргизского общества середины XIX века стояли выше, чем бии.

О другом господствующем сословии киргизского общества - баях Ч.Ч.Валиханов не оставил никаких подробных описаний. Хотя известно, что позже и бай, несмотря на свою малочисленность, стали играть ведущую роль в жизни киргизского общества. Среди баев выделялись определенные градации, к примеру, такие как: «март бай» – щедрый бай, «саран бай» – жадный бай, «чон бай» – большой, богатый бай, «кордолуу бай» -

наследственный бай, которые, в своей совокупности, отражали развитие этого сословия и уровень материального достатка и социального положения данного сословия в обществе [142; 44,т.2,с.39-40]. Хотя некоторые исследователи отмечают появление ряда социальных титулов у кыргызского общества в XIX веке, но, согласно исследованиям Ч.Ч.Валиханова, такие титулы, в частности, как - султан или бек, у кыргызов не существовали [142; 44,т.2,с.48].

В приведённом контексте необходимо отметить, что валихановская Таблица о кыргызских родоподразделениях и социальной иерархии, прежде всего, составлялась для штаба Западносибирского генерал-губернаторства в г.Омске. Содержащийся в этом документе материал отражал тот факт, что в середине XIX века социальный термин «манап» не вытеснил полностью понятия «бий», как ошибочно полагал С.М.Абрамзон [7,с.168], а только лишь усилился и утвердился в качестве феодального владельца всего племени или его крупного подразделения. Более того, возникает новый статус – ага-манап (*главный манап*), который поддерживался царскими властями, в целях облегчения выполнения задачи, с помощью последних, по дальнейшей колонизации всей территории Кыргызстана.

В этой связи представляет интерес письмо из Главного Управления казахов Большой орды на имя начальника Алатавского округа казахов Большой Орды от 22 июня 1863 года, в котором отмечалось: «По представлению старшим манапом майора Качибека Ширалина и помощником к нему Сарпека Саскина, что они для надлежащего распоряжения будут высланы из Омска с выдачей им грамот по принадлежности к этим должностям (*т.е. ага-манап–Ч.Т.*)» [237].

Однако не все манапы, получившие этот титул от российских властей, имели сильное влияние на своих сородичей. Так, письмо Ч.Ч.Валиханова к начальнику Алатавского округа Г.А.Колпаковскому от 14 декабря 1864 года свидетельствует, что многие рода племени бугу уходили от ага-манапа

Сарпека Саскина к старшему манапу Боромбаю, пользовавшимся в своем племени большим авторитетом [44,т.5,с.170].

В данном контексте нужно отметить, что к началу российской колонизации титул манап уже сам начал разнообразиться, в частности, был известен и такой, как – «чынжырлуу манап», т.е. наследственный правитель.

Относительно бесправного сословия букары или кедей, т.е. - простых скотоводов и земледельцев, Ч.Ч.Валиханов писал, что их роднит со своими родоначальниками принадлежность к общему первопредку. «Среди них нет деления на белую и черную кость, подобно тому, как у казахов и калмаков. Они (*манапы-Ч.Т.*) представляют резкую противоположность с киргиз-кайсацкими (*казахскими*) султанами, которые, по историческим воспоминаниям народа, хотя и имели первоначальные юридические права владетелей, но были всегда ограничены советом старейшин - представителей «черного» (*простого*) народа. Право же равенства у дикокаменных киргиз имело противоположный результат – рабство. Стало быть, и название «черных» (*в смысле равных, свободных*), которым так гордится Дикокаменная орда, есть только несоблюдаемая форма, предание» [44,т.2,с.39]. То есть, как справедливо отметил Ч.Ч. Валиханов, в XIX веке манапы были господствующим сословием, обладавшим всеми источниками экономического и внеэкономического принуждения и власти. Одним из таких источников являлась идеология об общем предке - «бир атанын балдары». Осознание родственных уз с господствующей бийско-манапской верхушкой являлось завуалированной формой эксплуатации простых общинников. В рамках этой традиции и идеологии существовали различные формы и виды взаимного «всепомоществования» и социальной поддержки. Так, манапы и бии предоставляли своим айльчанам часть молочного скота или овец, за это последние должны были выполнять всю домашнюю работу в их хозяйстве. Такая форма называлась «саан». Имелись и другие формы закрепощения

простых скотоводов и земледельцев, подробное описание которых имеется в работах современных исследователей-этнографов и историков [7,72,117].

Таким образом, анализ работ Ч.Ч.Валиханова о кыргызском обществе середины XIX века позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, его труды неравномерны по объему, что, вероятнее всего, является следствием интереса автора, главным образом, к племенам севера Кыргызстана, предположительно, в связи с заинтересованностью в этом российских властей. Во-вторых, несмотря на то, что основное внимание исследователя (*по вышепредположенной причине и ограниченности путешествия по времени - Ч.Т.*) было сосредоточено на анализе политико-экономической обстановки в северном регионе Кыргызстана, однако труды Ч.Ч.Валиханова по систематизации родоплеменной и иерархической структуры кыргызского общества того времени и сегодня имеют высокую научную ценность как чётко выверенные и, практически, полные документальные источники по изучению генезиса и ментально-психологической идентичности всего кыргызского социума (*без разделения единого народа на северян и южан*), а также с конкретной моделью и инструментариями функционирования национальной иерархической системы кыргызов во второй половине XIX века.

2.3. Внутри - и внешнеполитическая ситуация в Кыргызстане во второй половине XIX века

Внутриполитическая обстановка на территории современного Кыргызстана в 50-60-е годы XIX века (*до утверждения власти российской империи над северными кыргызскими племенами – Ч.Т.*) характеризовалась не только феодальной раздробленностью и междоусобицами, но и попытками кыргызской элиты достичь консенсуса и создать централизованную власть. Это нашло отражение в работах Ч.Ч.Валиханова во время его путешествий через Кыргызстан в Синьцзян и обратно, а также в трудах известных русских путешественников - П.П.Семенов-Тянь-Шанского, Н.А.Северцова и других.

В частности, в записках Ч.Ч.Валиханова имеются ценные сведения о предании, повествующем о первых распрях между родоправителями племен сарыбагыш и бугу. «Первое междоусобие и вражда сарыбагышей с бугу начались при Белеке (*из бугу*) и Булате (*сарыбагыш*). Булат был щедрый и благочестивый манап. Все свое имущество и скот раздал он бедным и дошел до того, что, когда его жена родила сына, он не имел барана, чтобы сделать обед. Булат пришел к жене Белека и попросил барана. Дикокаменная матрона отвечала оскорбительно, намекая ему, что он может иметь баранов, и она не обязана снабжать его обедом. Оскорбленный Булат (*он был так беден, что приехал на воле*) собрал свой род и при проходе Кудоре (*вероятно, название реки - Ч.Т.*) напал на коч-бугинцев». Это обстоятельство, по преданию, явилось поводом для нападения сарыбагышей на бугу и уводом первыми девяти дочерей бугинского манапа Тогузбая» [44, т.2, с.76]. Это предание и фольклористическое объяснение межплеменного конфликта, но реальные его причины были вызваны борьбой за пастбища и домашний скот.

Одной из форм межплеменных столкновений и даже войн являлась барымта (*баранта-Ч.Т.*) - угон скота. В статье «Записка о судебной реформе» [44, т.4] Ч.Ч.Валиханов положил начало изучению этого социального явления как в кыргызском, так и казахском обществах. «Согласно обычному праву

степняков, - писал Ч.Ч. Валиханов, - барымта являлась средством наказания за неуплату долга, оскорбление или убийство. Должников обычно уведомляли о предстоящей барымте за три дня до ее совершения [44,т.4,с.97]. Однако, в период валихановских поездок в кыргызские кочевья, воровство скота и другие виды хищения увеличились. «Степняк предпочитает такой быстрый и, по его понятию, легкий способ к добыванию насущного хлеба, и при первой нужде садится на коня и отправляется в набег, а при успехе возвращаться с добычей, который может прокормить его год» [44,т.4,с.97].

Публикации в периодической печати Туркестана и Семиречья конца XIX - начала XX вв. [68,156,168], как и архивно-документальные материалы, дополняют сведения Ч.Ч.Валиханова об усилении барымты, в целях наживы и упрочения влияния на соплеменников биев и манапов, зачастую выступавших ее инициаторами. Межплеменные распри имели место и в кыргызских кочевьях в Центральном (*Внутреннем*) Тянь-Шане, где усобицы между манапами племени саяк и черик усугублялись постоянным вмешательством кокандских властей. Так, комендант кокандской крепости «Куртка» Мамразык оказывал поддержку саякам, и даже находился в родственной связи с их манапом Осмоном. «Вообще власть кокандцев поддерживается только особенной политикой и уступчивостью, к которой нынешний комендант, по-видимому, очень привык. Для поддержания своей власти он имеет аманатов из хорошей фамилии, поддерживает посредством подарков и наущений постоянную вражду между начальниками родов. С этой целью он возвысил Османа (*Осмон-Ч.Т.*), вступив с ним в родство, и посредством его наказывает других киргиз, неповинующихся. Для возбуждения большого рвения Османа он называет его пансадом и датхой» (*высокие воинские звания кокандского ханства - Ч.Т.*) [44,т.3,с.34]. Черики требовали от властей Коканда устройства им отдельной крепости с новым комендантом: «Чирики (*черик-Ч.Т.*) как мы уже говорили, посылали депутацию с просьбой дать им отдельного начальника, депутация эта вернулась только что перед нами, Мамразык

говорил нам, что домогательство их безуспешно, но, тем не менее, чирики не являлись на приглашение» [44,т.3,с.34]. Такая же картина наблюдалась на Памиро-Алае во взаимоотношениях родоплеменных подразделений кыргызов. Враждебные отношения складывались и между родами одного племени. Так, род кыдык племени бугу кочевал отдельно от других родов и вел барымту с соседними родами. Ч.Ч.Валиханов оставил следующие сведения об этом: «Бурсук (*глава рода-Ч.Т.*) хотел иметь родовое значение и, чтобы разбогатеть, вел баранту почти со всеми кыргызскими аристократами. С этой целью он выбирал для своих аулов (*аул-Ч.Т.*) самые крепкие позиции, удаленные от общих кочевков. Он не покидал своего убежища даже и тогда, когда другие племена в полном сборе, раскинув свои аулы на широкой долине Кегена, готовились торжественной байгой праздновать тризну верховного манапа Буранбая (*Боронбай-Ч.Т.*) в 90-й день его смерти. Мой хозяин и девять его хищных сыновей в это время занимались конокрадством» [44,т.3,с.344].

Проявления родоплеменного сепаратизма, в определенной степени, имели аналогии с децентрализованной удельной властью в феодальной средневековой России [136,с.163]. Немногие объединенные попытки таких видных исторических личностей среди кыргызской родоплеменной верхушки как Ормон-хан [56,с.83-84], Боронбай или Алымбек-датка [119,с.12-13] подчинить себе соседних биев и манапов, отражает наличие центростремительных тенденций в раздробленном и разобщенном кыргызском обществе середины XIX века. Однако они встречали сильнейшее сопротивление множества соплеменников - представителей центробежных сил, в лице родоначальников «своего» племени, а не только других «чужих» родов и племен. Разумеется, что в такой, почти традиционной, социально-политической обстановке не могло быть и речи о централизации власти и об объединении всего кыргызского народа как единой общности.

Оказалась неудачной и попытка царских властей в 50-60-х гг. XIX века подчинить управлению ага-манапа Боронбая других родоправителей - биев

одного племени бугу. Правда, идея централизации, под верховенством старшего манапа, предпринималась тогда, когда царская власть еще твердо не укрепились в кыргызских кочевьях. Когда же российская колонизация достигла своей цели и вся территория современного Кыргызстана вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства, то и надобность в системе старшего манапства отпала. В этой связи представляет интерес письмо Ч.Ч.Валиханова, адресованное, упомянутому нами ранее, Г.А.Колпаковскому: «Полезности от ага-манапа мы не видим, и, поддерживая его значение, мы вредим самим себе, отталкиваем от себя народ и вооружаем против себя других манапов: Мурад-Али (*Мураталы-Ч.Т.*), Чон-Карача (*вероятно, Жанкарач-Ч.Т.*) и прочие ушли не от нас, а от Сарымбека (*Сарымбек, Сарпек-старший манап племени бугу-Ч.Т.*)» [44, т.5, с.170].

Другими значимыми факторами, способствовавшими дезинтеграции кыргызских племен, являлись: - природный ландшафт (*доминирование горной местности, занимающей свыше 70% территории Кыргызстана – Ч.Т.*), который благоприятствовал активному развитию барымты, совершению внезапных вооруженных нападений и так далее; - и национальная кыргызская ментальность, в основе которой лежит традиционное мировоззрение кыргызов (*сформированное на многовековой духовно-нравственной народной культуре – легендах, сказаниях, былях, и, в первую очередь, на тысячелетнем эпосе – «Манас» - Ч.Т.*) об их единокровном родстве – «туганчылык» со всеми представителями своего этноса.

Каковы же были отношения кыргызов с казахами - близкородственными соседями, с которыми они нередко вступали в сражения, но, в то же время, имели многочисленные браки. По мнению кыргызского историка Д.Сапаралиева: «Хотя Ч.Ч.Валиханов специально не исследовал кыргызско-казахские взаимоотношения XVII-XVIII веках, но, тем не менее, они нашли определенное отражение в его работах, позволяющие провести

фактологический анализ этих сведений, и дополняющих наши знания по этому вопросу» [130,с.5,128,с.86-100].

Так, например, в статье «Аблай» Ч.Ч.Валиханов описал борьбу султана Старшего жуза Аблая с кыргызами в XVIII веке, в которой кыргызские племена - солто и сарыбагыш, выступив как союзники, потерпели поражение от казахов. Уведенные в плен Аблаем кыргызы были так многочисленны, что их потомки впоследствии составили две казахские волости: Яна (*Жаны-Ч.Т.*) и Бай-киргиз (*т.е. богатые киргизы*) [44,т.4,с.115].

В то же самое время другие сведения Ч.Ч. Валиханова реконструируют факты объединения двух соседних народов в борьбе против внешних сил. В частности, он сообщал, что в борьбе против джунгарских (*ойратских или калмыкских*) завоевателей, кыргызы и казахи выступали объединенными силами. Это подтверждается архивными данными, обнаруженными Д.Сапаралиевым. Так, ноен Демчи тидин (*джунгарский князь-военноначальник – Ч.Т.*) 8 мая 1756 года, рассказывая о причинах бегства ойратов в Россию, показал, что, из-за возникшего несогласия и межфеодальной ссоры, жить в Джунгарии стало невозможно, страна пришла «от мунгальцев» (*т.е. от казахов*) и «бурутов» (*кыргызов*) в крайнее разорение» [128,с.5].

Обращение к архивным документам, отражающим историю взаимоотношений кыргызов и казахов в 1855 года, свидетельствуют, что султан Старшего жуза - Тезек являлся союзником сарыбагышей в их междоусобной распре с бугинцами [236], а в период путешествия П.П.Семенова-Тян-Шанского в Кыргызстан в 1856 году, Тезек уже состоял в мире с племенем бугу и оказывал им поддержку в борьбе против сарыбагышей [136,с.163]. Таким образом, в целом, кыргызско-казахские отношения в те времена были нестабильными, главным образом, в результате разобщенности самой кыргызской элиты и слабости внутриплеменной солидарности.

В отношении кыргызско-китайских и кыргызско-кокандских отношений, в освещаемый период, можно отметить следующее. Коканд стремился

удержать свое господство, ужесточая систему налогообложения кыргызского народа, и всячески привлекал на свою сторону манапов и биев. О взаимоотношениях кыргызских племен солто и сарыбагыш с Кокандом, во времена правления Омар-хана (1809-1822гг), Ч.Ч.Валиханов отмечал: «Первые сношения кокандцы начали с кипчаком, солту и сарыбагышами в царствование ташкентского хана эмира. Султан Адил - главный султан в большой орде считал дикокаменную орду как бы за своих подданных. После мира аблаевского, он начал с Ташкентом войну. Предводитель киргиз Рустем взял семь городов. Ташкентцы заключили мир, по которому обязались считать себя в вассальной зависимости. Рустем был назначен наместником. При таком ходе дел в 1815 году Адил под Ташкентом внезапно умер. Ташкентцы и дикокаменные киргизы, узнавши о его смерти, вооружились. Дикокаменные киргизы тотчас взяли семь тысяч лошадей. Часть народа подчинилась Ташкенту, часть же бежала опять на Илю (*река Или - Ч.Т.*). С этой эпохи подчинились киргизы и кайсаки влиянию сартов (*т.е. кокандцев-Ч.И.*)» [44,т.2,с.79].

Из этой информации следует, что кыргызские племена, совместно с казахскими племенами Старшего жуза, уже в первой трети XIX века воевали против кокандцев. При приемнике Омар-хана - Мадали-хане, экспансия Коканда на северо-восток Кыргызстана усилилась. В 1831-1832 годах его завоевательская политика привела к установлению ханского господства на Иссык-Куле и Центральном Тянь-Шане. На южном побережье озера Иссык-Куль кокандцы построили крепость «Каракол» [44, т. 2, 80], а на реке Нарын укрепление «Куртка» [44, т.3. с.76]. Ч.Ч.Валиханов оставил следующее его описание: «Укрепление Куртка стоит на правом берегу реки Нарына, имеет поперечных в 200 сажень, окружено с трех сторон стеной, а четвертая упирается в крутой берег, высота стен около трех сажень, ширина до двух аршин, с восточной стороны пробиты в стене главные ворота» [44,т.2,с.76]. Внутри крепости, помимо глиняных мазанок, несколько кыргызских юрт

[44,т.2,с.76], вероятно, предназначенных для заложников-аманатов и для кыргызов, привлекаемых для усиления стен крепостного гарнизона.

Через сорок лет, в 1898 году, крепость Нарын посетила английская путешественница Л.Макартни и описала его таким образом: «Нарын был, своего рода, городом-космополитом, на базаре которого можно было встретить русских в прилежных униформах, гуляющих с модно одетыми дамами, татар в черных пальто и черных шапках с мехом, туземцев в красочных чапанах, и дунган, и кыргызов в высоких шапках» [210].

В 1825 году в Чуйской долине кокандцы возвели крепость «Пишпек» [50]. И хотя Ч.Ч.Валиханов не был в ней, но его описание очень точно отражает его предназначение. «Укрепление Пишпек, основанное кокандцами на реке Чу, среди стойбищ кочевых илиатов (*кочевников-Ч.Т.*), есть притон, низвергающий набеги и разжигающий фатализм (*фанатизм-Ч.Т.*)» [44,т.2,с.82]. С точки зрения кыргызстанского историка В.М.Плоских: «Основное назначение кокандских крепостей заключалось в обеспечении на завоеванной территории кокандского господства. Крепости служили для Коканда опорной базой, из которой ханские отряды совершали набеги на мирное скотоводческое население» [117,с.141]. Совсем не случайно, Ч.Ч.Валиханов подчеркнул роль кокандских крепостей в распространении ислама. Продвижение царизма вглубь Центральной Азии сильно тревожило Коканд, и одним из средств идеологического противостояния этой экспансии являлись призывы к джихаду (*газавату, газату*) – борьбе (*войне*) против «неверных», т.е. - русских. И, как отмечал исследователь, они находили отклик среди кыргызов, которые учащали свои набеги на казахов, уже принявших подданство России. «При таком порядке нет возможности пресечь наперед вредное влияние и сношение с враждебными племенами наших киргиз, а шайки дикокаменных киргиз и отложившихся дулатов тревожат наши улусы и делают угоны, и грабят по большим дорогам караваны и транспорты» [44,т.2,с.82]. Именно поэтому Ч.Ч.Валиханов настойчиво

советовал царским властям скорее занять крепость Пишпек и изгнать кокандцев из Чуйской долины.

В зависимости от территории кочевания, кыргызы прикреплялись к тем или иным административно-территориальным единицам Кокандского ханства [117, с.116-121]. Так, к ташкентскому наместничеству относились племена, кочующие по верховьям рек Чу и Талас, к андижанскому - кочующие на нагорье Сырт и по реке Нарын, а «болорские племена», то есть памирские кыргызы подчинялись комендантам укреплений Таш-Курган и Бустан-Терек [44, т.2, с.192] (*Бостон-Терек – прим. авт.*). Фактически, прикрепление кыргызов к тем или иным вилайетам или бекствам было условным, поскольку характер кочевого скотоводства и полукочевой образ жизни не способствовал сосредоточению кыргызских родов и племен в границах обозначенных административных единиц и районов. Отдельные роды и подразделения зимой могли находиться в границах одного вилайета, а летом другого, совершенно не считаясь с указаниями кокандских властей.

Ч.Ч.Валиханов отмечал, что кыргызы, как поданные Коканда, делились на две категории. Представители первой пользовались равными правами с кочевыми узбеками, служили в ханской армии, занимали военные и государственные должности. Вторые платили зякет, то есть - совокупный налог со скота, и, в случае военной надобности, предоставляли хану ополченцев во вспомогательные войска. К разряду первых он относил такие южнокыргызские племена, как - адигине, найман и ичкилик [44, т.2, с.192], и в административно-территориальной системе Кокандского ханства представители из их правящей верхушки нередко становились правителями Андижанского, Ошского, Алайского бекств и вилайетов [119, с.12-13]. Не являлись исключением и феодалы северокыргызских племен [56;57, с.83]. Так, Ч.Ч.Валиханов писал о манапе саяков Осмоне, который имел чин «парваначи-пятисотника» [44, т.3, с.78]. А известный манап сарыбагышей Шабдан Джантаев от кокандцев получил владение под Ташкентом, с правом сбора

податей в свою пользу. На наш взгляд, суждение Ч.Ч.Валиханова о подданстве южных кыргызов требует специального уточнения. Как свидетельствует ряд исторических исследований, южнокыргызские племена также платили налоги кокандскому хану и его наместникам, но при этом сбор налогов, в основном, осуществлялся самими кыргызскими родоправителями [168,с.259-260].

Несмотря на политику задаривания кыргызских манапов подарками и чинами ханства, с одной стороны, и содержание близких родственников влиятельных манапов, чаще всего их сыновей, в качестве заложников-аманатов, с другой, в целом, власть кокандцев среди кыргызов была слабой, фактически, номинальной. Это отмечал Ч.Ч.Валиханов и другие ученые-краеведы того времени. Так, например, в валихановских сочинениях приводятся конкретные факты неподчинения кыргызов из племени Черик курткинскому коменданту, выражавшиеся в неуплате налогов и в прошениях к крупному феодалу юга Кыргызстана, кокандскому наместнику Алымбек-датхе о переподчинении их другому кокандскому коменданту. «Вечером наши сипаи (*солдаты кокандской крепости-Ч.Т.*), хваставшие всю дорогу о силе и значении коменданта, признавались, что в последнее время киргизы совершенно вышли из повиновения, пользуясь смутами, потрясавшими Кокан, что чирики отправили депутацию к Алимбек-датхе, что они не хотят подчиняться Куртке и просили построить для управления ими особенный курган на реке Атбаше (*Атбаши-Ч.Т.*) [44,т.3,с.30]. А манап племени саяк - Осмон, являвшийся родственником Мамразыка - коменданта крепости Куртка, и имевший чин пансада (*пятисотника*), тем не менее, мог ослушаться приказов коменданта» [44,т.3,с.80].

С завоеванием Кокандом территории кыргызских племен, вся эта земля была объявлена собственностью хана, и с кыргызского населения его налогоплательщиками - зякетчи стали взыскиваться налоги со скота, земли и имущества. У Ч.Ч.Валиханова зафиксированы размеры основных налогов. Кой-зякет – налог со скота составлял с сорока овец одну овцу, харадж, налог с

земледелия составлял с десятины три овцы, тунлик-зьякет - с юрты одна овца, кул-бул - налог на содержание кокандского войска составлял 1 тилля (*основная денежная единица кокандского ханства - Ч.Т.*) [44,т.2,с.80].

Ч.Ч.Валихановым упоминался и тартуу (*тартук*), то есть, «якобы», добровольные подарки хану - лошадьми, а также подать - «салык», собираемая два раза в год. В 1858 году для племени Бугу она составляла - 60 лошадей [44,т.2,с.78]. Как отмечал туркестанский чиновник А.Л.Кун, помимо основных налогов, в ханстве собиралось еще множество других сборов и податей [117,с.259-260], при которых, фактически, отсутствовал всякий контроль и учет. С одного кыргызского рода нередко налоги взимались дважды и более раз. Кокандская налоговая политика нашла отражение в архивных документах, сведениях дореволюционных путешественников, а также в кыргызском фольклоре [117,с.258-261].

Рассматривая влияние кокандского господства на политическое положение кыргызов, в контексте анализа сведений Ч.Ч.Валиханова, можно заключить, что, в целом, кыргызские племена не испытывали сильного гнета и господства кокандского хана. Его власть, в большой мере, определялась позицией кыргызских феодалов и их взаимоотношениями с комендантами ханских укреплений. Несмотря на то, что земля, с установлением господства Коканда на территории современного Кыргызстана, считалась собственностью хана, манапы и бии, как и раньше, фактически, являлись её собственниками, с полным правом распоряжения ею. Это особенно наглядно иллюстрируется информацией Ч.Ч.Валиханова о распределении пахотной земли Осмоном - манапом племени Саяк среди своих сородичей. «Мы ехали, - писал Ч.Ч.Валиханов, - посреди киргизских аулов (*аулов-Ч.Т.*) рода саяк – везде киргизы пахали землю; главный бий этого племени Осман (*Осмон-Ч.Т.*) разъезжал по пашням и разделял их на участки для своих киргиз» [44,т.3,с.32]. Манапы, чаще всего, сами собирали налоги со своих сородичей для ханской казны, не забывая при этом и о своих интересах.

Работы Ч.Ч.Валиханова «Записки о киргизах» и «О состоянии Алтышара или шести восточных городов провинции Нан-Лу (*Малой Бухарии*) в 1858-1859 годах» широко освещают состояние киргизско-китайских отношений того времени, а отдельные его высказывания касаются и более раннего периода. В частности, он писал, что после разгрома Цинским Китаем Джунгарского ханства (*в середине XVIII века – Ч.Т.*) владельцы киргизских орд, т.е. Среднего и Малого жуза казахского народа Аблай и Нурали, бурутские (*киргизские*) родоначальники спешили войти в сношения с Поднебесной империей [44, т.3, с.136]. Киргизы стремились установить взаимоотношения с Китаем, но речь с их стороны, безусловно, не шла о покровительстве или подданстве китайскому императору, а об упреждающих ходах по установлению взаимоотношений, включая торговые, с новым сильным соседом, заявлявшим претензии на «джунгарское наследство», то есть - Центральную Азию.

Одной из причин посылки западно-сибирскими властями в Кашгарию негласных осведомителей было желание выяснить не только перспективы российской торговли через территорию Прииссыккуля, но и способность Пекина противостоять активизирующемуся там национально-освободительному движению восточно-туркестанского населения. В их задачу также входило: - выяснение кокандско-китайских отношений, поскольку потомки бывших теократических правителей Кашгарии – ходжи, под знаменами которых выступали уйгуры, после неоднократных, но неудачных восстаний во второй половине XIX века против китайского режима в Восточном Туркестане, укрывались в кочевьях тяньшанских киргизов и на Памире, то есть находились в зоне интересов Российской империи.

Со времени установления в 1858 году власти Китая в Восточном Туркестане, с киргизских племен взималась дань. По этому вопросу Ч.Ч.Валиханов писал: «Китайцы требовали, чтобы киргизы со ста лошадей и рогатого скота давали одну голову, а с тысячи овец – одну. Для сбора этой дани ежегодно посылали отряды. Два или по одному из Тарбагатая и

Кашгара. Один из илийских отрядов шел через Каратал на Аягуз, где соединялся с тарбагатайским, другой через Сенташ (*Сан-Таш-Ч.Т.*) обходил по северному берегу озера Иссык-Куль, огибая его западную оконечность, и потом по Заукинскому проходу шел вверх по течению Нарына до впадения в него реки Шаркратма и здесь был построен мост. Кашгарский отряд через Теректы поднимался на Аксуйское плато, потом через горы Биш-билчир на реку Атбаш и там по проходу, образуемому течением Чаркрама, выходил на Нарын. Отряды эти менялись таблицами и возвращались по тому же пути обратно. Обыкновенно отряд сопровождали китайские купцы, которые на пути меняли свои товары на скот. Отряды эти назывались разъездными, а путь их следования – разъездной границей» [44, т.3, с.138].

Как свидетельствуют валихановские записи, освободительное движение населения Восточного Туркестана - дунган и уйгуров в 1863-1864 гг., получило широкий резонанс среди части казахских племен Старшего жуза и кыргызского племени Бугу. Так, в письме, к упомянутому нами ранее, Г.А.Колпаковскому Ч.Ч.Валиханов писал: «Тунгени (*дунгане-Ч.Т.*) успели, с помощью своих эмиссаров и прокламаций, взволновать большую часть приилийских родов албанов и всех бугинцев» [44, т.5, с.172]. Данное письмо вызвало большое беспокойство западносибирского генерал-губернатора, который по этой информации дал следующее распоряжение: «Открытое восстание китайских мусульман, известных под именем дунгенов (*дунган-Ч.Т.*) в Кульдже и других местах Западного Китая, поставляет в необходимость следить за совершающимися на Востоке событиями, в особенности наших киргизов, и за направлением умов влиятельных между ними лиц, дабы своевременно иметь возможность поколебать преданность их нашему правительству» [237]. Но, несмотря на участие в политических событиях (*в выступлениях ходжей*) и восстаниях уйгуров, дунган и кыргызов, китайские власти в Кашгарии были вынуждены, в целях обеспечения населения продукцией животноводства, открыть рынки восточно-туркестанских городов

для пригона скота кыргызскими и казахскими скотоводами. По этому поводу Ч.Ч.Валиханов писал: «Дикокаменные киргизы, хотя заслуживали наказания наравне с кокандцами, но так как по недостатку скотоводства в области шести городов китайцы находятся постоянно в зависимости от них, то должны были допустить их и даже приглашать к пригону скота» [44,т.3,с.145].

Из этих записей явствует, что китайские власти, как и кокандцы, стремясь заручиться расположением кыргызских манапов, одаривали их чинами и подарками. Так, манапы племени Бугу - Боронбай и Токсобай имели степень мандарина красного шарика (*высокий государственный титул китайской империи – Ч.Т.*) [44,т.2,с.88-89]. Вероятнее всего, для того, чтобы предотвратить участие кыргызов Тянь-Шаня в политических событиях Восточного Туркестана, а, как известно из исторической литературы, участие кыргызских родов и племен в том или ином движении этого региона нередко влияло на его исход [117,с.88].

По вышеприведенному следует отметить, что, по нашему мнению, Ч.Ч.Валиханов ошибочно оценивал причины участия кыргызов в политических событиях Восточного Туркестана [44,т.3,с.192], считая, что ими движет жажда наживы. В то же время, этому выводу противоречат другая его информация, в которой он пишет: «Киргизы существенной пользы хотя приносят ходжам очень мало, но важны для них в том отношении, что всегда готовы к их услугам. Замечательно то, что при появлении ходжей киргизы считают отношения свои к Коканду необязательными и не слушаются кокандцев, а исполняют только волю ходжей» [44,т.3,с.193].

Из нашего сопоставительного анализа этих валихановских текстов, мы склоняемся к убеждению, что не нажива, а, главным образом, стремление ослабить влияние кокандских и китайских властей, способствовало участию некоторых кыргызских лидеров и племен в религиозно-политическом движении ходжей против китайского режима в Восточном Туркестане.

Со временем, на общую обстановку в Кыргызском крае, особенно со второй половины XIX века, доминирующее влияние стали оказывать геополитические и экономические интересы ведущих держав того времени - Великобритании и России [37].

В свете анализа информации Ч.Ч.Валиханова, рассмотрим влияние этих государств на политическое положение кыргызов в 50-60-х гг. XIX века.

В своей статье «Очерки Джунгарии» Чокан Чингисович сетует на то, что Центральная Азия, несмотря на ее близость к России и Великобритании, не изучается ими в достаточной мере. Так, он отмечает: «Несмотря на соседство двух могущественных европейских держав, России и Англии, большая часть ее (*Центральной Азии – прим. Ч.Т.*), все-таки, остается для европейской науки, во многих отношениях, недоступною» [44, т.3, с.325]. И далее: «При таком состоянии цивилизации или правильнее, при таком совершенном отсутствии цивилизации в Средней Азии, понятно, что попытки России и Англии поближе узнать свою дикую соседку были так мало удачны, а иногда и печальны» [44, т.3, с.326]. В этом случае, полагаем, он имел ввиду печальный конец экспедиции Адольфа Шлагинтвейта в Кашгарию в 1857 году, которая завершилась публичной казнью этого путешественника [44, т.3, с.326, 383]. Из вышеприведенного отрывка, очевидно, что Ч.Ч.Валиханов не затрагивал геополитические цели этих держав, что, вероятнее всего, было связано с тем, что англо-русское соперничество в регионе проходило через определенные каналы и источники – ноты дипломатов, снаряжение экспедиций в регион, конкурентную борьбу между российскими и европейскими учеными и путешественниками в опубликовании результатов экспедиций в научных журналах, книгах и так далее.

В вышеприведенном контексте обострившегося в XIX веке британо-русского противоборства за расширение «зон жизненных интересов» этих держав в центрально-азиатском регионе (*ЦАР*), иначе говоря - ускоренной колонизации ЦАР, по мнению многих экспертов, отношение Ч.Ч.Валиханова к

данному вопросу, в целом, отражало доминирующую в то время в мире позицию о том, что колонизация - это не только механизм территориальных экспансий, с безжалостной эксплуатацией сырьевых и трудовых ресурсов колоний, но и, главным образом, действенный инструмент по ускоренной трансформации традиционного общества в индустриальное.

Так думали, практически, и все европейские учёные того времени. В частности, известный американский географ Элсуорс Хантингтон считал, что российская колонизация принесла народам ЦАР, в том числе и кыргызам - мир, стабильность и знакомство с новыми производственными технологиями и их высококачественной продукцией. «Приезд русских, которые теперь управляют большинством местных племен, делает очень много хорошего в создании мирной и безопасной страны и обеспечении хороших рынков корма для стада. К их счастью, это также добавило такую роскошь как чай, сахар, хлеб и дешёвую хлопковую ткань, доступную для всех» [207, p.111-112].

Между тем, усиление соперничества между Англией и Россией за Центральную Азию вызвало к жизни практику использования новой внешней политики, позже получившей название - «Большая Игра». В частности, Великобритания прибегла к так называемой «алармистской политике» о русской угрозе Индии, и в связи с этим - необходимости укрепления своих колониальных владений в Азии. В данном направлении в 1869 году Лондон предложил России создать «нейтральную зону», которая, по выражению британского Министра иностранных дел лорда Кларендона: «...предохранит их (*Англию и Россию – Ч.Т.*) от всякого непосредственного соприкосновения и обе стороны могут в полной безопасности заниматься проведением цивилизационной миссии, которая выпала нам на долю» [179,63-57].

Это была одна из новых внешнеполитических тактик Англии, но, по сути, она рассматривала центрально-азиатский регион только в орбите своих колониальных интересов. По этой причине, в начале XIX века Великобритания стала активно изучать этот регион, посылая туда научные экспедиции

[206,123]. Российская империя тоже усилила своё присутствие в Центральной Азии, путем активного направления в ЦАР военно-рекогносцировочных отрядов, как правило, сопровождаемых учеными и путешественниками.

По данной теме, представляется, что у специалистов и читателей определенный интерес вызовет наш краткий экскурс в историю первых взаимоотношений и взаимоотношений между Кыргызским краем и Россией.

Так, по данному вопросу академик В.Плоских отмечает: «С 1720 по 1725 гг. посол Петра I в Бухаре Флорио Беневени регулярно посылал в Санкт-Петербург «цифирные реляции», в которых первым сообщил о тьянь-шаньских кыргызах, отличных от казахов. В 1722-1724 гг. в Чуйской долине и на Иссык-Куле, в качестве посла к джунгарскому правителю, побывал капитан Иван Унковский, который сообщал, что: «Бурутов, так называли кыргызов, джунгары (*калмыки*), насчитывается около 5000 кибиток, а войска их около 3000 доброго собраться может». Его посольством был составлен и первый «чертеж» озера Иссык-Куль. Затем, в 1749 году, российский ученый П.И.Рычков, по опросам приезжих купцов, собрал сведения о кыргызах, которых он называл по месту обитания «алатай-кыргызами». И посол, и ученый отмечали воинственность северных кыргызов и их упорную борьбу с джунгарскими завоевателями. В конце 70-х годов XVIII века через Фергану и Алай в Россию вернулся «странник поневоле» Филипп Ефремов. Он первым сообщил сведения о южных кыргызах. Интересна судьба этого человека: унтер-офицер русской армии, направленный для борьбы с пугачевцами, он попал в плен к казахам и был продан в рабство в Бухару, откуда бежал, через враждебное Бухаре Кокандское ханство, кыргызские горы и Гималаи - в Индию, затем морем в Англию и, с помощью российского посла, прибыл в Санкт-Петербург. Изданная в 1786 году книга его воспоминаний содержала неизвестные тогда российской науке и общественности данные о кыргызах. Подчеркивая различие кыргызов от казахов, этот путешественник дает точное фонетическое произношение самоназвания народа: «кыргыз», в отличие от

известных в России «киргиз-кайсаков» (*казахов*). В книге он записал: «Кыргызы обитают не в самой Бухарин, а близ оной, между городами Уш (*т.е. Ош*) и Кашгарией, в горах и равнинах кочевьями в небольшом количестве», и подчеркнул, что «кыргызы - народ независимый, и Коканд лишь смежен с землею кыргызов», т.е. лишь граничит с ними (*кыргызами*), «которые часто бывают в Коканде, куда пригоняют на торг овец, быков и верблюдов».

После путешествий И.Унковского и Ф. Ефремова, а также из работ П. Рычкова в России узнали и местоположение кыргызов, и путь к ним. Поэтому не случайно, что уже в мае 1784 года российская императрица Екатерина II рекомендовала генерал-губернатору Уфимскому и Симбирскому: «... весьма нужно, чтобы вы имели при себе... депутатов от орд кыргызских, в том числе одного из султанов, через коих могли бы ... получать от их начальников известия, ваши советы и предписания через них сообщать... заведя там знакомства и всевозможные связи, дабы всегда знать все тамошние происшествия». Конечно, речь, в первую очередь, шла о казахах, но России уже требовались сведения и о кыргызах.

Первый такой контакт состоялся в 1757 году, когда группа тяньшаньских кыргызов в 200 семей переселилась с остатками калмаков, разбитых китайцами, в Сибирь, поближе к русским крепостям, и приняла российское подданство. Среди этих переселенцев был и будущий первый официальный посол кыргызов в Россию - Абдурахман Кучаков, или, как его еще именовали, Карыганбай Алкучаков.

Между тем, в самом Кыргызском крае, в сложных условиях конца XVIII века существовала реальная угроза раздробления кыргызского этноса, раздираемого феодальными междоусобицами, и поглощения его более сильными соседями. И чтобы спасти народ от порабощения и ассимиляции, нужен был союзник, способный остановить внешнюю агрессию. Одним из первых это понял и обосновал на созванном им курултае глава чуйских кыргызов сарыбагышский бий - Атаке. Такого союзника он видел в лице

России, и четко осознавал, что с таким мощным государством успешно бороться не сможет ни один из претендентов на территорию кыргызов. Атаке также исходил из того, что Россия далеко, а значит, прямой угрозы для свободы кыргызов не представляет, по крайней мере, в обозримом будущем, но защитить их сможет. Поэтому доводы его были убедительны, оппоненты из числа предводителей других племен не смогли их опровергнуть, хотя и старались. И курултай поддержал Атаке — выбор был сделан.

По генеалогическим преданиям кыргызов, Атаке был сыном сарыбагышского бия Тынная, и прославился своей храбростью в борьбе с джунгарами, за что и имел почетное прозвание «батыр».

Говоря о первом посольстве кыргызов в Санкт-Петербург в 1786 году, известный историк П.А.Словцов называет Атаке-бия «главным родоначальником» кыргызов. Послом поехал, упомянутый ранее Абдурахман Кучаков, бывший российско-подданный, ставший позже «ташкентским купцом», доверенный друг Атаке-батыра. С ним отправился Шергазы, зарекомендовавший себя, несмотря на молодость, рассудительным человеком. Послы везли в подарок сибирским правителям двух коней, императрице Екатерине II - 3 барсовые и 5 рысьих выделанных шкур и раба-арапа. Екатерине II, выслушав письмо бия Атаке, распорядилась отдарить его 800 рублями серебром и пожаловала его посланникам: 100 рублей - Кучакову и 25 - Шергазы (*немалые суммы для того времени*). По поручению императрицы, князь А.А.Вяземский 23 января 1787 года направил бию послание, в котором отметил, что его предложение о дружбе принимается, и просил «вспомоществования в расширении российской торговли».

Вслед за этим, уже осенью 1787 года Атаке-бий принимал в своей ставке в Чуйской долине представителя российской сибирской администрации Муслима Агаферова, главной целью которого было выяснить практические возможности опоры на кыргызов в обеспечении безопасности российских торговых караванов при прохождении через их территорию. Известно также,

что и в следующем, 1788 году, посланцы Атаке-бия ездили в Омск. Кыргызы тогда официально еще не были приняты в российское подданство, но получили заверения в покровительстве, хотя юридическим договором это не было оформлено, однако, намерения сторон были выяснены.

Первым официальным посланцем России в Кыргызский край считается Алексей Леонтьевич Бубенов. Сведений о нем в архивах немного. Однако известно, что в 1813 году он служил в Сибири губернским секретарем и переводчиком, и что 7 сентября 1813 года он с купеческим караваном выехал из города Семипалатинска в кыргызские кочевья, а 31 октября того же года, миновав перевал Санташ, по речке Тюп спустился в Иссык-Кульскую долину. На его пути встречались бугинские айлы биев Шапака, Шералы, Ишима и других. Кыргызы дружелюбно приняли русских. Бубенов вручил им послание сибирских властей. В ответных письмах кыргызские бии сообщали, что «они купечеству не только не будут делать притеснения, но и будут оказывать защиту, доброхотство и препровождать до желаемого пункта». 5 января 1814 года А.Л.Бубенов, вместе с кыргызскими посланцами, возвратился в Семипалатинск. В тот же день в своем рапорте генерал-губернатору о результатах поездки он написал: «Каменных кыргызцев бии Шапак, Шералы и протчия, желая быть навсегда престолу Российскому верноподданными, ... прислали со мною для личного с Вашим Превосходительством переговору депутатов своих бия Шералы сына Качыбека, бийского же сына Джакыпа при двух простых киргизцах...».

Кыргызские посланцы Качыбек и Джакып, принятые сибирскими властями, «изустно изъявили желание производить с ними торговлю и готовность быть всевозможными к препровождению чрез их область, которую миновать нельзя, в китайский город Аксу, Кашгарию, Тибет, Яркенд и Кашмир, также настаивали, чтобы их отправить в Санкт-Петербург для принесения Государю Императору покорности от себя и своего народа». Кыргызские послы возвратились в свои кочевья в чине капитанов Российской

империи и с именными саблями. Кроме того, Качыбек был награжден золотой медалью на алой ленте, а Джакып — бриллиантовым перстнем. Это второе кыргызское посольство в Россию придало новый импульс развитию торговых и политических связей между двумя народами. Усиление угрозы кокандской экспансии на земли северокыргызских племен в начале 20-х годов XIX века, а также новая волна родоплеменных распрей привели к очередной попытке части иссык-кульских биев опереться на авторитет и силу русских в умиротворении края и его защите от внешней опасности.

В 1824 г. в Сибирь прибыла новая кыргызская депутация племени бугу: Акимбек Улджебаев, Алымбек Джапалаков, Алгазы Шералин с четырьмя сопровождавшими их депутатами. О внимании, которое им оказала администрация Сибири, свидетельствует ряд документов. В четырех письмах кыргызских биев на имя начальника Омской области содержатся просьбы помочь посылкой военного отряда установить спокойствие в их землях, принять их в подданство России и дается обещание охранять русские торговые караваны. Эта миссия также завершилась заверениями русских властей, что правительство берет кыргызов под защиту. Более того, новый генерал-губернатор Сибири П.М.Капцевич в письме к казахским султанам, кочующим по соседству с кыргызами, пишет «дабы они и подведомственные им не делали никаких притеснений и обид киргизам дикокаменным как принятым уже под покровительство Российского правительства».

В следующем, 1825 году, в обратный путь вместе с депутатами выехали направленные к кыргызам в качестве послов Ф. К. Зибберштейн и хорунжий Т. В. Нюхалов под охраной отряда казаков. Эта миссия также прошла успешно. На курултае, собранном бугинцами на берегу реки Джергалан при впадении ее в Иссык-Куль, было решено отвергнуть предложение кокандцев о принятии власти Коканда и высказано желание войти в состав России.

Таким образом, целая серия документов: письма предводителей кыргызских племен, переписка сибирских чиновников с императорским

двором и министерствами по поводу просьбы кыргызов о принятии их в подданство, присылке русского отряда на Иссык-Куль и возведении здесь города, о взаимоотношениях казахов - подданных России с кыргызами и др. - свидетельствует о том, что вопрос о вхождении в состав России ряда северокыргызских племен вполне назрел. Особую настойчивость в этом проявляли манапы двух крупнейших племен: глава бугинцев Боромбай Бекмуратов и глава сарыбагышей Джантай Карабеков. Военное министерство и сибирские власти склонны были к тому, чтобы ускорить этот процесс, однако российский МИД, оглядываясь на Англию, осторожничал и сдерживал их. Но, несмотря на сопротивление МИДа, первым разрешение императора Николая I на принятие российского подданства получило племя сарыбагыш, возглавляемое манапом Ормоном Ниязбековым и его сыном Уметалы. По их прошению на имя императора, поддержанному западносибирским генерал-губернатором Г. Х. Гасфордом, сарыбагышам было разрешено кочевать в долине реки Или (*т.е. уже в пределах Российской империи*), откуда часть казахов перешла к кокандцам, а вслед за этим было получено и разрешение на принятие кыргызами российского подданства.

Но в дело вмешался случай, который в изложении генерала Г.Х.Гасфорда выглядит так: «Манап Урман Ниязбеков, на принятие коего в подданство России последовало Высочайшее соизволение, присылал к майору Перемышльскому сына своего Умбет-Али с почтеннейшими людьми для принесения извинений в том, что они откочевали с Заилийской долины до прибытия нашего отряда и, удерживаемые ташкенцами, не могли тотчас воспользоваться Всемиловейшим соизволением поступить в подданство России; а затем Умбет-Али с бывшими при нем почетными людьми изъявили готовность принести верноподданническую присягу Его Императорскому Величеству, но за неимением в отряде муллы дело это отложено до наступления весны будущего года» (*документ датирован ноябрем 1853 года*).

История же распорядилась иначе. Принятие российского подданства сарыбагышами затянулось на несколько лет. На первый план вышли иссык-кульские бугинцы. После многолетней переписки, в 1854 году, генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х.Гасфорд «во исполнение высочайшего повеления» пригласил кыргызских манапов Прииссыккуля прислать в Омск депутатов, снабженных полномочной доверенностью «для принятия присяги на верноподданство России». Бугинские манапы избрали своим представителем для столь важного поручения манапа Качыбека Шералина. Он приехал в Омск 26 сентября 1854 года. От других приглашенных родоправителей - солто и сарыбагыш послы не прибыли. Процедуру присяги обставили пышно, в восточном духе. 17 января 1855 года в губернаторском дворце Качыбек Шералин, держа в руках Коран, принимает присягу на подданство России. Присутствующие скрепили присягу подписями, султаны и они приложили свои печати и родовые тамги.

Так был совершен акт большого политического значения, положено начало присоединению Кыргызстана к России. Документальная хроника однозначно свидетельствуют о том, что уже в 1855 году русская администрация предпринимает активные меры по нормализации отношений между новыми российскими подданными -бугинцами и одним из крупнейших северокыргызских племен - сарыбагышами, а также между кыргызами и казахами; рассматривает возможности строительства укрепления на Иссык-Куле. Территория обитания бугинцев - Прииссыккулье - становится объектом изучения специальной военно-научной экспедиции. Около 30 документов раскрывают совместную борьбу кыргызов и русских за очищение края от кокандских войск. Эти документы дают яркое представление о расстановке политических сил, проявлениях не только пророссийских, но и антироссийских настроений и т.д.

Большой пласт документов посвящен принятию российского подданства другими племенами северных кыргызов. При этом надо отметить, что

документы достаточно ярко характеризуют раскол кыргызского общества в связи с проблемой «русского выбора». И это естественно, так как влияние кокандцев в крае еще было сильно, а потому многие выжидали дальнейшего развития событий. Только в 1862 году, когда антикокандские волнения в Чуйской долине переросли в открытое восстание под руководством Байтика Канаева, активно поддержанное русскими войсками, и кокандцы были окончательно изгнаны из Северного Кыргызстана, племена солто, черик, часть сарыбагышей и другие вошли в состав России.

Таким образом, присоединение к России было судьбоносным для кыргызов историческим актом, определившим судьбу народа на долгие полтора столетия, да и в обозримом будущем это значение сохраняется. Конкретно-исторические последствия присоединения Кыргызстана к России многообразны и многозначны.

В политическом аспекте - это, во-первых, устранение угрозы порабощения Кыргызстана соседними восточными деспотиями. Во-вторых, прекращение родоплеменных междоусобиц в среде самих кыргызов, которые вели к политической раздробленности и разорению, отрицательно отражались на хозяйственном и культурном развитии кыргызского народа. В-третьих, с был уничтожен институт рабства, запрещена работорговля, на Кыргызстан распространялись общие законы Российской империи. Новое административно-территориальное деление явилось первым шагом на пути «разрыва» патриархальных родоплеменных отношений.

В экономическом аспекте это привело к тому, что ранее замкнутый край, где господствовали патриархально-феодальные отношения, был вовлечен в экономические процессы государства восходящего капитализма, стоящего на значительно более высоком уровне развития.

Что касается культурного плана, то в крае началось интенсивное исследование природы, ресурсов, а также языка, культуры, быта и традиций

местного населения, появились первые медицинские, образовательные и другие социально важные и значимые учреждения.

Сегодня, с обретением Кыргызстаном суверенитета, мы на многое смотрим по-другому, стараемся докопаться до истины. Основания для дискуссий есть, ибо принятие той или иной формулировки, характеризующей сам процесс, влечет за собой и смысловую его корректировку. А потому имеется настоятельная необходимость исследовать на полной документальной базе весь спектр кыргызско-российских отношений в юридическом, политическом, экономическом, социальном, культурном, национальном аспектах. А это требует введения в научный оборот документальных источников, их профессионального специального анализа, исследования на новом, более высоком, уровне.

Резюмируя вышеприведенный ретроспективный экскурс, полагаем нужным отметить, что результаты всех российских экспедиций того времени по изучению Кыргызского края впоследствии стали ценной документально-информационной базой и исследовательским ресурсом в формировании кыргызоведения, включающее такие научные дисциплины, как: - история, география, антропология, языковедение, фольклористика и другие, а также раритетным первоисточником для анализа экономического, социально-политического и культурного развития кыргызов и территории их проживания во второй половине XIX века.[180,168,14,10,56,57,117,7,102].

Подводя итог, на основе проведенного нами комплексного исследования, с использованием малоизвестных трудов Ч.Ч.Валиханова, полагаем обоснованным сделать следующие предположения и выводы.

Для объективной оценки научной значимости трудов Ч.Ч.Валиханова, необходимо, главным образом, учитывать основную цель этих работ, автор которых, в силу своего, известного нам ныне, служебного долга, в первую очередь, выполнял свои профессиональные функции и задачи. Исходя из этого факта, у ряда исследователей бытует мнение, что он, в основном, являлся

проводником царской колониальной политики, поэтому и работы его носят соответствующую направленность.

Однако, по нашему мнению, данные специалисты, в силу различных причин, пока не воспринимают сакральные идеи и надежды, незримо присутствующие во всех трудах Ч.Ч.Валиханова о светлом будущем его соплеменников (*казахов, кыргызов и других тюркоязычных народов*) и российских азиатов, в целом. Единственный путь к этому, в тот период, он видел только через ускоренную колонизацию Средней Азии индустриально развитой Россией, что, по его убеждению, в дальнейшем придаст мощную динамику всем народам этого региона для их всестороннего развития, в соответствии с передовыми требованиями времени, а в будущем выведет их в число равноправных членов мирового сообщества. И жизнь подтвердила это.

Важно также отметить, в период путешествия Ч.Ч.Валиханова в Центральной Азии, в том числе Кыргызстане, он, как человек с принципиальными демократическими убеждениями, не мог молчать, когда оказывался свидетелем несправедливостей и беззакония, которые были глубоко чужды его взглядам. Поэтому критические заметки Чокана Чингисовича являются отражением его личных переживаний и убеждений.

Свидетельством тому являются его научные записки, в которых Ч.Ч.Валиханов неоднократно критиковал царскую политику, направленную на изоляцию азиатских народов от науки и культуры. «Было время, - писал он, - когда русское правительство считало распространение европейского просвещения между некоторыми иноплеменными народами своими почему-то невыгодным для себя. По крайней мере, такой политики держалось оно и в отношении кавказских мусульман и киргиз. Закон этот теперь отменен, следовательно, признан ложным... Только истинное знание дает спасительный дух сомнения, и только оно научает его ценить жизнь».

Демократический характер жизненных позиций Ч.Ч.Валиханова раскрывают также его замечания по вопросам административно-

государственного управления в Средней Азии. Он стоял за то, чтобы ввести выборные начала в это дело. По данному вопросу, Ч.Ч.Валиханов, в частности, писал следующее: «Самый капитальный недостаток Оренбургского степного управления, конечно, заключается в том, что ордынские чиновники назначаются там не по выборам народа, а по усмотрению пограничного начальства. Право выбора своих властей, дарованное нам, среднеордынцам, есть такое право, которым мы не можем не дорожить, хотя пользуемся им теперь и дурно, и нечестно».

В этом ключе он также подчеркивал: «Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защищать их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель».

Невозможность практической реализации передовых демократических идей и полноценного применения своих способностей явилась личной трагедией Ч.Ч.Валиханова, погибшего в расцвете яркого дарования. Но при всем этом его мировоззрение характеризуется глубокой научностью и отчетливо выраженной прогрессивной направленностью.

Сегодня, с высоты нашего времени (*через 150 лет*), можно оспаривать и даже критиковать некоторые положения и выводы из его трудов (*и то только по отдельным вопросам*), но, как известно, История не приемлет сослагательных наклонений, и её Летопись до наших дней, в целом, сложилась так, как и предполагал этот Великий Человек.

ГЛАВА III. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ КЫРГЫЗОВ

3.1. Скотоводство и земледелие

Как известно, скотоводство у кыргызов не только в середине XIX века, но и в предшествующие времена, являлось основной отраслью хозяйства. Они, главным образом, разводили овец и лошадей, а также и некоторые виды крупного рогатого скота, верблюдов и яков. При этом, соотношение различных видов и численности домашнего скота менялось в зависимости от внешней и внутрисполитической обстановки. Так, накануне и в период присоединения кыргызов к Российской империи, в их хозяйствах преобладал местный рыночный скот – овцы, в то время как в XVII веке и в первой половине XVIII века, во время нашествий джунгар, на первом месте стояло коневодство.

Скот служил главным источником существования кыргызов и первой статьей меновой торговли с соседями, а животноводческое сырье - исходным материалом для домашних промыслов. Экстенсивное кочевое скотоводство предопределяло и кочевой образ жизни кыргызского народа, поскольку скот круглый год находился на подножном корме.

В шкале ценностных предпочтений домашний скот для кыргызов стоял на первом месте. Это в своих трудах отмечал и Ч.Ч.Валиханов: «Народные приветствия, сколько мы заметили, чрезвычайно как характеризуют нацию. Флегматичный турок осведомляется – в кейфе ли вы? Персияне, которые славятся во всей Азии веселостью нрава и остроумием, предлагают фигуральный вопрос, в каком состоянии ваш благовонный мир? Срединный цветок или надворный Китай, где люди едят, для того чтобы жить, и живут для того, чтобы есть, по красе слов сих со временем выразился в оригинальном приветии: «Чели фани маю» – говорит сын Поднебесной империи, встретись с вами во всякое время дня и ночи, т.е. сыт ли ваш желудок? Не менее оригинально приветствие киргиза: «Здоров ли твой скот и семейство» [44,т.2,с.30].

Многовековая практика разведения скотоводства в регионе, включая Кыргызстан, свидетельствует, что наличие обширных пастбищ, их качество и удобство расположения есть залог материального благосостояния кыргызско-скотовода и всего племени. И на это впервые обратил внимание Ч.Ч.Валиханов в своей работе «О кочевках киргиз», где он писал: «Земля, достаточная для прокормления целого города, не будет удовлетворять одного киргизского (казахского - Ч.Т.) аула, ибо каждый аул должен иметь особое зимовье место с зимними пастбищами, особые пастбища для весенних, осенних и летних пастбищ» [44,т.4,с.107]. Сказанное, в одинаковой степени, относится и к кыргызскому скотоводству.

По валихановским заметкам о цикличности и смене кочевок у кыргызских родов и племен, можно полагать, что они не испытывали особого недостатка в пастбищных угодьях, кроме зимних. По данным современного этнографа М.Т.Айтбаева, в прошлом веке летние пастбища Кыргызстана могли прокормить 25 миллионов голов скота, осенние - 15 млн., весенние – 10 млн., а зимние только 5-8 млн.[10,с.16]. Весь год скот у кыргызских кочевников находился на подножном корме, а заготовками корма впрям они не занимались. Рационально используя свои пастбища, они в течение года перекочевывали с одного из них на другое. Особенно бережливое отношение наблюдалось именно к ограниченным зимним пастбищам. По этому вопросу Ч.Ч. Валиханов отмечал: «Течение речки Джергалан считается лучшим местом по корму, что оно бережется для зимовки отар. Весенним же и осенним прогонам скота служат горы, прохладный верх, которых лишен оводов и комаров, столь сильно беспокоящих скот» [44,т.2,с.32].

Приведенные им данные о численности скота у бугинских манапов, важны в нескольких аспектах. Прежде всего, их можно проецировать на состояние и развитие животноводства в середине XIX века на севере Кыргызстана, в частности, Прииссыкулье. Поскольку современная историческая наука не располагает статистическими данными,

характеризующими масштабы развития животноводческой отрасли в этом регионе в 50-60 годы XIX века, то есть сведения Ч.Ч.Валиханова, в определенной степени, проясняют данный вопрос. Тем более, что эти сведения ему были сообщены пленными казахами, непосредственно ходившими за скотом кыргызов и более охотно информировавших своего соплеменника, чем сами манапы или подвластные им скотоводы-общинники. Указания на численность скота в интерпретации последних имело тенденцию либо к увеличению, либо к уменьшению, в силу ряда особенностей: – из-за страха налогообложения, бытовавших суеверий (*сглаз, порча*) и т.д. «Численность скота примерно показали (*пленные казахи - Ч.Т.*) лошадей до 10.000, верблюдов и коров до 50.000, баранов до 500.000» [44,т.2,с.32]. Небезынтересно и определение Ч.Ч.Валихановым уровня состоятельности верхушки кыргызского общества, т.е. манапов. «Самый богатый дикокаменный манап имеет лошадей более 3.000» [44,т.2,с.31].

Как видно из трудов исследователя, разводились лошади кыргызской породы: невысокие ростом и с опущенным крупом, которые легко перемещались в условиях горной местности. «Лошади принадлежат киргизской породе и пригоняются из Коканда и Дикокаменной орды» [44,т.4,с.140].

Овец разводили двух пород: курдючной и калмыцкой, шерсть последней отличалась белизной и тонкорунностью [44,т.2,с.32]. Действительно, многовековая практика развития овцеводства в Кыргызстане показывает, что овцы курдючной породы лучше приспособлены к местным условиям, менее прихотливы к корму и дают лучшее мясо, а овец калмыцкой породы держат ради шерсти [137,с.43].

Коровы, так называемой кыргызской породы, отличались малоудойностью, как впрочем, и сейчас. По данным современного животноводства страны, коровы этой породы дают в год по 700-800 литров молока [137,с.43]. Как и другие дореволюционные путешественники,

Ч.Ч.Валиханов отмечал: «Рогатый скот, хотя здоровый и сильный, но дает мало молока. Только монгольская порода як (*кодас*), разведенная также у бугу, имеет в отношении молока большое превосходство над коровой обыкновенной породы» [44,т.2,с.31], т.е. недостаток коровьего молока восполнялся ячьим молоком. Як был незаменим и при транспортировке больших грузов, т.к. его грузоподъемность составляет до 240 килограммов [59].

Верблюдов разводили двух видов: двухгорбых и драмадеров (*одногорбых*). Их использовали и как транспортных животных, и как источник получения верблюжьего молока и шерсти на пошив одежды, обуви и т.д.

Из валихановских записок также известно, что, по сравнению с другими видами домашнего скота, кыргызы, в основном, разводили овец. С точки зрения этнографа Б.Б.Акмолдоевой: «...определяющим моментом благоприятного выпаса стада в зимнее время было пропорциональное соотношение лошадей и мелкого скота, которое составляло 1:6, а так как воспроизводство овец и лошадей было неодинаковым, то и наблюдалось резкое повышение поголовья овец, которое регулировалось скотоводами, в зависимости от наличия конского» [225,с.47].

Таким образом, можно заключить, что сведения Ч.Ч.Валиханова о животноводстве кыргызов отражают то, что все же исследователь детально не знал о всех навыках и приемах кочевников по уходу за домашним скотом, и ему казалось, что кыргызское, как и казахское скотоводство, развивается без каких-либо специальных знаний и подходов. Это, полагаем, объясняется, как его аристократическим происхождением, так и специальными заданиями, с которыми он прибыл в кыргызские кочевья. Напротив, как отражает исследование многих этнографов [225, с.182-188,63,136], кыргызы обладали знаниями и навыками по уходу за скотом и народная ветеринария являлась неременной практикой в их хозяйственной деятельности [230].

Сведения Ч.Ч.Валиханова о количестве овец, пригоняемых из кыргызских кочевий в Кашгар, в связи с тем, что там несколько сгладилась

острота социально-политических движений, являются дополнением в объяснении превалирующего роста поголовья овец в скотоводческом хозяйстве кыргызов того периода. Так, он сообщал: «В Кашгар пригоняют ежегодно более 200 тысяч баранов, с караваном кашгарцев, пришедших одновременно с нами, было пригнано до 60 тысяч баранов» [44, т.3, с.210].

Хотя воспроизводство лошадей уступало овцеводству, тем не менее, имущественный и социальный статус индивида кыргызского общества определялся численностью лошадей в его стаде. О значении этого животного в хозяйственно-экономической и материально-духовной сфере жизнедеятельности кыргызов подробно отмечается в исследованиях ряда историков и этнографов [225,63], и здесь нет необходимости останавливаться на этом. Отметим, что в приведенном Ч.Ч.Валихановым замечании, что: «За воровство одной лошади вор платит хозяину 60 лошадей» [44, т.2, с.73] отражена высочайшая ценность лошади не только в обычном праве, но и в материальной и культурной жизни кыргызов.

Перекочевки с одного вида пастбища на другое сопровождались празднествами, играми и устройством поминок. Весенняя перекочевка – радостное событие в жизни кыргызов Прииссыкуля запечатлен Ч.Ч.Валихановым в его рисунке «Кочевка иссыккульских киргиз». Время отгона скота на горные пастбища зависело от таяния снегов и начала роста травы, когда она выростала настолько, что овцы могли насытиться ею. Остановки необходимые для передышки скота назывались «көч» - равные двадцати верстам, а «козу-көч» - пятнадцати. По этому поводу Ч.Ч.Валиханов писал: «Дикокаменные киргизы, как все номады, сообразуясь с кормом скота, все лето кочуют из одного места на другое, перекочевка эта делается также, как и у киргиз-кайсаков: навьючивают все на верблюдов и делают привалы в верст в 25, называемые обыкновенно «Коч» и в 15 верст (*Верста равна 1,06 км.-прим.авт.*), называемые «козу-коч». Кочевка есть для киргиз большой

праздник: женщины одеваются во все лучшее и весь «коч» идут около своих верблюдов, распевая песни и прельщая дикокаменную молодежь» [44,т.2,с.36].

По современным данным, оптимальная скорость кочевания овец составляет 0,6-1,2 км/ч при пастьбе и 1,1-1,5 км/ч при перегоне со стравливанием травостоя [136,с.50]. И здесь наблюдательный Ч.Ч.Валиханов отметил особенности перекочевки кыргызов, в отличие от казахов. Кыргызы, зачастую, перекочевывали целым родом, а у казахов аулами, и чаще на двухколесных арбах. «Разница в характере кочевания Дикокаменной орды с нашими киргизами состоит в том, что у нас много двухколесных арб, которые своим оглушительным концертом производят неприятное для слуха впечатление, - здесь их не знают» [44,т.2,с.36].

Как известно, для кыргызских родов середины XIX–начала XX вв. было свойственно перекочевывать на лошадях и верблюдах, поскольку горный ландшафт требовал именно такую транспортировку, а у казахов по степи чаще использовались телеги и арба.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что в середине XIX века кочевое скотоводство у северных кыргызов являлось ведущей отраслью хозяйства и главным источником производства материальных благ. Оно определяло и соответствующий образ жизни, и своеобразие материальной и духовной культуры кыргызского народа. На состояние и развитие скотоводства существенным образом влияла внутренняя и внешнеполитическая ситуация в крае. Сезонные перекочевки по традиционным маршрутам с одного вида пастбища на другое свидетельствуют о бережном отношении кыргызов к окружающей среде и поддержании ее экологии. Произвольные нарушения маршрутов или захват пастбищ другими родами и племенами служили причиной частых междоусобиц, которые сказывались на дроблении или даже уничтожении пастбищно-кочевых общин и целых айлов.

Еще более трагические последствия имели барымта и захват пастбищных угодий соседями, что являлось причиной вооруженных

конфликтов между ними, а затем выплат компенсаций, в виде скота и других материальных ценностей.

Таким образом, труды и записки Ч.Ч.Валиханова, в своей совокупности, отражают состояние скотоводства у кыргызов накануне российской колонизации, и приведенные им данные о численности скота, проявляют уровень развития животноводства в Прииссыкулье в изучаемый период, а сведения о породах скота характеризуют практические навыки и умения, которые кыргызами использовались по уходу за домашним скотом.

Земледелие. Информация Ч.Ч.Валиханова о кыргызском земледелии не слишком обширна, но она ценна тем, что дополняет упоминание о нем его предшественников (*в записках Лещева, Зибберштейна и др., представителей Западносибирской администрации первой трети XIX века*), а, отчасти, современных ему ученых-путешественников - П.П.Семенова-Тян-Шанского и Н.А.Северцова. На нее также опирались в своих работах советские и постсоветские исследователи, следовательно, валихановские записки и материалы ценны своей научной новизной и достоверностью.

В частности, у него обнаружены сведения о состоянии и характере земледелия у кыргызского населения, о местах и масштабах распространения земледельческих занятий, орудиях труда, распределении пахотных земель и, что не менее важно, о времени возрождения здесь земледелия, спустя века после джунгарского нашествия в край в начале XVII века.

Наблюдая во время своих путешествий по Прииссыкулью и Центральному Тянь-Шаню на разбросанные здесь поля различных родоподразделений кыргызов, он не без основания заметил, что у них земледелие составляет общенародное занятие [44, т.2, с.33] (*подчеркнуто нами*). Это суждение следует рассматривать, как достоверное свидетельство распространенности земледельческих занятий у северо-кыргызских племен во второй половине 50-х годов XIX века, причем даже в сравнительно значительной мере, чем у казахов Старшего жуза. Это было связано с давней

практикой земледельческих занятий в Кыргызстане. По данным современной археологической науки, еще с эпохи бронзы на юге Кыргызстана, а на севере страны в период культуры саков в VI-III вв. до н. э., в разных районах Семиречья, Чуйской долине и на побережье озера Иссык-Куль появляются поселения и хозяйства, некоторые из которых основывались на поливном земледелии [33,с.148; 67,с.151].

Во время поездок Ч.Ч.Валиханова через земли современного Кыргызстана, занятие кыргызами земледелием усиливалось и тем обстоятельством, что они должны были поставлять в кокандские гарнизоны зерновые культуры: пшеницу и просо. Как отмечал Н.А.Северцев: «Коканцы дорожили пашнями у своих укреплений, а потому не заводили своей сартовой оседлости» [117,с.226]. Кочующие близ гарнизонов кыргызские рода были обязаны в 50-годах XIX века доставлять в Аулие-Ата, Мерке, Пишпек и Ташкент до 20 тысяч батманов зерна [117,с.225]. В том случае, когда они не выполняли требования кокандцев, с них собирался особый налог, называемый «бай-бул» (*бай-бол-прим.авт.*), который состоял из 10 лошадей [44,т.2,с.81]. Причем, этот налог взимался именно с зажиточных кыргызов, поскольку, по предубеждениям кыргызских родоправителей, занятия хлебопашеством, как и торговля, считались уделом бедных родов и скотоводов.

В «Записках о киргизах» Ч.Ч.Валиханов отмечал о влиянии узбекских земледельцев на занятия земледелием южных кыргызов, которые «...подчиняясь влиянию узбеков, совершенно потеряли национальный характер. Все они (*южные кыргызы - Ч.Т.*) занимаются хлебопашеством, многие имеют сады и огороды и, большею частью, стоят аулами, нередко поблизости городов». [44,т.2,с.45] (*вероятно, имелись ввиду Ош, Маргелан, селения Сузак и Джалал-Абад-примечание автора*). Все последующие историко-этнографические исследования, подтверждая факт кыргызско-узбекских взаимовлияний, вместе с тем, не позволяют согласиться с ошибочным мнением Ч.Ч.Валиханова о потере части южнокыргызского

населения «своего национального характера». Для нас же особенно важно его сообщение о занятии кыргызов, наряду с хлебопашеством, также огородничеством и садоводством.

Орошаемым земледелием кыргызы занимались не только в благодатных районах Прииссыкулья, но и в высокогорных долинах Атбаши и Памиро-Алая. Так, Ч.Ч.Валиханов писал: «Долина Атбаши считается лучшим кочевьем дикокаменных киргиз и на этой долине и на Арпе произрастает хлеб» [44,т.3,с.28]. «Кап (*мешок-Ч.Т.*) зерна пшеницы дает десять капов урожая. Ежегодно засевают все киргизы рода бугу до 15 тысяч капов» [44,т.2,с.33], т.е. около 75 тысяч тонн в год, а при численности бугинцев, как показывал Ч.Ч.Валиханов до 10 тысяч кибиток и при расчете среднего состава семьи в пять человек, то получается, что на каждого человека приходилось около 150 килограмм зерна ежегодно. При сопоставлении этих данных с показателями 1940 года, когда на одного жителя Иссык-Кульской области приходилось около 90 кг. этой культуры [196, б.209,245], то, очевидно, что масштабы земледелия в Прииссыкулье в середине XIX века были довольно значительными. Безусловно, приведенные Ч.Ч.Валихановым сведения о сборе зерновых включали и статью расхода зерна для его поставок кокандцам. Излишки земледельческой продукции оставались в рамках семьи и рода.

Использование кыргызами систем древнего орошения водоотводными каналами из горных речек (*в Нарыне Ч.Ч.Валиханов видел арыки, обложенные камнями*), позволяло им сочетать отгонное скотоводство с полеводством [44,т.3,с.35]. Посеяв взрыхленную деревянными сохами (*буурсунами*) пашню, кыргызы укочевывали со скотом на пастбища, а к середине лета, когда наступало время жатвы, перебирались в предгорья и равнины. С конца июля начала августа кочевники спускались в долины и собирали хлеб. Орудия труда земледельца были несовершенными и агротехника у них ни чем не отличалась от земледельцев центрально-азиатского региона и Восточного Туркестана [44,т.3,с.29].

Особо важно для исследователей хозяйства кыргызов в середине XIX века наблюдение Ч.Ч.Валиханова о распределении пахотно-пригодной земли родоплеменной знатью – манапами. 24 марта 1859 года, возвращаясь из Кашгара в Верный, он останавливался в кочевьях тьянь-шанских кыргызов и видел там как Осмон Тайлаков – манап племени Саяк разъезжал по пашням и разделял земельные участки для своих соплеменников [44,т.3,с.32]. Этот отрывок интересен и тем, что нет отдельных источников о праве манапов и биев распределять между подвластными им общинниками пастбищные угодья для выпаса скота. А здесь Осмон, подобно кокандским феодалам, распределял пахотную землю на участки. Не являлось ли это своеобразной чековой формой землепользования, характерной уже больше для Ферганы под властью кокандских ханов, с учетом того, что если перед распределением земли осмоновские кыргызы участвовали в проведении оросительной системы?

От казахов Ч.Ч.Валиханов узнал, что пшеница была привезена в Семиречье из Кашгара через кыргызов, знакомых с пашнею с начала XVII века [44,т.1,с.85]. Как было отмечено выше, земледелие на территории Кыргызстана практикуется с эпохи бронзы, но в развитии земледельческих занятий были периоды и упадка. К примеру, во второй половине XIII века, с нашествием татаро-монгольских войск, начинается полнейшая деградация оседло-земледельческих занятий среди населения Семиречья, в частности, в Прииссыккулье [115,с.76]. Через некоторое время вновь наступило оживление оседло-земледельческой жизни. Так, сравнительно заметное оживление наблюдалось в названном регионе в конце XVI-XVII вв. В китайском источнике отмечалось: «Между двумя берегами Тэмурту-Нур (*Иссык-Куль-Ч.Т.*) имеются поля, засеваемые бурутами, которые при недавнем времени подвергались вытаптыванию экспедиционными отрядами калмаков, но вскоре стало запрещаться императором проделывать это» [44,т.2,с.71], т.е. процесс оживления земледелия на севере Кыргызстана был настолько очевиден, что

казахи - информаторы Ч.Ч.Валиханова в своей памяти зафиксировали факт привоза из Кашгара пшеницы кыргызами.

Говоря о кыргызском земледелии в середине XIX века, можно заключить, что нестабильная внутривосточная обстановка в крае, а также частые и длительные межфеодалные распри и войны негативно влияли на развитие земледелия и тормозили переход кочевников к оседлой жизни. Труды и записки Ч.Ч.Валиханова подтверждают, что, по отношению к экстенсивному кочевому скотоводству, земледелие, будучи вспомогательной отраслью хозяйства у кыргызов Прииссыкулья и Внутреннего Тянь-Шаня, являлось дополнительным источником их существования, причем еще задолго до присоединения Кыргызстана к России и появления русских крестьян-переселенцев.

Данные Ч.Ч.Валиханова об урожайности хлебов в Прииссыкулье позволяют судить о масштабах и качестве земледельческих занятий кыргызов в тот период. Опираясь на эти сведения, можно отметить два периода оживления земледельческих занятий на севере Кыргызстана: – в начале XVII века, т.е. до нашествия джунгар в Среднюю Азию, в том числе в Кыргызстан, и в период кокандской колонизации, т.е. до 70-х годов XIX века, когда кыргызские племена были обязаны обеспечивать кокандские гарнизоны хлебом и фуражом для скота.

3.2. Домашние промыслы и торговля:

В середине XIX века кыргызское хозяйство, помимо основных его отраслей, в первую очередь - скотоводства и земледелия, не обходилось без домашнего производства, семейного промысла и ремесел, основанных на переработке животноводческого сырья, и реже даров природы.

Господство патриархально-феодалных отношений, как и прежде, обуславливало низкий уровень развития производительных сил, тормозило общественное разделение труда и не способствовало перерастанию домашних промыслов в самостоятельную отрасль – ремесло, как производству по заказу потребителя. При примитивных инструментах и малопродуктивной технологии в семье кыргыза-ремесленника, в основном, производились национально-бытовые изделия и для собственных хозяйственных нужд. Следует, однако, отметить сравнительно высокий уровень производства шерстяных изделий – войлоков различного назначения, предметов кожевенного, кузнечного и деревообделочного производства и ювелирных украшений, имевших тенденцию к перерастанию в ремесленное производство, ориентированное на потребителей и меновой рынок [116,с.39-41].

Сведения Ч.Ч.Валиханова о промыслах и ремеслах не обширны, а порой и ошибочны. К примеру, он писал: «Других промыслов, как то звероловства, рыболовства дикокаменные кыргызы вовсе не знают» [44,т.2,с.32]. Однако, данные о вывозе из кыргызских кочевий среднеазиатскими и российскими купцами, дореволюционными путешественниками [117,с.230] охотничьих трофеев – рысьих и куньих шкур, да и самим Ч.Ч. Валихановым рогов маралов противоречит этому суждению [44,т.3,с.55].

Охота для простых и бедных скотоводов являлась источником прокормления семьи, а для манапов и баев своеобразным спортивным развлечением. Именно на основании валихановских сведений мы можем сказать, что в середине XIX века возрос спрос на звериные шкурки и охота стала приобретать некоторые черты товарного промысла.

Рыболовством, как отмечал Ч.Ч.Валиханов, иссыкульские кыргызы не занимались, даже не имели рыболовных снастей [44,т.2,с.33]. Но, тем не менее, по свидетельству других путешественников, в трудные и голодные годы, кыргызы, все же, ловили рыбу, во множестве водившейся в речках, впадавших в озеро Иссык-Куль [136,с.48].

Из ремесел исследователь упомянул лишь о выделке хорошего войлока. «Из произведений народных рук славится в этой орде выделка войлоков, знаменитых своей прочностью. Для домашнего употребления женщины валяют из козьего пуха белые калпаки и бурки, называемые кебенек» [44,т.2,с.33]. Как известно, ряд ремесел специализированных на производстве предметов национального обихода и быта, также получил сравнительно широкое распространение, о чем свидетельствуют и рисунки Ч.Ч.Валиханова. Из железа, как писал он, добываемого из озерного «шлихового» песка на побережье озера Иссык-Куль [44,т.2,с.35], темир-уста (*кузнецы*) изготавливали наконечники для деревянных сох, ножницы и т.д. Имелись мастера по дереву, коже, которые обеспечивали внутриаильные потребности в тех или иных видах изделий и предметах, необходимых в домашнем хозяйстве.

Более полно представлены сведения Ч.Ч.Валиханова о торговле иностранных купцов в кыргызских аилах, которые изложены им в «Записках о киргизах». Он выделил специальный подраздел этой теме: «Мена и торговля». Кочевое экстенсивное скотоводство благоприятствовало меновой торговле. Купцы из среднеазиатских ханств, Восточного Туркестана и России производили торг непосредственно в кыргызских кочевьях. Свои товары они, в основном, меняли на скот и звериные шкуры. В частности, об этом он писал следующее: «В Кашгар пригоняют ежегодно более 200 тысяч баранов. Из Кашгара гонят баранов в другие города...» [44,т.3,с.210]. На систему спроса и предложения на овец, помимо их естественных качеств – возраста и упитанности, оказывали также влияние внешняя и внутренняя обстановка в кыргызских кочевьях и в Восточном Туркестане. Так, например, когда

несколько сгладилась острота социально-политических противоречий в Восточном Туркестане (*BT*), стоимость одной овцы варьировала от 0,75 тилля до 5 таньга (*денежные единицы BT – Ч.Т.*) [170,с.61].

Второй основной статьей вывоза из кыргызских кочевий была пушнина и другие охотничьи трофеи. Стоимость лисьих шкур составляла от 21/2 до 21/4 на золотой тилля¹ [44,т.3,с.212], три шкуры волчьих и куницы стоило две золотых». Как явствует из сведений Ч.Ч.Валиханова, порой, кыргызские скотоводы сами вывозили охотничью продукцию в ближайшие города Восточного Туркестана [44,т.4,с.368].

Относительно импортных товаров, поступающих в кыргызские кочевья, в своих записках Ч.Ч.Валиханов классифицировал их, в зависимости от предназначения, на предметы быта, сырье и пищевые продукты.

Так, будучи в 1856 году в гостях у манапов племени бугу - Боромбая и Бурсука (*Борсок-прим. авт.*), он отметил наличие у них китайских пиалок и железных котлов. Котлы привозились из Коканда и России [44,т.3,с.210]. По замечанию дореволюционного путешественника и исследователя М.И.Венюкова: «Чугунные и железные вещи продаются по произвольно высоким ценам» [168,с.80]. В свою очередь, Ч.Ч.Валиханов сообщал, что за котел, в окружности две четверти (*две четверти – чего?*), платят восемь баранов, топор стоит молодого барана, чугунный кувшин также токту (*барашка*), очаг для котла - барана» [44,т.2,с.34], т.е., очевидно, что в хозяйстве кыргызов предметы и утварь из железа ценились высоко и обменивались они достаточно дорого.

Из импортных продовольственных товаров к кыргызам, главным образом, привозился чай. Ч.Ч.Валиханов не оставил сведений о том, какой сорт чая употреблялся кыргызским обществом и его правителями - манапами и биями, но из его статей известно, что в центре оптовой торговли чаем -

¹ Тилла - золотая монета в Кокандском ханстве достоинством 3р. 80 к. по курсу второй половины XIX в. См.: Троицкая А.Л. Каталог архива кокандских ханов XIXв.–М.:Гл.ред.вост.лит-ры,1968.–С.564.

городе Урумчи реализовывалось пять сортов чая для городов Восточного Туркестана и среднеазиатских ханств, и что через ошскую таможню ежегодно проходили от 50 до 80 тысяч лошадиных вьюков чая [44,т.3,с.205]. В кыргызские кочевья привозились также сахар и перец, но их употребляли в самых минимальных количествах.

Поставлялся и табак, но, видимо, речь идет о табаке для посева, так как кыргызы тогда не курили, и он (*табак*), в основном, выращивался на юге. «Табак преимущественно разводится в Уш-Турфане, он крепок и идет для продажи к дикокаменным киргизам» [44,т.3,с.199].

Рисовое пшено, упомянутое им среди наиболее распространенных товаров таких, как - кашгарские ткани, скорее всего, предназначался кокандцам. Это подтверждается заметкой Ч.Ч.Валиханова о том, что во время пребывания в Кокандской крепости Куртка, их угощали пилавом (*пловом - Ч.Т.*) [44,т.3,с.31].

В описании исследователя ассортимента тканей, привозимые кыргызам, сравнительно разнообразны по качеству и расцветке. Из Кашгарии привозили дабу, дешевую хлопчатобумажную ткань, которая использовалась кыргызами для пошива платьев-рубашек. Ч.Ч.Валиханов упоминал два центра производства дабы – Кашгар и Коканд. Кокандская даба была по качеству лучше и стоила дороже, чем кашгарская, цена которой варьировала от 30 пулов до 2,2 таньга [170,с.60]. Для верхней одежды использовались ткани чекмень и тимпай. Чекмень стоил 20 таньга за отрез, а лучший халат из тимпай продавался за 4 барана [44,т.2,с.33-34].

Наряду с кашгарскими тканями, в кыргызские кочевья поступали ткани из среднеазиатских городов. По этому поводу Ч.Ч.Валиханов писал: «Среднеазиатские бумажные товары, хотя крайне грубы, но прочны и потому нравятся киргизам, не требующим ни ярких красок, ни красивых узоров, а одной лишь прочности» [44,т.3,с.209]. Кыргызы предпочитали прочные ткани, в связи с ведением кочевого образа жизни, которое требовало ежедневной

затраты физических сил, а частые миграции с одного кочевья на другое формировали особые вкусы как в выборе ткани, так и при приобретении готовой одежды. Предпочтение отдавалось, более прочным и практичным вещам. Лучший сорт среднеазиатской ткани «кара-каска» носился кыргызской знатью, центром производства и реализации которой являлся город Наманган, где стоимость этой ткани варьировалась от 12 до 16 таньга за два куска [170,с.60], а кыргызы покупали их за 5 баранов [44,т.3,с.210;т.1,с.339]. При курсе, когда 1 таньга равнялась 20 российским копейкам [162,с.564], стоимость куска этой ткани возрастала до 60 таньга. Широко бытовала среднеазиатская набойка, шедшая на подклад чапанам - национальным халатам.

Шелковые ткани, как писал Ч.Ч.Валиханов: «...здесь совершенно не покупаются, кроме нескольких манаповых жен, и здесь лучший сорт их друя (*дуруя-Ч.Т.*) стоит, как и в средней орде, 4 барана. В Бухаре, Кокане и Кашгаре за вывоз зекату (*зякет-Ч.Т.*) платится с 40 штук одна [44,т.3,с.211], которые шли на пошив платьев и т.д., а шелковая ткань «адрас» бухарского или ходжентского производства употреблялась и для женских халатов [44,т.1,с.337].

Российские товары, несмотря на их относительно недавнее проникновение в кыргызские кочевья, уже имели там спрос. «Бугинцы и сарыбагыши знакомятся с предметами роскоши для них, и женщины начинают носить русские ситцы, коленкор» [44,т.3,с.210]. Сведения Ч.Ч.Валиханова о том, что: «Сукно, стоящее на Ирбитской ярмарке один рубль аршин они (*купцы - Ч.Т.*) выменивают на два барана. На барана, который принимается за единицу, дают 4 аршина верверету, 10 аршин нанки, 10 аршин саржи, 8 аршин ситцу и миткаля, которые в Ирбитской ярмарке покупаются в 6 копеек» [44,т.3,с.34]. Стоимость российских материй была несколько ниже, чем среднеазиатских и кашгарских, тем более, что российские купцы при продаже своего текстиля в добавок, т.е. «сверху, в виде поощрения, прибавляли один аршин помимо условной мены» [44,т.3,с.34]. Но, несмотря на сравнительно

дешевую стоимость российских тканей, по сравнению с китайскими и кокандскими, они не пользовались особой популярностью среди кыргызов. В связи с этим, Ч.Ч.Валиханов рекомендовал российским властям и купцам привозить качественные ткани и разнообразить их ассортимент. По этому поводу он писал: «В последнее время и русские товары стали проникать в кочевья тяньшанских киргиз, но не в большом количестве, нужно для успешного водворения наших товаров, чтобы киргизы изменили свой вкус» [44,т.3,с.210].

При меновой торговле не обходилось и без своеобразного ростовщичества. Когда осенью купец менял в долг на барашка, то весной он получал целого барана. Как верно заметил Ч.Ч.Валиханов «...при настоящем отчуждении самого народа от торговли» купцы Коканда, Кашгара и России имели большую выгоду [44,т.2,с.35]. Эквивалентом денег являлся скот. Товарно-денежные отношения находились в зачаточном состоянии, но об их присутствии в экономике кыргызских племен свидетельствует сведение Ч.Ч.Валиханова о порче денег кыргызами. «Так как монета новая была грубого чекана (*кашгарская монета - прим. авт.*), то ее стали подделывать дикокаменные киргизы и во множестве привозить в Кашгар. В последнее время все ходящие монеты были киргизской работы - недостаток весу и смешанные с цинком» [44,т.3,с.216]. В каких целях кыргызы производили порчу денег? Вероятнее всего, имело место попытка осуществления торговли посредством денег, при котором кыргызам казалось, что при денежном обмене отсутствует обман и неэквивалентный обмен, существовавший при натуральном обмене и меновой торговле. Выпуск фальшивых монет, скорее всего, был еще связан с тем, что неограниченный выпуск медных денег в самом Восточном Туркестане, а также в Джунгарии приводил к постоянному падению ее курса [172,с.24.].

Как было отмечено выше, торговля, в основном, производилась в кыргызских кочевьях, но иногда кыргызы сами выезжали в пределы Кашгара,

пригоняя туда скот. Маральи рога, звериные шкурки и скот затем обменивали на необходимые в быту изделия и ткани [44,т.3,с.9].

Кыргызские скотоводы хорошо знали торгово-караванные пути в города Восточного Туркестана. Так, по показанию кыргызы Карача, Ч.Ч.Валиханов записал маршрут от города Уч-Капка до города Турфана [44,т.3,с.244]. Это сведение отражает тот факт, что кыргызы достаточно хорошо были осведомлены о торговых караванах и нередко сами торговали в Восточном Туркестане.

Помимо специализации восточно-туркестанских городов на изготовление и продажу той или иной продукции, наметилась и определенная тенденция в их реализации тем или иным кыргызским племенам. По этому поводу Ч.Ч.Валиханов писал: «Все артышские жители занимаются торговлей с дикокаменными кыргызами рода сарыбагыш и ужасные плуты» [44,т.3,с.41]. Купцы же из Кашгара вели торг с бугинцами. «В бугу в это время (*т.е., июль 1858 г.*) было много кашгарских торговцев. В дикокаменной орде жили почти месяц, перекочевывая вместе с ними и производя постоянную торговлю, и выменяли 3026 баранов, 6 лошадей, 11 лисьих шкур и 44 мерлушки» [44,т.3,с.41].

Эта информация подводит к выводу о том, что между купцами городов Восточного Туркестана шла определенная конкурентная борьба за рынки сбыта, т.е. за кыргызские кочевья. Но, подчеркнем, что это была тенденцией и кыргызы, в основном, торговали с кашгарскими купцами, которые держали торговую монополию в привозе им различных товаров, Но, все же, успешность кашгарских купцов зависела от лояльности кыргызских манапов к ним.

Манапы нередко принуждали караваны кашгарских и центрально-азиатских купцов останавливаться в своих кочевьях и воспользоваться их «гостеприимством», заплатив при этом зякет, т.е. налог за проезд. «У киргизских родоначальников, – писал Ч.Ч.Валиханов, – образовались систематические правила, освященные временем, по которым они грабят

караваны, но грабят, по своему законно, основываясь на древних обычаях и правах. Суть этих прав обычаев: - 1) караван, проходя через улусы киргизского родоначальника, должен заплатить зякет (*это право теперь отменено кокандцами как грабительское*); - 2) должен дать выкуп за свободный проезд; - 3) поднести подарки, соответственно значению и силе родоначальника; - 4) не должен обходить аулов (*аулов - Ч.Т.*) знатных вождей и обязан останавливаться в их улусах для того, чтобы воспользоваться их гостеприимством. Второй и третий пункты этих обычаев не поощряются кокандцами, хотя и совершенно не преследуются, но четвертый пункт сохранил законность, признанную и кокандцами. Заехать в гости значит то, что каравану дадут одного или двух тощих баранов на ужин, а на другой день потребуют подарков за «гостеприимство» и если подарки окажутся не соответствующими значению родоначальника – хозяина (*каждый киргизский родоначальник считает себя первым в роде*), караван неизбежно подвергается штрафу» [44, т.3, с.79].

Определение Ч.Ч.Валихановым торговых отношений кыргызской элиты с торговцами, как грабительские, не совсем верно, поскольку еще издавна неписанные таможенные сборы существовали как у оседлых народов, так и у кочевников. К примеру, как свидетельствуют архивные материалы, торговые караваны испанского посла Клавихо в государство Тамерлана в 1405 году, англичанина Энтони Дженкинсона в Казань, Астрахань и Бухару в 1558-1560 годах также подвергались «грабительскому» налогообложению [202, 198].

Усиление торговых связей с Восточным Туркестаном и среднеазиатскими городами способствовало появлению у кыргызов иных, кроме скотоводства и земледелия, видов деятельности. «Впрочем, и теперь некоторые (*кыргызы - Ч.Т.*) начинают наниматься в вожаки караванам, идущим в Кашгар и Коканд» [44, т.2, с.36].

Таким образом, сведения Ч.Ч.Валиханова, и других дореволюционных авторов, свидетельствуют о состоянии и характере домашних промыслов и

торговле у кыргызов в середине XIX века. Из них явствует, что неземледельческие промыслы и ремесла развивались в рамках домашнего производства, базируясь, в основном, на животноводческом сырье и использовании открытых природных богатств, имея тенденцию к специализации. Сведения и суждения Ч.Ч.Валиханова о занятиях кыргызов охотой противоречивы, но, тем не менее, характеризуют ее промысловый характер, а торговля в кыргызских кочевьях, при господстве основного вида хозяйственной деятельности – скотоводстве, могла осуществляться только в меновой форме. Кашгарские, среднеазиатские и российские торговцы, и их доверенные приказчики, чаще всего сибирские татары, приезжали туда и обменивали свои товары на скот и охотничьи трофеи. Эквивалентом денег выступали овцы.

Сведения Ч.Ч.Валиханова о внешнеторговых операциях кыргызов, в частности в Кашгаре и Кульдже, свидетельствуют о зачатках этой торговли и экспорте кыргызских товаров «за рубеж». Расширение торговли, даже в меновой форме, способствовало установлению не только торгово-хозяйственных, но и культурных связей кыргызов с их ближними и дальними соседями.

Кроме того, валихановские информации о торговле кыргызов отражают и тот факт, что геостратегические и экономические интересы трех держав - Коканда, Китая и России тесно переплетались в Кыргызском крае, и проявлялись в стремлении доминировать на местном рынке, что было характерно для политики метрополий в отношении их будущих колоний.

ГЛАВА IV. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КЫРГЫЗОВ В 50-60-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

4.1. Жилище, пища и одежда

Материальная культура кыргызского народа, накануне и в первоначальный период присоединения северной части Кыргызстана к Российской империи, во всех составляющих её компонентах характеризовалась рядом отличительных признаков.

Во-первых, в ней традиционно сохранялись черты кочевого образа жизни и патриархально-феодалного уклада кыргызского общества, своими корнями уходящих в глубокую древность. Во-вторых, в национальной кыргызской культуре, наряду с преобладающими традиционными особенностями, стали прослеживаться и некоторые инновационные черты, появившиеся в конце XVIII - первой половине XIX вв., а также отдельные заимствования, в результате хозяйственно-культурных связей с соседними народами. В-третьих, при отдельных локальных отличиях, в комплексе материальной культуры северо - и южнокыргызских племен, в целом, она составляет одну общую материальную культуру кыргызской народности рассматриваемого периода времени. Все эти относительные признаки, в большей или меньшей мере, прослеживаются в таких главных составных национальных компонентах, как - кыргызское жилище, пища и одежда.

Историко-этнографические источники, включая архивно-документальные материалы, записки и труды путешественников того времени, однозначно подтверждают, что преобладающим типом жилища для кыргызских племен было не стационарное, характерное для оседло-земледельческого населения, а юрта - переносное жилище кочевников-скотоводов. По общепризнанной однозначной оценке специалистов, юрта - гениальное изобретение кочевых народов для быстрых перекочёвок, в соответствии с их образом жизни.

Сведения в трудах Ч.Ч.Валиханова о кыргызской юрте не столь обширны, но, вместе с тем, они отражают особенности данного жилища, её внутреннее и внешнее убранство, сегментацию пространства юрты на определенные зоны и их значение, традиционное расположение в ней вещей и предметов. В частности, он писал: «Дикокаменная Орда, как народ кочевой, живет в войлочных шатрах, наподобие калмыцких, и как у кайсаков (*казахов - Ч.Т.*), с тою только разницей, что сфероидальный верх юрты гораздо ниже калмыцких» [44, т.2,с.36]. Современный этнограф С.М.Абрамзон отмечает бытование юрт с уплощенным куполом на юге, а также в Таласской и Чаткальской долинах Кыргызстана, а на севере – конусообразных, т.е. похожих на монгольские и калмыцкие. Однако, с середины XIX века юрты с уплощенным куполом, которые были известны еще с VI века до н.э., т.е. древнетюркской эпохи [43,с.56, 12], стали использоваться и на севере страны [7,с.128]. Конусообразные или калмыцкие юрты в кыргызских кочевьях Прииссыкуля и Центрального Тянь-Шаня, вероятно, стали бытовать с XVII века, т.е. с времен нашествия Джунгарского ханства на Центральную Азию, в том числе Кыргызстана. Как верно описывал Ч.Ч.Валиханов, эти юрты имели длинные и менее выгнутые *ууки*, т.е. деревянные жерди, а шанрак (*казахское название - прим. авт.*), т.е. түндүк – верхнее отверстие юрты (*дымоход*) составлял в диаметре не более пяти четвертей – чего? [44,т.1, с.190].

Как отмечал исследователь, внешнее убранство кыргызской юрты имело «щеголоватый» нарядный вид. Ленты, служившие поддержкой юрты, отличались яркостью и декоративной орнаментацией. По этому поводу, в частности, Чокан Чингисович отмечал: «Весь верх юрты с внутренней стороны вышит арабесками из разноцветных фигур из войлока, ленты же, служащие поддержкой юрты, отличаются яркостью и искусным расположением фигур» [44,т.2, с.36]. Это наблюдение характеризует локальные особенности северокыргызских племен, которые использовали «жел боо» - узорные красочные ленты для перевязывания основных деревянных частей юрты.

Ленты красились в ярко-красный и синий цвета [12,с.70-72]. Но, для южных племен, в частности, для группы кесек и жоо-кесек, проживавших в юго-западных районах Ошской области, для крепления юрты были характерны чисто белые тканые ленты [7,с.129].

Валихановские описания внутреннего убранства юрты основаны на его впечатлениях об интерьере юрт манапов Боронбая и Бурсука. «У самого богатого манапа их Боромбая в юрте было совершенно пусто, около стены шатра валялись куча войлоку, выбойчатых одеял и на них, как бы напоказ, были брошены, покрытые китайкой подушки, деревянные местной работы чашки, котлы металлические лежали повсюду в живописно-беспорядочном виде. Хозяйка дома, почтенная аяч (*дикокаменная женщина*) восседала на бараньей шкуре. Спартанская жизнь и пустота юрты составляют, как говорили сами киргизы, их древний обычай» [44,т.2, с.36].

О жилище другого кыргызского родоначальника племени бугу Бурсука он писал следующее: «Кибитка была дырявая и до черноты закопченная дымом. Бурсук сидел на почетном месте, у очага лицом к двери, направо от дверей, на телячьей коже восседала его жена, старушка, две дочери и несколько киргизок. Тут же поближе к дверям стояли котлы, меха с айраном, ведра, чашки, тарелки и прочая утварь. Налево у дверей сидел киргиз и тачал сапоги из красной юфти, кусая не без озлобления швы после каждого узла. Нас посадили на черный войлок, стеганный узорами, заменяющий у них ковры» [44,т.3, с.341]. Сравнивая внутреннее убранство юрт у кыргызов и казахов, он отмечал отсутствие покрывал, сундуков и кроватей у первых.

Относительная бедность обстановки и беспорядок в юрте Боронбая, вероятно, объясняется следующими обстоятельствами. В период путешествия Ч.Ч.Валиханова в кочевья племени бугу, они воевали с сарыбагышцами, и от манапа Боронбая требовался максимум бдительности и готовности быстро перекочевать в более безопасные места. Во-вторых, феодальная верхушка казахского общества уже имела сравнительно длительные отношения с

казачьим и переселенческим русским населением, и в ее жильё уже проникали хозяйственно-бытовые предметы европейской обстановки: железные кровати, сундуки, зеркала и т.д. [108,с.24].

В отличие от них (*казахов*), ко времени путешествия Ч.Ч.Валиханова в Кыргызстан, кыргызская знать ещё не имела торговых контактов с Россией. Хотя сам исследователь отмечал, что в юрте Боронбая имелись железные котлы, что свидетельствует о зачатке торговых отношений кыргызской элиты с Россией. Согласно С.М.Абрамзону, в XIX веке в юртах отдельных богатых кыргызов уже встречались деревянные кровати и низкие столики, что свидетельствует о начале влияния на кыргызов российской материальной культуры [7,с.130].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в середине XIX века у северных кыргызов наличествовали два типа юрт: с полусферической формой купола, или так называемая, тюркская юрта, и конусообразная, т.е. калмыцкая – более вытянутая. Внешний декор этих юрты отличался яркостью убранства, а внутренний интерьер определялся их хозяйственно-бытовым назначением, без нарушения традиционного правила – деления юрты на правую женскую и левую мужскую половины.

Пища у кыргызов характеризовались своей сезонностью мясо-молочной направленностью. Записки Ч.Ч.Валиханова об этой пище не отличаются обширностью информации. Он писал: «Кониная и баранина составляют их (*кыргызов-Ч.Т.*) любимую пищу» [44,т.2, с.38], что прямо отражает основной вид их хозяйственной деятельности. Перед забоем скота, кыргызы произносили ритуальные заклинания: «Много дней прошло, много ночей прошло, у тебя вины нет, у нас пищи нет, от врагов и тебе и мне досталось». [44,т.2, с.37], которые свидетельствуют о том, что в религиозном мировоззрении кыргызов, всё ещё, присутствовал древний тотемизм.

В 1856 году, пребывая в гостях у манапа Боронбая, Ч.Ч.Валиханов образно сравнивал куски вареного мяса с Талгарским пиком, одной из высших

точек Алатавских гор [44, т.2, с.37]. Однако в 1858 году, уже в юрте менее богатого бугинского родоначальника Бурсука он замечал: « Гостеприимство свое бурутский патриарх простер до того, что заклал нам агнца от стада своих. При нас в юрте зарезали бедного барашка, несмотря на его слезы, разняли по частям, развели костер, поставили треножник и на него котел, все как следует. Апатичные лица киргиз вдруг оживились, члены семейства с преувеличенной ревностью суетились около котла, мешали друг другу и, наконец, поссорились. Голодные собаки столпились на том месте, где резали баранов, и с лютым аппетитом обнюхивали пол. Киргизы, в надежде получить «глоток», все более и более наполняли юрту» [44, т.3, с.342]. «Глоток» объясняется Ч.Ч.Валихановым таким образом: «Гость, по киргизскому обычаю, должен своеручно вложить в рот всем присутствующим по куску мяса, иначе он будет невежа, неуч». [44, т.3, с.332]. Такой обычай до сих пор имеет место у кыргызов: при угощении самый старший и почетный гость от своего «устукана», которым может быть голова или «почетная» кость, режет кусочки мяса и собственноручно кладет в рот или в посуду всем присутствующим за трапезой. По традиционному обычаю кыргызов, дистрибуция вареного мяса – это часть традиционного этикета и питания, и она напрямую зависит от социального и половозрастного статуса человека [86, с.258-259].

Приведенные Ч.Ч.Валихановым сведения, косвенно указывают на социальную дифференциацию и положение кыргызских родов в составе племени бугу, которое, впрочем, было характерно для всех кыргызских племен. Манап Боронбай являлся верховным правителем всего племени, а Бурсук-родоначальником небольшого рода кыдык, который, в целях обогащения, совершал частые набеги - барымта на соседние роды.

Ч.Ч.Валиханов описал обычай распределения сваренного мяса у племени бугу по признаку почетности и возраста. «Крестец и таз есть принадлежность почетного кунака (*конок-Ч.Т.*), голова – ничтожному» [44, т.2, с.38]. По наблюдениям С.М.Абрамзона, в Прииссыкулье самому почетному гостю при

угощении бараниной давали «джамбаш» (*жамбаш-повздошную кость*) [7, с.159]. На Иссык-Куле, как и в Нарыне, Тогуз-Торо и других районах Внутреннего Тянь-Шаня, старшему и почетному гостю, напротив, подавали голову. При угощении кониной, почетному гостю на Иссык-Куле распределяли «уча» - крестец [84, с.811]. Отметим, что описанный Ч.Ч.Валихановым обычай распределения мяса до сих пор бытует у кыргызов Иссыккульской долины. Мясо, как сообщал он, кыргызы ели, обмакивая в соленый бульон-шорпо [44, т.3, с.342].

Наряду с мясной пищей, употреблялись молочные и растительные продукты. Так, из пшеницы, ячменя и проса готовили «жарму» - род похлебки из подсушенного на огне ячменя, «максым» - напиток, приготовляемый из дробленого толокна или ячменя [7, с.153]. Важным фактором питания кыргызского скотовода являлся его социальный статус и имущественное состояние. Байско-манапская верхушка употребляла разнообразную, преимущественно, мясную пищу, тогда как основная масса народа питалась крайне скудно и однообразно [7, с.153], в основном молочными и растительными продуктами.

Среди напитков у состоятельных кыргызов присутствовал привозной чай. Однако, чаще, его подобие кыргызы готовили сами следующим образом: жаренную на масле муку или талкан (*дробленные зерна злаков*) добавляли в молоко, разбавленной водой, заправляли солью и кипятили. Как писал дореволюционный исследователь, врач В.И.Кушелевский, южные кыргызы приготовляли подобным образом чай, называя его «ак-чай», «шир-чай» или «калмыцкий чай» [7, с.153]. Вероятно, что Ч.Ч.Валиханов пил в кочевьях племени бугу калмыцкий чай [44, т.1, с.332]. Кроме чая, в числе других напитков, были - бозо, кумыс и айран (*два последних - национальные кисло-молочные продукты кыргызов, соответственно перечислению, изготавливаемые из кобыльего и коровьего молока – Ч.Т.*).

«Бозо» же, названный Ч.Ч.Валихановым - «вином», доставляет кыргызам радость и утешение [44, т.2, с.72]. Нарушая заповедь ислама о воздержании от вина и других алкогольных напитков, кыргызы, - как писал он, - употребляют в немалых количествах этот напиток, приготовляемый из ячменя, проса, кукурузы и солода (*проросшая пшеница*), являлось традиционным и излюбленным напитком кыргызов чаще в зимнее время, что отмечал и исследователь XIX века В.В.Радлов [124].

Таким образом, основываясь на сведениях Ч.Ч.Валиханова о традиционной пище, рационе и особенностях питания кыргызов, можно сделать следующие выводы: - во-первых, они отрывочны, что вполне объяснимо по причине его краткосрочного пребывания у местного населения; - во-вторых, пищевой рацион, преимущественно, представляли мясо-молочные продукты; - в-третьих, существовал традиционный обряд распределения пищи, в зависимости от возраста, гендера и социального статуса человека.

Одежда - особый компонент материальной культуры каждого народа. Кыргызская одежда (*и мужская и женская*) середины XIX века была органично приспособлена к кочевому образу жизни, поэтому, во многом, походила на одежду других кочевников, хотя и отличалась своими самобытными деталями, отражавшими эстетические вкусы кыргызов.

Рассмотрим те виды одежды, которые представлены в записях и зарисовках Ч.Ч.Валиханова. «Нас встретил родоначальник племени салмеке манап Карач, по прозвищу Большой, ... (*который*) носил остроконечную белую войлочную шляпу, с разрезанными на лбу и затылке полями, ваточный халат из крепкой бумажной полосатой материи, вроде тика, с закругленным воротником, как у наших военных на кафтанах, и тремя зелеными шелковыми тесемками на груди, на ногах были неуклюжие сапоги из красной юфти, с большими деревянными каблуками. Сын его был одет также, но халат его был более яркого цвета». [44, т.3, с.340].

Так, в описании путешественника головной убор манапа имел разрезы на полях впереди и сзади. Этот вариант калпака не встречается в таблице С.М.Абрамзона «Различия в мужской одежде северных киргизов в XIX веке». Известный этнограф приводит лишь один вариант калпака для племени бугу – с полями без разрезов [7,с.144]. По мнению современных этнографов, такая форма калпака стала бытовать в Средней Азии и Казахстане со второй половины XIX века.

Под калпаками киргизы носили шапочки-тюбетейки, называемые - «топу». Рисунки Ч.Ч.Валиханова манапа Боронбая, бия Сартая и сына сарыбагышского манапа Алчи отражают ношение этих шапочек с уплощенным околышем, тогда как казахи носили такие шапочки конусообразной формы [44,т.1,с.321-322]. У киргизов верхняя одежда не была разнообразна, и, в основном, состояла из чапана и зимней шубы - тон. Чапаны-халаты туникообразного покроя отличались отделкой воротников, формой и видом застежек. В то время верхняя одежда с меховой отделкой, плисовым воротником и с застежкой, декорированной шелковыми шнурами, была популярна у киргизов, казахов и у народов Восточного Туркестана [44,т.1, с.321;100, с.49]. Такая импортная одежда носилась только родоплеменной аристократией.

Судя по описанию Ч.Ч.Валиханова, обувь у киргизов шилась из красной юфти (*кожа - Ч.Т.*), с большими деревянными каблуками [44,т.1,с.340], и, безусловно, носилась только знатью. Другая распространенная национальная обувь, упоминаемая Ч.Ч.Валихановым, напоминала римские сандалии и была сделана из верблюжьей кожи, которая, преимущественно, носилась простыми скотоводами [44,т.3,с.40].

Несколько подробнее остановимся на женской одежде, описанных Ч.Ч.Валихановым: «Имея полную коллекцию разных женских костюмов, я начал их рассматривать. Дикокаменные женщины, замужние и девицы, носят белую рубаху из дабы без воротника, обшивая грудной разрез вокруг красным

шелком. Верхнее одеяние их составляет обыкновенный халат такого вида и покроя, как носят мужчины, они носят пестрые халаты, кроме синего цвета, который есть траур» [44,т.1,с.340].

На зарисовке Ч.Ч.Валиханова «Женщины иссык-кульских киргиз» мы видим их верхние одежды с косым запахом, известные еще с тюркско-монгольских времен. У монголов одежда запаховалась слева направо, а у тюрков, обычно, наоборот [54,с.49]. Сохранение тюркского запаха отмечено на зарисовке Ч.Ч.Валиханова кыргызской девочки в верхней одежде, вероятно, дочери манапа Боронбая [44,т.1,с.340].

Помимо верхней одежды, кыргызские женщины носили платья-рубahi, которые шились из легких и светлых тканей. Сравнивая описания и зарисовки Ч.Ч.Валиханова с платьями кыргызок середины и конца XIX века из коллекции Кыргызского Государственного исторического музея, составленной этнографом Е.И.Маховой, обнаруживаем, что исследователь очень тонко подмечал родоплеменные различия в женской одежде [100,с.49-50]. Из его описаний также становится очевидным, что северянки предпочитали носить платья белого цвета, с вышитым воротом [44,т.1,с.338], тогда как в других регионах Кыргызстана платья шились из тканей различных цветов [100,с.49].

В отношении головных уборов кыргызок Ч.Ч.Валиханов писал: «При отъезде нашем показалась молодая баба в полосатом бухарском халате и девка в белой рубахе (*платье*) в красной остроконечной шапке с кисточкой» [44,т.3,с.332], которые, в основном, носились девочками и шились из недорогой красной или белой ткани и не украшались [14,с.251]. Когда девушка выходила замуж, она одевала на голову – «шөкүлө», который, по мнению известного этнографа К.И.Антипиной, с середины XIX века становится исключительно свадебным убором [14, с.250]. В этой связи интересно замечание Ч.Ч.Валиханова о том, что: «Молодые бабы в торжественных случаях носят саукалу (*шөкүлө - Ч.Т.*) - белый головной убор» [44,т.1,с.340]. Из

этой информации очевидно, что на севере Кыргызстана в середине XIX века шөкүлө носилось и после свадьбы во время общеродовых мероприятий.

Семейный статус кыргызской женщины определялся ношением особого головного убора, который называется - «элечек». На рисунке Ч.Ч.Валиханова запечатлена семья манапа Боронбая, где две женщины, вероятно, его жены, сидят в массивных головных уборах (*элечеках*) [44, т.1, с.338], на изготовление которых использовалось от 10 до 15 метров хлопчатобумажной ткани.

Согласно исследованиям Е.И.Маховой, элечек у женщин севера Кыргызстана отличался строгостью и законченностью формы, верхняя часть которого заворачивалась на левую сторону [205, с.205-211]. На рисунке же Ч.Ч.Валиханова, напротив, элечек у одной женщины наклонен направо, а у другой налево, т.е. данная информация отражает некоторую вариативность в ношении элечека женщинами племени бугу.

Относительно женской обуви сведения у Ч.Ч.Валиханова отсутствуют, но по его рисункам видно, что она особо не отличалась от мужской, и больше свидетельствовала о социальном статусе кыргызок, чем о гендерной идентификации. Так, на валихановской зарисовке дочери и жен манапа Боронбая запечатлено, что они носили сапоги с высокими голенищами, с загнутым вверх носком и скошенным каблуком [44, т.1, с.335].

Непременным атрибутом одежды кыргызских женщин являлись ювелирные украшения, о которых Ч.Ч.Валиханов оставил следующие записи: «Волосы же женщины заплетают в две концы, их соединяют в одну тонкую прядь и убирают монетами, ключами, занкирами (*занкиры* - ?, Ч.Т.) и другими подручными вещами. Девки расплетают волосы на множество таких прядей, убирая их около ушей жемчугом, кораллом или бусами, смотря по средствам» [44, т.1, с.340]. Далее он отмечает женское украшение, называемое «чолпу», широко бытовавшее у кыргызок в Чуйской долине, на Иссык-Куле и во Внутреннем Тянь-Шане [14, с.261]. Что касается девичьих украшений, то, вероятно, Ч.Ч.Валиханов описывал «сойко-желбүрөч».

Кыргызские зергеры (*ювелиры*), как правило, изготавливали свои украшения со вставками из драгоценных и полудрагоценных камней, поскольку им предписывалось магическое и целебное значение. К примеру, по поверьям ряда народов Центральной Азии, в том числе и кыргызов, кораллы обладали свойством давать его обладательнице большое потомство, а в лечебных целях их использовали как кровоостанавливающее средство и лекарство от язвы желудка [38, с.293]. Из нагрудных женских украшений Ч.Ч.Валиханов упомянул «алатамак». «Носили также нагрудники, убранные жемчугом, монетою. Называют их «алатамак». Все это было в старину» [44, т.1, с.340]. В отношении «старины» Ч.Ч.Валиханов ошибался. Алатамаки носились и в конце XIX - начале XX вв., о чем свидетельствуют фотографии М.Дудина, сделанные им в 1902 году, а также данные исследования этнографа К.И.Антипиной о распространенности этого украшения у узбечек, казашек и женщин других центрально-азиатских народов [14, с.262].

Таким образом, сведения Ч.Ч.Валиханова о некоторых видах одежды племени бугу существенно дополняют наши познания об истории кыргызского национального костюма в середине XIX века. Они также содержат информацию о давних культурных связях кыргызов с народами Центральной Азии, Южной Сибири и Восточного Туркестана.

Эти валихановские сведения, в купе с другими документами того времени, могут послужить методологической основой при создании музейного комплекса «Одежда кыргызов в XIX веке» в экспозиции Кыргызского Государственного исторического музея, а также областных и других краеведческих музеев, и служить первоисточником при составлении альбомов по истории кыргызской одежды и национальному ювелирному искусству.

4.2. Архитектурные сооружения кыргызов в XIX веке

Многообразие и уникальность архитектурных памятников северо-восточной части Иссыккульской котловины и Центрального Тянь-Шаня не могли не привлечь внимания Ч.Ч.Валиханова и оставить его равнодушным. В его трудах о кыргызах имеется много сведений о памятниках древней, средневековой и новой, современной Ч.Ч.Валиханову, истории.

Так, 26 мая 1856 года, в день записи отрывка из эпоса «Манас», он также описал курган «Сан-Таш» [44,т.1,с.326], происхождение которого кыргызы связывали с походами двух великих исторических личностей. В частности, об этом Ч.Ч.Валиханов писал: «Предание гласит, что когда эмир Темир-Курген (*так называют на Востоке Тамерлана*) отправился в Китай для взятия себе в гарем дочери императора Каан-Чина, то приказал он каждому из своих воинов положить в одно место по камню, а по возвращению назад переложить эти камни на другое место. По оставшимся не поднятым камням он судил о понесенной потере в его войске. Место прежнего кургана лежит возле и теперь. Дикокаменные киргизы насыпь Санташа приписывают своему хану Ишиму, как памятник его победы над калмыками-зюнгарами» [44,т.1,с.340].

Вторая версия, по его мнению, казалась ему более достоверной, но обе они были ошибочными. Зная, что курганы являются надмогильными сооружениями в погребальном комплексе предков кыргызов [44,т.1,с.329], Ч.Ч.Валиханов, тем не менее, не отнес «Сан-Таш» к таковым. Современные археологи склонны датировать курган сакским временем. В своем дневнике Ч.Ч.Валиханов писал о нем следующее: «Санташ-счетный камень. Проход этот (*Сан-ташский перевал - Ч.Т.*) получил свое название от груды камней, положенных в один курган. Высота кургана в сажени в три, окружность сажень 35». [44,т.1,с.325].

Эти размеры даны у путешественника произвольно, и потому они разнятся с данными археолога Д.Ф. Винника. В действительности размеры Сан-ташского кургана (*«насыпи» у Ч.Ч.Валиханова*) весьма внушительны.

Размеры, составляющие 4 метра высотой, диаметр окружности 60 метров, соотносятся с параметрами известного Иссykkского кургана сакского периода в Казахстане.¹ По конструктивным данным «Сан-Таш» аналогичен курганам урочища «Пазарык» на Алтае и датируется около VI-III вв. до н.э. [45,с.97].

«Во всяком случае, – объективно отмечал Ч.Ч.Валиханов, – для сооружения Сан-Ташского кургана нужно было много людей и труда, и, конечно, он есть памятник, завещанный грядущим дням какой-нибудь знаменательный факт в жизни какого-нибудь из прошедших (*здесь*) народов». [44,т.1,с.326]. В дневниковой записи Ч.Ч.Валиханова и на его рисунке «Бивак у подножия горы Тасма» фигурируют две груды камней: большие и мелкие, известные у местного кыргызского населения как курганы [44,т.1,с.326-328]. Но при раскопках второго кургана археологом Д.Ф.Винником выяснилось, что под каменной насыпью, напоминавший курган, оказалась каменная постройка, датируемая X-XIV веками нашей эры. [45,с.97].

Помимо Сан-Ташского кургана, Ч.Ч.Валиханов отметил еще ряд больших по размерам древних курганов, что было немаловажно для представления об общей картине археологических памятников в этом регионе. Непосредственно же к погребальным комплексам кыргызов Ч.Ч.Валиханов относил следующие виденные им типы: «На этих местах (*северо-восточная часть Прииссыккуля-Ч.Т.*) есть могилы или насыпи 4 родов, по-видимому, разных времен: 1 - это холмистые насыпи, затем были современные им, конечно, могилы в виде четырехугольника. Они уже совершенно заросли, но видны следы. К стороне, обращенной на восток, стоят большие камни, в некоторых к парадной стороне также. Затем следуют могилы, насыпанные из кусков гранита, и других камней в беспорядке» [44,т.1,с.344].

Описанные исследователем типы археологических памятников Прииссыккуля, по оценке специалистов, можно классифицировать следующим образом: - во-первых, это места городских поселений древнего

¹ Высота Иссykkского кургана в Казахстане достигает шесть метров и окружность в диаметре 60м.

Семиречья, которые отчетливо видны на поверхности земли в виде холмов; - во-вторых, каменные ограждения разных исторических эпох; - в-третьих, курганы древних скотоводов, в виде земляных и каменных насыпей; - в четвертых, каменные ограды с изваяниями тюркского времени [44,т.1,с.409].

О тюркских изваяниях Ч.Ч.Валиханов написал следующее: «Тут (*местность от Сары-Булака до Курменты-Ч.Т.*) я нашел вошедших вполтину в землю баб камни с изображением человеческого лица. Удивительно, что на месте их нахождения не было кургана, как это попадает в Малороссии (*Украине-Ч.Т.*) и Сибири. Не определено до сих пор, что означали эти бабы и кем поставлены. Виденные здесь мною, изображали лицо с огромными усами. В правых руках болванов было что-то вроде чашки. Облик лица и глаза напоминают монгольский тип». Помимо этой информации, Ч.Ч.Валиханов сделал зарисовки четырех каменных изваяний [44,т.1,с.341-342]. Быть может, эти скульптуры являлись групповыми статуями, составляющие мемориал знатного тюрка со скульптурными изображениями сородичей, родных и друзей. Обычно их устанавливали в шеренгу. Так, на памятнике Унгету в Монголии каменные статуи располагались в три шеренги, в двух крайних рядах, обращенные лицами друг другу, а в среднем ряду статуи ставились в затылок одна за другой. Расположение фигур в разное время могла быть различным [48,с.16], но на зарисовке Ч.Ч.Валиханова видно двухшеренговое их построение [44,т.1,с.341].

Полагаем, что дать свою интерпретацию этим памятникам в Семиречье и сравнивать их с сибирскими и украинскими он мог на основе знакомства с исследовательскими трудами П.Г.Мессершмидта, П.С.Палласа, А.Гумбольта, А.И.Шренка, Г.Ф.Миллера и других. [174,с.20-22]. Но в работах этих ученых еще не давалось научного объяснения назначению этих скульптур. И лишь в 90-х годах XIX века, с открытием и дешифровкой Орхонских надписей, стало возможным датировка и понимание их назначения. В древнетюркском обществе VI-VIII веков н.э. обряды захоронения и поминания включали

практику возведения каменных скульптур, так называемых балбалов, в честь умершего кагана, т.е. правителя или членам их семей [104,с.110].

Вместе с тем, сегодня, очевидно, что сведения Ч.Ч.Валиханова об иссык-кульских изваяниях имеют важное значение для археологии Евразии, с точки зрения историко-сопоставительного анализа с подобными памятниками на Украине, в Южной Сибири, на Алтае и в Монголии.

О памятниках нового времени Ч.Ч.Валиханов писал: «Если и есть у киргизов архитектура, то это архитектура могил» [44,т.1,с.330]. «Непременно обязаны были место успокоения какого-нибудь батыра ознаменовать потомству или большой земляной насыпью, или стеной в виде крепости, или уступчатой башней (*т.е. гумбезом с фасадом в виде арки, либо с купольным перекрытием - Ч.Т.*). Все это они делали, смотря по средствам, из жженого или земляного кирпича. Громадность - эмблема могущества покойного» [44,т.1,с.330]. Для строительства таких гумбезов кыргызская знать приглашала из Восточного Туркестана мастеров, труд которых, как явствует из записей Ч.Ч.Валиханова, очень высоко оценивался. «Джантай, манап дикокаменных киргиз, заплатил кашгарцу за постройку могилы четыре девятки скота, сто баранов. Девятки состояли: 1) раб и 8 лошадей, 2) верблюд и восемь лошадей, 3) лошадь-бегунец и 8 лошадей, 4) вол и восемь коров» [44,т.1,с.330].

Зарисованный и описанный Ч.Ч.Валихановым внешний и внутренний вид гумбега сына Джантая отражает строительные и художественно-декоративные приемы восточно-туркестанской и ферганской архитектурных школ [153]. Как отмечает современный историк Б.А.Дуйшеев: «Народная память не сохранила воспоминаний об этом гумбезе» [60,с.13], поэтому зарисовка Ч.Ч.Валиханов гумбега Джантая, в дополнение описания о нем П.П.Семенова-Тян-Шанского, являются ценным источником для реконструкции памятников культовой архитектуры кыргызов позднего средневековья [136,с.182-183].

Ч.Ч.Валиханов также счел нужным заметить, что могилы простых кыргызов: «... небольшие, несколько камней, просто палки, воткнутые в землю, показывает на место, как последнее жилище человека». По его зарисовке кыргызского кладбища видно, что существовали два типа надмогильных сооружений простым скотоводам – сагана, в форме: - 1) пирамидального ступенчатого надгробия высотой до двух метров; - 2) земляного кургана высотой до одного метра [44,т.1,с.330]. В целом, надмогильные сооружения кыргызов были разнообразны по форме и виду.

Ещё одним ценным свидетельством Ч.Ч.Валиханова об исторической кыргызской архитектуре является информация о крупном средневековом каменном сооружении «Таш-Рабате», о котором он писал: «Рабатом называется на Востоке здание, устроенное на больших дорогах для доставления крова путешественникам. Оно устраивается с богоугодной целью, как училища, караван-сарай, фонтаны, колодцы в степях и мосты» [44,т.3,с.28]. Как видим, из этого описания в предназначения Рабата отмечена и его религиозная функция. В частности, об этом Ч.Ч.Валиханов писал следующее: «Дикокаменные киргизы считают этот Рабат за несомненное чудо и приносят в жертву баранов, что доказывает окровавленный порог ворот и головы диких баранов и коз, которые повешены за ворота» [44,т.3,с.28].

Относительно времени постройки «Таш-Рабата» исследователь поведал, что оно было возведено известной в истории личностью – ханом Абдулла, жившим в XV веке [44,т.3,с.28]. Аналогичная датировка возведения этого сооружения содержится в трудах В.В.Бартольда и Н.Н.Пантусова. [114,т.1,с.9].

В работе же современного нам исследователя С.Я.Перегудовой, «Таш-Рабат» трактуется как сооружение, построенное с богоугодной целью христианами несторианского толка в X-XI веках [114,с.9-10].

Таким образом, археологические и архитектурные памятники Кыргызстана, отмеченные в трудах и зарисовках Ч.Ч.Валиханова, отражают

места их нахождения, характер и эволюцию этих сооружений с глубокой древности и до середины XIX века.

4.3. Религиозные воззрения кыргызов

Религиозное воззрение кыргызов в середине XIX века представляло из себя сплав различных верований и культов: тотемизма, анимизма, магии, культа сил природы и предков с мусульманской религией. Многие дореволюционные путешественники и исследователи Кыргызстана [2,с.38], в том числе и Ч.Ч.Валиханов, останавливались на верованиях кыргызов, отличавшихся широким религиозным полиморфизмом.

На наш взгляд, именно Ч.Ч.Валихановым в свое время было охарактеризовано большинство религиозных обрядов и верований кыргызов, показан механизм взаимодействия и взаимовлияния одних из наиболее распространенных форм религии у кыргызов шаманства и ислама. Им же предпринималась попытка выяснения возникновения шаманства у кыргызов и казахов и определения его особенностей от сибирского шаманства. Он писал: «Вообще шаманство, как религия, составляет предмет еще не исследованный. Статья покойного Банзарова о «Черной вере» есть единственное систематическое и лучшее ученое исследование об этой отдельной вере, господствовавшей когда-то у всех народов Передней Азии (*отметим, что и в Америке тоже - Ч.Т.*). Однако, несмотря на превосходное достоинство этого сочинения, мы думаем, что оно не полное...Банзаров в основных положениях о шаманстве, по нашему мнению, судит не совсем верно, или лучше сказать, не обнимает всю идею шаманства. Шаманство, с одной стороны, есть почитание природы вообще и в частности. Человек живет и действует под влиянием природы. В этом смысле, шаманство представляет крайний материализм. С другой стороны, умирая, человек сам становится божеством – это крайний спиритуализм. Идея недурна и замечательна, особенно потому, что не имеет мифологических заблуждений и дает полный простор общественным условиям и общественным законам» [44,т.4,с.49-50].

Данное суждение свидетельствует о чрезвычайно глубоком знании Ч.Ч.Валихановым литературы не только о шаманстве народов Сибири и Монголии, но и о других идеях и течениях, связанных с религией, к примеру, о спиритуализме, возникшем в начале XIX века в США, и затем распространившийся в Европе и России. Так, в его работах «Записки о киргизах» в подзаголовке «Религия и умственное образование» и вышеупомянутой «Следы шаманства у киргизов (*казахов*)», которая вполне может относиться и к религиозному мировоззрению кыргызов, прослеживается верная мысль о поверхностном усвоении ими догматов и канонов ислама. Так, относительно кыргызов, он писал: «Все дикокаменные киргизы исповедуют мусульманскую религию или лучше, называют себя мусульманами, не зная ни догматов веры, ни его треб. (*требований-Ч.Т.*). Все обряды их и поверья до сих пор сохранили полный оттенок шаманства. Поверья, обряды и заклинания их совершенно сходные с шаманским же элементом киргиз-кайсаков» [44, т.2, с.72].

Это было связано с патриархально-феодальным укладом хозяйства и образом жизни кыргызов, а также отдаленностью их от центров фанатичного поклонения исламу – Коканда, Самарканда и Бухары, да и Ош в середине XIX веке еще не стал «второй Меккой».

Значительное место в системе религиозных воззрений кыргызов занимал культ духа предков и тесно связанное с ним шаманство, одно из древнейших форм религиозной деятельности человечества [227, с.42]. Причем шаманство включало в себя веру в духов добрых и злых, в сношениях с которыми, якобы, и состоит сила шаманов [36, с.505]. Обобщающим термином для обозначения духов у кыргызов являлось понятие «арбак». И именно от состояния духа, особенно от духа человека, зависело социальное и материальное положение кочевника в мирской его жизни. В данной связи Ч.Ч.Валиханов писал: «Люди великие, сильные были всеильными, всемогущими онгонами (*духами-Ч.Т.*), мелкие натуры становились по смерти ничтожными духами, которые не могли

ни порядочно любить и не умели ненавидеть. Чингис-хан после смерти был почитаем как бог» [44,т.4,с.51]. У кыргызов до сих пор существует поверье о том, что чем чаще здравствующие родственники будут вспоминать арбак умершего, совершая жертвоприношения, то тем чаще и больше этот дух будет им покровительствовать.

У многих восточных народов принято считать, что шаманы являются посредниками между людьми и духами (*арбаками*). В этом плане у Ч.Ч.Валиханова имеется такое определение шаману: «Шаман, человек, одаренный волшебством и знанием, выше других» [44,т.2,с.52]. Другое определение исследователя расширяет круг особых качеств, способностей и функций шамана в жизни кочевого сообщества: «...он поэт, музыкант, прорицатель и, вместе с тем, врач» [44,т.2,с.52]. Этой же точки зрения придерживается и современный этнограф, религиовед В.Н.Басилов, который отмечает: «Из единой разносторонней фигуры шамана со временем выделились особые фигуры музыканта, поэта, народного сказителя, получившие свою специализацию» [227].

Как видим, во время Ч.Ч.Валиханова шаман объединял в своем лице несколько ролей и функций. Многофункциональный статус шамана в кыргызском обществе был очень высок и престижен, поскольку некоторые манапы, к примеру, крупный манап сарыбагышей Уметалы (*Умбет-Али у Ч.Ч. Валиханова*) имел это почетное прозвище [44,т.2,с.73]. Скорее всего, это явление было связано и с усилением влияния ислама и активизацией деятельности его проповедников среди кыргызских племен. Ведь, как известно, на первых этапах распространения и усиления влияния ислама среди кыргызов, их феодально-патриархальная верхушка желала, чтобы мусульманский культ занимал подчиненное место относительно родовых обычаев [2,с.35], к тому же нормы оцепринятого всеми кочевниками обычного права – Адата стояли на защите собственности и интересов кыргызской знати, и являлись регуляторами уголовного, социально-имущественных и всех

других отношений в кыргызском обществе. Потому-то и не было необходимости заменять Адат – Шариатом (*Свод мусульманского законодательства и права – Ч.Т.*).

Мужчину шамана кыргызы называли - «бакшы», а женщину - «бубу». Происхождение слова «бакшы» Ч.Ч.Валиханов, как и российский востоковед Б.Я.Владимирцев (*автор ряда этимологических словарей*), связывал от монгольского значения этого слова, означающий - «грамотный» [148,с.58].

О большом почитании «бакши» в кочевом обществе свидетельствует тот факт, что однажды молодому Чокану предложили изгнать джинов из душевнобольной кыргызки, мотивируя эту просьбу тем, что только человек, так называемой «белой кости» (*т.е. знатного происхождения*), может помочь такому больному [44,т.1,с.334]. Здесь, очевидно, что в середине XIX века социальный статус человека воспринимался как нечто освященное, дающее сверхъестественные способности. Подобный случай встречается и в книге шведского путешественника Свена Гедина, который вспоминал о следующем: «Кыргызы услышав что у них в лагере (*в местности Кара-Куль – Ч.Т.*) находится европеец, принесли больных в мою юрту, и я лечил их как мог - хинином и другими безвредными, горькими вещами». [205,с.91].

Помимо «бакши» Ч.Ч.Валиханов упоминал и других лиц, обладавших особыми способностями: «У них есть шарлатаны, которые заклинаниями призывают дождь, они называются «джайчи». Это поверье, впрочем, древнетюркское; восточные историки говорят о каком-то камне-джуде, имеющем силу призывать дождь. И говорят, что он был дан богом Яфесу, отцу тюрков в знак особого своего благоволения его потомству» [44,т.1,с.328].

В статье «Следы шаманства у киргизов» Ч.Ч.Валиханов исследовал гносеологию (*происхождение*) шаманства, и его заключение о возникновении шаманства в результате поклонения людей силам природы было, несомненно, важным научным открытием в религиоведении кочевых культур [134,с.102].

О значении культа огня у кыргызов свидетельствует следующая запись Ч.Ч.Валиханова: «Огонь есть высшая святыня. При обращении к огню и духу говорят (*кыргызы – Ч.Т.*) следующее заклинание: «Мать огонь! или Отец дух! Памяти твоей поклон неба...Тоба, Тоба! помилуй» [44,т.2,с.73]. По древней традиции кочевых народов евразийского континента огонь олицетворялся с женским образом как хозяйкой домашнего очага. Почитание культа огня засвидетельствовано еще у саков - протопредков кыргызов [246].

Как свидетельствовал Ч.Ч.Валиханов, культ почитания огня кыргызы использовали в магически-очищающих, семейно-культурных и лечебных целях. [44,т.4,с.54-55]. В первом ампула он (*культ огня*) проводился кыргызами в обрядах перекочёвок и назывался – «аластоо», который заключался в том, что люди и их скот, в целях «очищения» от болезней и других негативов жизни, при перекочёвке на новое место проходили между двумя кострами [2,с.15].

В семейно-культурных обрядах кыргызов культ огня также имел большое значение. К примеру, невеста усаживалась перед очагом в доме тестя и в огонь бросали жир. Женщины, погрев руки над огнем, ими затем водили по лицу невесты [44,т.4,с.55]. Как явствует из этого обряда, символами жертвоприношения огню являлось бросание в него кусочков жира. Ч.Ч.Валиханов писал об этом так: «...жертвоприноситец сидит на одном колене, как стойка перед богом, и правой рукой делает на лбу знамение» [44,т.2,с.55]. Общность этого обряда прослеживается у алтайцев и хакасов. В частности, у первых еще недавно был обычай «брызгать» указательным пальцем правой руки жиром в честь духа огня [159, с.592]. Поклонение духу огня, олицетворявшийся с женским образом - «Отине», присутствовал и в культурной системе хакасов. Его ритуал заключался в том, что ежедневно перед приёмом пищи полагалось бросать три кусочка жира или выливать три ложки масла в огонь, чтобы богиня огня сохраняла в семье благополучие [41,с.3-4].

У кыргызов существовал и астральный культ. Вера в сверхъестественные силы планет солнечной системы и поклонение им

обеспечивало в их понимании благополучие в материальной и духовной жизни. Так, например, считалось, что звезды покровительствуют счастьем человека, и до сих пор у кыргызов существует понятие «жылдыздуу», т.е. человек рожденный под счастливой звездой.

Как сообщал Ч.Ч.Валиханов, у кыргызов имело распространение и культ луны. Он ассоциировался с женским образом и при виде молодого месяца кыргызы кланялись ему, а летом собирали траву и бросали ее в огонь [44,т.4,с.58]. Культ луны отражается и в фольклоре кыргызов. К примеру, в легенде «Девочка на луне», которая (*по сюжету этого произведения*), из-за недоброй мачехи, улетает на луну. В народной же песне «Ай-баратат» луна олицетворяется как живой объект [58,181,316б].

Однако, верховным божеством всего сущего на земле для кыргызов, как и других соседних кочевых народов, являлось - Небо – Тенгри (*Теңир*), основная функция которого отражалась в его благодеянии, распространяемое на человека от рождения и до смерти [31,с.12.]. Кыргызы употребляли слово «Теңир» вместо «Аллах», и это свидетельствует о недостаточно сильном проникновении ислама в их сознание. И в наше время можно услышать от кыргызов пожелание - «Кудай колдосун», что означает - «Храни тебя Небо-Бог» [44,т.2,с.72].

Другим распространенным культом у кыргызов являлась - магия, как составная часть шаманства. С давних времен вера в воздействие на людей и окружающий мир при помощи слов и таинственных предметов практиковалась шаманами и магами. К примеру, у кыргызов бытовала клятва, когда в качестве оправдания или доказательства того, что человек плохое дело не совершал, произносили слова «Майнекен булаин» (*Майнеке болоюн - Ч.Т.*) [44,т.4,с.61-62]. Ч.Ч.Валиханов привел такое толкование этой клятвы: «Надо полагать Майнеке - имя собственное какого-нибудь человека, особенно прославившегося своими дурными качествами, или какая-нибудь унижительная профессия. Клятва это общеупотребительная» [44,т.4,с.62].

Существовала тотемная магия, которая выражалась в проговаривании определённых магических слов и ношении оберегов и амулетов. Так, по сведению Ч.Ч.Валиханова, локтевая кость овцы оберегала стадо от волков и воров, а голова и перья филина имели защитные свойства от сглаза и порчи, поэтому ими украшались головные уборы, в частности, девичьи шапочки, юрта и другие предметы и вещи [44,т.4,с.64].

Таковы были, по свидетельствам Ч.Ч.Валиханова, проявления домусульманских верований и обрядов кыргызов середины XIX столетия. Вместе с тем, исследователь отмечал и укрепление господства Кокандского ханства на территории современного Кыргызстане, а вместе с тем и рост влияния ислама на кыргызов. В немалой степени этому способствовали и так называемые муллы без мечетей, которые появлялись, а некоторые и подолгу проживали в кыргызских кочевьях. Как сообщал об этом Ч.Ч. Валиханов, «... в некоем поколении племени бугу мулла обучал грамоте детей» [44,т.2,с.73], а в крепости Куртка имелась молельня Джангир-хожди, лидера религиозно-политического движения уйгуров в Восточном Туркестане в конце XVIII-начала XIX вв. [44,т.3,с.76]. Также достаточно хорошо известно, что кыргызы являлись активными участниками религиозно-политического движения ходжей в XVIII-XIX вв. в центрально-азиатских ханствах и в Восточном Туркестане. Но, по мнению Ч.Ч. Валиханова, участие кыргызов было вызвано не религиозными, а внешнеполитическими целями. Их участие несколько ослабляло военно-налоговый пресс кокандских ханов и, как писал исследователь: «...при появлении ходжей, киргизы считают отношения свои к Коканду необязательными и не слушаются кокандцев, а исполняют волю ходжей» [44,т.3,с.193]. Вместе с тем, у него встречаются и противоречащее вышеприведенному утверждения, например, такое: «...ни муллы, ни ходжи и другие мусульманские учителя не были еще среди этого народа. Не только грамотных людей, разумеющих элементарные начала веры, даже

исполняющих пяти временный намаз и рузу (*орозо-Ч.Т.*) между дикокаменными киргизами нет» [44,т.2,с.72].

Кроме ислама, из других религий у кыргызов (*хотя и в раннем средневековье*) Ч.Ч.Валиханов упоминал о христианстве: «На озере Иссык-Куль сирийские якобиты (*христиане-несторiane - Ч.Т.*), по свидетельству Каталонской карты, имели монастырь с мощами св. Матвея. Христианство здесь так сильно распространилось, что возбудило против себя несколько гонений». В XVI веке на Иссык-Куле было уже несколько мусульманских селений. Вероятно, сведение о каталонской карте Ч.Ч.Валиханов почерпнул во время беседы с П.П.Семеновым-Тян-Шанским в Омске в 1856 году. В свою очередь, последний видел эту карту в 1850 году в Венеции, где этот монастырь христиан был обозначен в бухте Курменты, находящийся между селениями Светлый мыс и Тюп [55,с.88].

Таким образом, опираясь на труды Ч.Ч.Валиханова по вопросам религиозности кыргызов и истории религии в Кыргызстане, широко цитируемые в работах современных этнографов и религиоведов, по данному вопросу можно утверждать следующее. В середине XIX века среди кыргызов, считавшихся мусульманами, все еще продолжали бытовать языческие культы: тотемизм, фетишизм, магия, шаманизм и другие. Однако, с 60-х годов XIX века в северокыргызском обществе все явственнее стало проявляться влияние мусульманской идеологии, исламских правовых норм и ритуалов.

4.4. Язык и фольклор кыргызов

Язык кыргызского народа - одного из древнейших в Центральной Азии этносов, развивался в органической связи с его многовековой историей, в которой, как нам хорошо известно сегодня, эпохи великого могущества древних кыргызских государственных образований, сохраненные в народной памяти, главным образом, благодаря бессмертному тысячелетнему эпосу «Манас», сменялись временами тяжелых испытаний нашего народа. Весь этот длительный жизненный процесс, под названием – история

кыргызского народа, с древних своих истоков и до наших дней формировал, развивал и совершенствовал национальный менталитет, культуру и язык потомков Великого прародителя кыргызов – Манаса - Великодушного.

Поэтому верно определение академика В.В.Радлова о том, что: «Лишь внимательное исследование источников позволяет понять развитие новых языков». В этом алгометрическом ключе проведения анализа сведений Ч.Ч.Валиханова о кыргызском языке времени его путешествия в Кыргызстан представляет большую научно-исследовательскую ценность.

Но прежде чем обратиться к разделу «Язык» в статье Ч.Ч.Валиханова «Записки о киргизах», обратимся к его биографии, а именно того периода когда он, предположительно, мог познакомиться с носителями кыргызского языка. Вполне вероятно, что еще в детстве в имении своего отца – султана Чингиса Валиханова он мог слышать кыргызскую речь от потомков, плененных его прадедом – знаменитым казахским ханом Аблаем, кыргызов, впоследствии составивших две казахские волости Яна и Бай-киргиз на территории современного Казахстана [44,т.4,с.115].

В годы учебы в Омском кадетском корпусе он также нередко встречался с представителями кыргызской знати, приезжавших в центр Западно-сибирского генерал-губернаторства с торговыми и политическими вопросами. Об этом свидетельствует рисунок кадета Чокана Валиханова сарыбагышского бия Сартая, сделанная им в 1849 году в Омске [98,с.12].

Поэтому для нас несомненно, что уже в свой первый приезд в Кыргызстан в 1856 году Ч.Ч.Валиханов неплохо владел кыргызским языком. Это подтверждается и его высказыванием о понятном ему языке древне-кыргызского эпоса «Манас», т.е. беглая экспрессивная речь сказителя этого произведения понималась им хорошо [44,т.1,с.327].

О языке, на котором говаривали кыргызы племени бугу, Ч.Ч.Валиханов писал: «Дикокаменные киргизы говорят наречием тюркского языка, весьма близким к диалекту, господствующему в Восточном Туркестане. Наречие

это, называемое некоторыми ориенталистами - уйгурским, разделяется на письменное и народное» [44,т.2,с.67]. Это суждение, которое по классификации тюркских языков Самойловича не совсем верно, он мог сделать на основе личных наблюдений, будучи еще в 1855 году в восточно-туркестанском городе Кульдже, и полагаясь на исследования тюркологов И.Н.Березина, И.И.Гиганова и Френа [44,т.1,с.104-115; т.2,с.53].

По данному вопросу Ч.Ч.Валиханов также отмечал: «Письменное (*имеется ввиду письменный кыргызский язык - Ч.Т.*) имеет большое сходство с джагатайским (*языком – Ч.Т.*), между тем, как народное содержит в себе множество своеобразных слов, может быть древнетюркских, а также немало монгольских» [44,т.2,с.67]. В период путешествия Ч.Ч.Валиханова по Центральной Азии, в этом регионе, а также в Северном Афганистане и Северной Индии, языком письма являлся - чагатайский, основанный на арабском алфавите [110, с.126], поэтому письма-прошения о покровительстве и принятии в российское подданство от северокиргызских племен с XVIII до середины XIX вв. были написаны именно на чагатайском языке, с использованием отдельных кыргызских слов [120, 121, с.325].

Верность утверждения Ч.Ч.Валиханова о сходстве кыргызского языка с уйгурским подтверждается выводом Б.М.Юнусалиева, что: «Формирование общенародных и общедиалектных черт современного кыргызского языка, происходило в непосредственной близости к южно-сибирским тюркским народностям и уйгурам» [180].

Наряду с уйгурскими, Ч.Ч.Валиханов отмечал наличие в кыргызском языке и слов монгольского происхождения, обилие которых приводило к тому, что казахи с трудом понимали кыргызов [44,т.2,с.67]. Согласно точке зрения С.Сыдыкова, по присутствию монголоизмов кыргызский язык стоит на втором месте после алтайского и впереди казахского, поскольку взаимодействие не только монгольских, но и тюркских, тунгусо-

маньчжурских языков происходило непрерывно и устойчиво на протяжении IV-XIV вв. [151, с.19].

Но мнение Ч.Ч.Валиханова об отсутствии в кыргызском языке арабских и персидских слов опровергается наличием таковых в им же составленном трехязычном словаре кыргызских слов. Так, слова: «нарк», «кагаз», «мык» – иранского происхождения [44, т.2, с.67], а «масал» (*правильно макал-Ч.Т.*) и «мала» (*правильно маал-Ч.Т.*) - арабского. Как отмечал И.А.Батманов, арабо-иранский компонент подвергался более сильному фонетическому влиянию, видоизменяясь в устах кыргызов, а в узбекском и казахском языках он фонетически был приближеннее к своему прототипу [29, с.94]. Вероятно, что и этот фактор явился доводом в изложении Ч.Ч.Валихановым, владевшим арабским и персидским языками, суждения об отсутствии в кыргызском языке иранских и арабских заимствований.

Надо также отметить, что составленный Ч.Ч.Валихановым, кыргызско-казахско-русский словарь из тридцати четырех слов является первым словарем кыргызских слов в дореволюционной тюркологии. В нем представлены почти все части морфологии и слова как тюркско-монгольского, так и арабско - иранского происхождения. Большинство слов из этого словаря бытует и в наше время, что подтверждает факт наличия явной языковой общности среди кыргызских племен и в XIX веке. [29, с.19]. Некоторые значения кыргызских слов в словаре Ч.Ч.Валиханова даны на казахском языке. Для проведения комплексного контент-анализа данного словаря, мы использовали, специально разработанную нами, сравнительно-сопоставительную таблицу и кыргызско-русский словарь, под редакцией К.К.Юдахина. (*Приложение № 9*).

Итогом этой работы стали следующие основные выводы: во-первых, слова из валихановского словаря, в целом, отражают самые основные аспекты жизни кыргызского народа того времени; - во-вторых, имен существительных количественно значительно больше чем остальных частей речи; - в третьих, активное использование пяти глаголов и их производных (*купмак, муштамак,*

чугылмак, саймак, тан), которые, в своей совокупности, характеризуют политическую нестабильность в кыргызском социуме, в целом, и враждебные отношения между племенами бугу и сарыбагышцами, в частности.

По другим частям речи словарь представлен: - семью прилагательными, характеризующими физические свойства человека (*чон, улкан, улуг, кышык, тугер, токор, дулой*); - двумя наречиями (*асты, эми*), а также рядом имён существительных (*эрр, ырчи, комуз, кияк и др.*), относящихся к эпической и музыкальной жизни кыргызов, что, несомненно, свидетельствует о повышенном интересе Ч.Ч.Валиханова к кыргызскому фольклору.

Необходимо также отметить, что в словаре имеются случаи неточного перевода некоторых слов, что, по нашему мнению, объясняется следующими причинами: либо Ч.Ч.Валиханов неправильно расслышал и записал эти слова, либо в племени бугу они имели свои диалектные произношения.

Так, например, неправильно записано слово - «маал» (*в словаре - «мала» - Ч.Т.*), означающее время. Слово «макал» (*поговорка*) зафиксировано как - «масал». Слово «нарк» в словаре обозначает «обычай», хотя первоначальное его значение означало - цену, стоимость [82,с.552]. По нашему предположению, вероятно, во времена путешествия Ч.Ч.Валиханова в Кыргызстан, в кочевой среде это слово стало обозначать «обычай», как понятие, выражающее ценность и значимость обычая и его неукоснительного соблюдения. Здесь обнаруживается закон полисемии, т.е. многозначности, в основе развития которого лежит перенос значения существующего слова на новое понятие по ассоциативной связи сходных с ним представлений. [180, с.112]. По словарю исследователя, слово «инек-уй» означает корову, однако, в бытовой речи северян, это домашнее животное, в виде удвоенного названия, употреблялось и употребляется крайне редко, но в Иссыккульской долине и на юге Кыргызстана слово «инек-уй» употребляется до сих пор, означая корову старше трех лет [84, с.301].

В приведенном контексте надо полагать, что в своей работе над словарем Ч.Ч.Валиханов, ориентируясь на интерес русских ученых-тюркологов, записал слова наиболее употребляемые, но, в то же время, различные по своему лексическому и морфологическому значению.

Возможно также, что запись им большинства глаголов именно насильственно-действенного характера объясняется тем, что тогда между манапами крупных племен бугу и сарыбагыш частые столкновения не были редкостью, и он мог зачастую слышать эти слова от бугинцев.

В продолжение освещаемой темы, повышенный исследовательский интерес вызывает информация Ч.Ч.Валиханова об особенностях говора иссык-кульских кыргызов. В частности, о том, что: «В выговоре (*упомянутых выше кыргызов – Ч.Т.*) замечаются следующие особенности: «к» переходит в «к», вместо куль – озеро, они говорят кул, «б» – часто в «м» и наоборот, «д» в «т», «даус» – «тывыш». Букву «ш» произносят так, как татары, и не упускают подобно кайсакам (*казахам – Ч.Т.*). Повелительное наклонение во втором лице имеет окончание «гын»: вместо «бар» – «баргын». Отрицание в 3-м лице выражают частицею - «лек», прибавляя ее к корню глагола. На вопрос – пришел ? – ответ – кия-лек. К особенностям языка также относится ничего не значащая частица - «иле», беспрестанно вставляемая между словами, и вспомогательный глагол – «ймек». Кроме разницы, заключающейся в словах, и самые обороты фраз отличны от общетатарских» [44, т.2, с.68].

Как отмечает исследователь Г.Бакинова: «...реализация губно-губного «Б» в «М» – особенность иссык-кульского пучка говора современного языка кыргызов [26, с.21]. По мнению Н.А.Баскакова, частое употребление буквы «Ш» характерно для казахского и алтайского языков, и реже для кыргызского [28, с.210]. Таким образом, вероятно, Ч.Ч.Валиханов, как казах, пытался замечать больше сходства кыргызского языка со своим родным языком.

В отношении личных имен и топонимов, встречаемых в кыргызоведческих сочинениях Ч.Ч. Валиханова можно отметить следующее:

147 личных имен (*Приложение № 12*) отражают то, что имелись имена древние и легендарные (*Манас, Табылды, Чигиз, Урустем и др.*), имена кыргызской элиты – баев и манапов (*Боромбай, Алимбек-датха, Сартай, Манан, Нарбота и т.д.*), имена, произошедшие от названий племен (*Найман, Мангыт, Чилпак*), имена, произошедшие от чисел (*Токсан*). Встречается также имя – Орус (*русский*), которое, вероятно, пришло в связи с контактами с русскими купцами или было услышано от казахов, которые уже с конца XVIII века имели регулярные контакты с Россией.

В отношении топонимов Ч.Ч.Валиханов зафиксировал в Кыргызстане 30 главных географических названий (*Приложение № 10*), которые, в основном, раскрывают его интерес к орографическим и геологическим объектам.

Таким образом, валихановские сведения о кыргызском языке времен его путешествия свидетельствуют о факте функционирования общенародного языка кыргызов и особенностях иссык-кульского говора, а составленный им трехязычный словарь раскрывает сложную эволюцию кыргызского языка.

Свои размышления об оригинально-самобытном духовном мире кыргызов Ч.Ч.Валиханов привел в неоконченной рукописи «Записки о киргизах», где они обозначены как «Самородная словесность» [44, т.2, с.69]. В этой работе, опираясь на свидетельства древних китайских и других восточных авторов, он указывал на высокую культуру предков кыргызов, обладавших письменностью и являвшихся изобретателями «двенадцатициклового животного летоисчисления». Так, он писал: «Древние киргизы, по свидетельству китайцев и мусульманских писателей, имели письма и стояли, сравнительно других кочевников, в высшей степени культуры» [44, т.2, с.69].

Действительно, предки ряда тюркоязычных народов, в том числе и кыргызов, имели письменность, возникновение которой ученые относят к VII веку н.э. [74, с.325]. Относительно же изобретения пращурами кыргызов «животного календаря», Чокана Чингисовича вышеуказанные источники ввели

в заблуждение, так как этот календарь еще на рубеже нашей эры уже использовался гуннами.

Вместе с тем, в вышеприведенном контексте, нужно признать, что, искренне восхищаясь высокообразованными, для своего времени, древними предками кыргызов, Ч.Ч.Валиханов объективно оценивал и низкий уровень цивилизационного развития современного ему кыргызского социума. В данной связи, мы уверенно полагаем, что поэтому он (*как представитель родственного кыргызам кочевого народа - казахов*) позволил себе выразить досадное сожаление о том, что: «Черные кыргызы в этом отношении представляют факт, совершенно противоречащий законам свободного прогресса. В какой степени их предки знаменитые ... превосходили своих современников, так и нынешние кыргызы ... превосходят своих соседей невежеством и дикостью» [44, т.2, с.69].

В ключе данной темы полагаем важным внести свою ремарку о том, что, по данным современных исследований, и во времена Ч.Ч.Валиханова у кыргызского народа имелись свои, хоть и малочисленно и даже единично, образованные представители во всех областях жизни (*политической, социально-экономической, научно-культурной и др.*), которые служили образцовым примером для своих соплеменников в их массовом стремлении к ускоренному приобщению к передовому уровню цивилизации своего времени.

В этом плане мы считаем неоспоримым оценку Ч.Ч.Валиханова о том, что (*в объективно сложившихся исторических условиях культурной отсталости некоторых евразийских этносов – Ч.Т.*) их развитое устное народное творчество есть показатель высокого интеллектуального потенциала. «Памятники умственного развития народа составляют изустные сказания в форме прозаической и стихе» [44, т.2, с.69].

Утверждая это, вне всякого сомнения, он, как известный ученый и представитель номадов, имел ввиду, что, при благоприятных условиях, все, так

называемые «туземцы», быстро достигнут самого передового уровня развитых государств, что в дальнейшем и было подтверждено жизнью.

В подтверждение данной принципиальной позиции, именно на ряде образцов классического кыргызского и казахского фольклоров Ч.Ч.Валиханов убедительно показал научному миру и международному сообществу уникальность и неисчерпаемость высокого духовно-нравственного потенциала евразийских кочевников, их способность в художественно-поэтической форме адекватно и полноценно отражать объективный мир во всех его проявлениях.

Ч.Ч.Валиханова бесспорно можно считать и первым исследователем-фольклористом, попытавшимся классифицировать по жанрам и видам устное народное творчество кыргызов. К первому виду кыргызского прозаического жанра он относил сказки и предания о происхождении кыргызов. Ко второму причислял эпические произведения о подвигах батыров (*богатырей*). Третий вид, по его мнению, составляли песни «употребляемые для напевов и песни обрядовые» [44, т.2, с.69-70].

Безусловно, у кыргызского народа были десятки других жанров, о которых Ч.Ч.Валиханов не упомянул в своих трудах, в частности, о пословицах, поговорках и других. Вместе с тем, он, как учёный-исследователь, основательно и всесторонне осветил из них самые основные, тем самым раскрыв сущностное содержание кыргызского устного народного творчества.

Так, относительно «квинт-эссенции» сказок кыргызов он отмечал: «Сказки большею частью касаются мира духов и отношения его к миру действительному. Великаны (*алты*), людоеды (*ялмауз*) и злые ведьмы (*яланкыч*) враждуют с человеком, который всегда выходит победителем» [44, т.2, с.69].

Кроме того, сопоставляя кыргызские сказки с русскими, казахскими и татарскими, он обнаружил много сходного, как в их содержании, так и в наличии аналогичных персонажей. Здесь надо отметить, что география распространения сказок со схожими сюжетами весьма обширна: так,

великаны, ведьмы и другие сказочные существа встречаются у многих народов Центральной Азии, Кавказа и Поволжья.

Что касается генеалогических преданий кыргызов – санжыра, Ч.Ч.Валиханов дал им такое определение: «Предания сего рода важны в том отношении, что они представляют состав и образование народа» [44,т.3,с.348]. В соответствии с современным определением санжыры - как родословия и устной легенды о происхождении рода, племени и народа, валихановское определение является верным. Он также правильно понял суть генеалогии кыргызов и отметил их особенность [44,т.3,с.347]. У кыргызов издавна существует традиция, чтобы мальчик с малых лет (*приблизительно с семилетнего возраста*) обязательно знал своих предков до седьмого колена. Эти знания подтверждали его принадлежность к кровной родовой общности, а также обеспечивали ему полноправное членство и необходимую защиту в рамках этого социума [44,т.2,с.69].

Ч.Ч.Валиханов также собрал большую информацию о преданиях и легендах кыргызов, которые условно можно разделить на ряд видов: - во-первых, связанные с происхождением народа, отдельного его рода и племени; - во-вторых, об исторических личностях; - в третьих, относящиеся к топонимике северного Кыргызстана. (*Приложение № 10*).

Так, к первому из них относится легенда «О красной собаке» в двух вариантах, повествующих о происхождении кыргызов от красной собаки, т.е. информирующих о тотемизме и культе этого животного. У кыргызов битье, а тем более убийство собаки, считалось большим грехом [31,с.20].

Здесь нужно также отметить, что, измененный под влиянием ислама, второй вариант данной легенды фиксирует как противостояние тотемизма с исламом, так и компромисс между ними [44,т.2,с.46-47]. Это, в целом, отражает эклектизм религиозного мировоззрения кыргызов на протяжении нескольких веков, со времени появления ислама на их территории. Но, на наш

взгляд, важно то, что в народной памяти сосуществовало два варианта этой легенды, записанных Ч.Ч.Валихановым.

Кроме того, многие из преданий и легенд, в частности, о племенах бугу и черик, Таш-Рабате, Каркаре, и их сопоставление с легендами других народов, к примеру, о происхождении озера Иссык-Куль с библейской легендой о Содоме и Гоморре [44, т.1, с.326], были зафиксированы Ч.Ч.Валихановым впервые.

Ко второму виду он относил эпосы. «Второй род народной поэзии составляют эпические рассказы о войнах племен и подвигах богатырей, это род поэм или героических саг. Из них нужно отличить собственно народные и заимствованные от кайсаков» [44, т.1, с.326]. И далее: «К поэтическому жанру кыргызского фольклора относятся эпосы, которые передаются из рода в род особым сословием певцов» [44, т.3, с.351].

В соответствии с классификацией исследователя кыргызских эпосов И.Б.Молдобаева [102], отнесение Ч.Ч.Валихановым кыргызских эпосов к героическим является справедливой. Но, в то же время, по нашему убеждению, кыргызские эпосы не заимствовались от соседей, хотя определенные их сюжеты свидетельствует о культурном взаимовлиянии, вытекающем из тесных кыргызско-казахских связей.

Ниже мы обратимся непосредственно к валихановской трактовке кыргызского героического эпоса «Манас». По мнению А.Х.Маргулана, еще в годы учебы в кадетском корпусе в Омске, Ч.Ч. Валиханов был знаком с эпосом «Манас» от родоплеменной знати кыргызов, часто приезжавших туда, [98, с.12], а также от своего учителя Н.Ф.Костылецкого - собирателя фольклора казахов и кыргызов. В его письме к профессору Петербургского университета И.Н.Березину содержится два эпизода из эпоса «Манас», а именно - «Конурбай» и «Карабас улы Манас». Но, на наш взгляд, Ч.Ч. Валиханов не мог ранее, чем 1856 года слышать эпос «Манас». Если бы это случилось, то он, несомненно, оставил бы записи о нем. В 1856 году, следуя на Иссык-Куль, он встретил местность под названием «Манаснен-Бозтөбе». «С Кулука на Кегень

течет речка Чибджоке, которая также, не доходя, теряется. От Кушмуруна на SSO - ? (что это означает, нужно разъяснить) лежит отдельная сопка или курган, называемый Манаснен-Бозтөбе. Предание туземцев говорит, что богатырь их Манас (*герой замечательного в народе эпического сказания*) имел на ней свой лагерь во время войны с каугирасами (*калмыками*)» [44,т.1,с.321-322].

По прибытию в кочевья бугинцев, Ч.Ч.Валиханов впервые услышал здесь отрывок из эпоса «Манас»: «26 числа (26 мая 1856 года) был у меня певец, дикокаменный киргиз (*рчи*) (*ырчи-Ч.Т.*). Он знает поэму Манас. Язык поэмы гораздо понятливее разговорного» [44,т.1,с.327]. Вероятно, что в этот день он вкратце ознакомился с общим содержанием отрывка из эпоса о сватовстве Манаса и, заключив, что язык поэмы понятнее разговорного, решил записать особо значительный эпизод из эпоса. Скорее всего, запись его происходила в последующие дни, и, видимо, ырчи-певец, сопровождая его отряд, кратко пересказал содержание эпоса в повествовательной форме. Тогда - то Ч.Ч.Валиханов вывел ёмкое, не потерявшее своего значения и по сей день определение: «Манас» - это энциклопедия, собрание всех сказок, религиозных, умственных познаний и нравственных понятий народа в одно целое, приуроченное к одному времени, и все это сгруппировано около одного лица, богатыря Манаса. «Манаса» – произведение целого народа, вырастившего плод, созревший в продолжение многих лет, народный эпос, нечто вроде Илиады» [44,т.2,с.70]. И далее: «Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее».

Ч.Ч.Валиханов один из первых исследователей, кто поставил вопрос о времени возникновения эпоса «Манас» [44,т.2,с.70]. Он не назвал конкретного времени его сложения, но предполагал, что истоки эпоса лежат в мифологии, в сказках, а поэтический сплав этих сказок в цельное эпическое произведение произошло позднее [44,т.3,с.349].

В то же время, он писал: «Третий род преданий составляют так называемые ногайские былины (*джир*). Они существуют у кайсаков, узбеков, ногайцев и у киргиз. Ногайские предания относятся к концу XIV, XV и XVI векам. Предания эти имеют эпический характер и поются рифмованными стихами и принадлежат к области народной устной литературы, Они замечательны, как выражения народного духа, понятий, обычаев, нравов, образа жизни, замечательны также в филологическом отношении и не лишены исторического интереса»[44,т.2,с.70].

Относительно отнесения исследователем эпоса «Манас» к ногайскому времени, надо отметить следующее. История государств Золотой орды XIII-XVI вв. в эпосе «Манас» отражена достаточно широко [102, с.175] и Ч.Ч.Валиханов подчеркивал связи киргизов и узбеков и через существование в их эпосах ряда таких золотоордынских исторических личностей как Эдиге, Ир-Кокче, Урака, Чоро и других, определяя сложение героического эпоса «Манас» ногайским временем, т.е. XIII-XVI вв. [44,т.3,с.349]. В то же время, он подчеркивал, что «...эпосы их (*кыргызов-прим. авт.*) из времен Золотой Орды во всем сходны с киргиз-кайсацкими (*казахскими*). Только поэма «Манас» как по языку, так и по характеру, есть произведение народного ума» [44,т.2,с.71], т.е. эпос «Манас» отличался от всех других эпосов своим содержанием и языком.

Очень ценную научную информацию Ч.Ч.Валиханов оставил о форме стихосложения эпоса «Манас». «Эпический эрр (*ыр-Ч.Т.*) имеет размер и рифм. Хитрость стихосложения состоит в созвучии сравнений, т.е. в подборе созвучий начальных слов первого и второго стиха. Гоняясь за этим простым двойным рифмованием, они (*манасчи – худлжественные исполнители эпоса - Ч.Т.*) делают удивительно простые сравнения, чтобы только удовлетворить требования закона метрологии. Например, одна песня в «Манасе», песня о поминках Кукотай-хана (*Кукетей-хан-Ч.Т.*), начинается так:

Алтын эрден каши икан,

Аталы юртнын баши икан, т.е.

Был лукой золотого седла,

был отец всего народа

или:

Кукотай-ханнын басы бар

Кукотай-ханнын асы бар, т.е.

У серой лошади есть голова,

По Кукотай-хане есть тризна» [44,т.2,с.70].

Следовательно, можно заключить, что манасчи использовал редифную форму эпического стихосложения, при которой стихотворные строки завершаются одним и тем же словом [109,с.193]. Нет сомнения, что встречались и другие формы стихосложения, но этот пример ясно обнаруживает бытование такой формы. Из всех эпизодов эпоса «Манас» Ч.Ч.Валиханов записал «Поминки по Кукетей-хану». С чем был связан выбор именно этого отрывка? Согласно А.Х.Маргулану, этот эпизод наиболее широко проявляет историко-культурные связи ногайского хана Кокетея с правителями Китая, Ургенча и Бухары и до пределов Каспийского моря [97, с.40]. Кокетай хан представлен как правитель народов, населявших Семиречье и Ферганскую долину. Вполне вероятно и то, что ырчи лучше знал этот эпизод и рассказывал его с большим вдохновением и экспрессией, что, безусловно, не могло (не вдохновить и – *считаю, что это нужно убрать*) не заинтересовать Ч.Ч.Валиханова. Запись отрывка произведена самим исследователем, поскольку некоторые слова написаны по-казахски, которые затем были исправлены на арабский [187,с.9, 185].

913 строк из записанного арабским алфавитом отрывка «Манаса» были переведены Ч.Ч. Валихановым на русский язык [44,т.2,с.90-100]. При сопоставлении его сведений об эпосе «Манас», высказанных в разное время, обнаруживается, что в 1856 году, основная идея этого эпического произведения понималась им как соперничество главного героя - Манаса с его

врагами из-за невест [44,т.2,с.71]. Так, в 1860 году он писал: «В последующих эпизодах мы видим в нем (*Манасе-Ч.Т.*) богатыря, который защищает слабых, воюет с калмаками и оставляет следы своих подвигов в глубине Джунгарии.

В 1860 году, занимаясь переводом эпизода «Поминки по Кукетей-хану», Ч.Ч.Валиханов отмечал: «Один эпизод из поэмы «Манас», именно тризна по Кукетей-хану, записан мною со слов киргизского рапсода. Вероятно, эта первая киргизская речь, переданная на бумагу. Я занимаюсь переводом этого произведения киргизской поэзии и хочу составить маленький словарь, чтобы познакомить ориенталистов с наречием, до сих пор совершенно неизвестным» [44,т.3,с.351]. Здесь необходимо отметить, что с наречием кыргызов, некоторые ориенталисты уже были знакомы, к примеру, В.В.Радлов, изучая языки на Алтае и Тянь-Шане, уже имел довольно глубокие познания о кыргызском языке [124].

Повествуя об эпизоде сватовства Манаса, Ч.Ч.Валиханов написал, что число невест главного эпического героя достигало ста. Ни в варианте записанном В.В.Радловым, ни в более поздних интерпретациях его известных сказителей С.Орозбакова и С.Каралаева, не находилось такого числа невест. В разъяснении данной ситуации, мы склоняемся к поддержке варианта объяснения современного манасоведа С.Мусаева: «Кыргызский ырчи-сказитель Манаса, видя перед собой молодого Ч.Ч.Валиханова, решил гиперболизировать ситуацию в эпизоде сватовства, а последний, не понимая что произошло искажение именно из-за него, записал этот эпизод так, как ему рассказывали» [44,т.2,с.70-71].

Относительно записи Ч.Ч.Валиханова о непочтительном отношении Манаса к своим отцу и матери, мы склонны считать, что это отражает некоторое непонимание им данного фрагмента эпоса, так как его же собственное утверждение о том, что кыргызы проявляют глубокое почитание к старшим и пожилым людям противоречит вышесказанному. «Почтение к

старикам, повиновение к главе – составляют их (*кыргызов – Ч.Т.) добродетель*» [44,т.2,с.73].

В целом же, исключительная важность оценки, данной Ч.Ч.Валихановым эпосу «Манас», состоит в том, что он обозначил его значение в лингвистическом, историческом, этнографическом и географическом отношении. «Она (*поэма, как назвал «Манас» Ч.Ч.Валиханов - Ч.Т.)* замечательна в отношении языка и по чрезвычайно правильной географии описываемых местностей. В отношении историческом, она любопытна как картина прежних нравов и понятий дикокаменных киргизов, по упоминанию в ней разных народов, обитавших от Таласа до Или и Кашгара» [44,т.2,с.72].

Ошибочность высказывания Ч.Ч.Валиханова о том, что: «Степных певцов, импровизирующих приличные к торжеству похвальные песни, как у кайсаков, нет. Вообще начатки поэзии в этом более воинственном народе гораздо слабее, чем у кайсаков» [44,т.2,с.72], опровергается сведениями других дореволюционных ученых и путешественников П.П.Семенова-Тянь-Шанского и М.И.Венюкова. В 1856 году П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал об одном из кыргызских родоначальников-Болдысане (*Молдосан по мнению писателя К.Джантошева*) [125,с.183], который: «Страстно любил музыку и считался между каракиргизами самым лучшим музыкантом на домбре (*вернее – комузе - Ч.Т.*), и охотно заслушивался песнями народных сказителей и импровизаторов, иногда проводя в этом занятии целые ночи» [136, с.194-195]. В 1860 году М.И.Венюков также был поражен импровизацией кыргызского исполнителя, которого он назвал «рапсодом» [125,с.184].

К сожалению, сведения Ч.Ч.Валиханова о кыргызских музыкальных инструментах и кратки и не точны, как, например, и то, что они схожи с казахскими [44,т.2,с.69-71]. Так, например, комуз, названный им «комзо», как щипковый инструмент, не бытует, кроме кыргызов, ни у одного народа Центральной Азии.

Ч.Ч.Валихановым также упомянут «дудка», но трудно предположить какой конкретно инструмент он имел в виду, поскольку у кыргызов бытовал ряд разнообразных духовых инструментов: от простейших ышкырык, чымылдак до разновидностей флейты с игровыми отверстиями, называемых чоор, сыбызга [145, с.64-102]. Непременным атрибутом военных походов кыргызских джигитов являлся «сурнай», записанный Ч.Ч.Валихановым как «сернай» [44, т.2, с.72]. Кыргызы использовали сурнай в походах, сражениях и на скачках и об этом писал позже дореволюционный автор Г.С.Загряжский. «На войне и на барымте сурнай заменяет сигнальный рожок. Число лошадей на скачках произвольное, но все собираются по призыву сурнайчи, который подает сигнал сбора» [145, с.86].

Таким образом, научно-творческие труды Ч.Ч.Валиханова всесторонне и полноценно помогают воссоздать современным ученым историю жизни и богатый духовный мир кыргызов и других народов Центральной Азии в середине XIX века. И нет никаких сомнений в том, что проживи Чоокан Чингисович дольше отпущенного ему судьбой короткой, но пламенной для людей и науки жизни, он сделал бы это колоссальнее больше.

Поэтому мы полностью согласны с определением знаменитого востоковеда, профессора Петербургского университета, ответственного редактора первой в истории книги под названием «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова» (1904 года издания – Ч.Т.) Н.И.Веселовским, который сказал: «Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чем дальше отдаляет нас время от той исторической эпохи, в которой жил и творил Чокан Чингисович Валиханов, тем ярче и многограннее в мировой летописи высвечивается его имя как одного из выдающихся личностей человеческой цивилизации.

При этом в наше время – независимого государственного развития постсоветских стран центрально-азиатского региона (ЦАР), в том числе и Кыргызской Республики, его особая заслуга перед народами ЦАР заключается в том, что, являясь представителем кочевого народа (*номадов*) Евразийского континента, Ч.Ч.Валиханов сумел подняться на вершину научно-общественной жизни своего времени, с которой открыто заявил миру о высокой культуре номадов, впервые научно опровергая высокомерные оценки и мнения западных ученых о низком уровне культуры кочевых народов. В частности, в своих аргументированных доводах оппонентам он подчеркивал: «В Европе до сих пор господствует ложное понятие, представляющее кочевые племена в виде свирепых орд и беспорядочных дикарей. ... Между тем большая часть этих варваров имеет свою литературу и сказания – письменные или изустные. Склонность к поэзии, особенно к импровизации, отличает все кочевые расы» [3, с. 304].

Как отмечалось нами ранее, будучи личностью разносторонне одаренной, Ч.Ч.Валиханов своим гражданским долгом поставил задачу собрать, изучить и передать будущим потомкам евразийских номадов бесценную сокровищницу – их многовековую историческую летопись и богатейший фольклор.

В этом неутомимом и трудоемком научном поиске Ч.Ч.Валиханов провел колоссальную работу – делал неисчислимы выписки из архивных документов, восточных переводов, трудов современных ему ориенталистов, географов, историков, не говоря уже о глубоком изучении общественных теорий и международных отношений.

Сегодня, с высоты нашего времени, можно уверенно сказать, что своим гражданским и научным подвигом Ч.Ч.Валиханов внес неоценимый вклад в кыргызоведение и укрепление дружбы между двумя братскими народами. Так, за короткий период его пребывания в Кыргызском крае, им были написаны такие бесценные научные труды, как - «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о киргизах» и другие по истории, этнографии и культуре кыргызского народа, собран большой по объёму материал для словаря кыргызского языка, записано и переведено много кыргызских былин и песен. Здесь также необходимо отметить, что многие современные исследователи считают, что «Записки о киргизах», написанные Ч.Ч.Валихановым по итогам его Иссык-Кульской экспедиции в 1855 году, являются первым в истории фундаментальным исследованием о Кыргызстане и кыргызах, выполненным на уровне передовой научной мысли своего времени. Этот энциклопедического характера труд глубоко и всесторонне освещает широкий круг научно-практических вопросов, таких, как: «Территория и границы», «Древности», «Торговля», «Промышленность», «Образ жизни», «История и предания», «Язык», «Литература», «Религия», «Нравы и обычаи» и т.д.

Исследовав предания кыргызов и архивные документы, Ч.Ч.Валиханов пришел к выводу о том, что миграция кыргызов с Южной Сибири на Тянь-Шань произошла в IX-XIII вв., а не в XVII веке, как утверждали многие ученые-кыргызоведы того времени. Следовательно, оно существенным образом, корректирует распространенное мнение, безоговорочно причислявшее Ч.Ч.Валиханова, к числу сторонников автохтонного происхождения тянь-шанских кыргызов. В прямой связи с вопросами этногенеза кыргызов находится система кыргызского родоподразделения. Исключительную важность составляют его данные о кыргызских родах и племена, сведенных в большие таблицы.

В этом бесценном научном перечне, по нашему мнению, самым главным результатом кыргызоведческих исследований Ч.Ч.Валиханова является -

открытие учёному миру и широкой общественности величайшего памятника кыргызского устного творчества - тысячелетнего эпоса «Манас». Он стал первым научным представителем, который записал и перевёл на русский язык отдельные главы этого великого народного произведения. Именно ему принадлежит определение «Манасу» - как степной «Илиады». А продолжение «Манаса» поэму «Семетей» он охарактеризовал как восточную «Одиссею».

Сегодня общепризнано, что труды Ч.Ч.Валиханова по истории и этногенезу казахов и кыргызов значительно опередили свое время. Поэтому можно уверенно утверждать, что Чокан Чингисович выполнил пророческий завет своего лучшего друга – всемирно известного великого русского писателя Ф.М.Достоевского, который в одном из своих писем писал ему: «Не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело растолковать в России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России. Вспомните, что Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дала вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать».

Сегодня, при изучении валихановских работ, практически не замечаешь их незавершенности, хотя экспертам известно, что часть его бесценных исследований бесследно исчезла. В этой связи известный историк - академик А.Х.Маргулана ещё в 1963 году в журнале «Простор» заявлял: «Обширное литературное наследие замечательного ученого, путешественника и общественного деятеля Чокана Чингисовича Валиханова долго оставалось неизвестным для широкой публики. Обеспокоенный судьбой сочинений Чокана Валиханова, не появившихся в печати, его друг и товарищ по Омскому кадетскому корпусу Г.Н.Потанин еще в конце прошлого (XIX века – Ч.Т.) столетия выражал недвусмысленную тревогу о том, что рукописи Валиханова пошли по рукам и таким образом пропали для науки».

Вместе с тем, исходя из жизнеутверждающей народной мудрости, что «рукописи великих не горят», в своей работе мы предприняли попытку, как можно максимальнее, расширить научно-исследовательские горизонты в валихановедении, путем углубленного анализа малоизвестных трудов Ч.Ч.Валиханова в области кыргызоведения, и выражаем надежду, что нам это, в оптимальной степени наших возможности, удалось.

В завершение хочется признаться, что в своём скромном труде, посвященном 180-летию со дня рождения Ч.Ч.Валиханова, нами также была поставлена научная сверхзадача - контурно обозначить для будущих исследований два перспективных, по нашему убеждению, направления в валихановедении: Ч.Ч.Валиханов - как предтеча идей о евразийстве и эволюционно-демократическом переустройстве общества, реализацию которых в ряде своих философских размышлений и писем этот Великий Человек видел в сплоченности всех народов Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Общая и специальная литература:

1. Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления. территориальное устройство в XIX в. – Астана, 1998. – 180 с.
2. Абдылдаев М. Из истории религий и атеизма в Кыргызстане. – Бишкек: Илим, 1991. – 128 с.
3. Абдыкалыков А.О. Енисейские киргизы в XVII в. (Исторический очерк). – Фрунзе: Илим, 1968. – 136 с.
4. Абдыкалыков А. О термине бурут // Сов. этнография – 1963. – № 1. – С. 123-127.
5. Абрамзон С.М. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии // Тр. Кирг. археол.-этногр. экспедиции. – Фрунзе, 1959. – Т. 3. – С. 31-43.

6. Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии//Тр.Кирг.археол.-этногр.экспедиции.–М.,1960.–Т.4.–С.3-137.
7. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи/Авт. вступ. ст. С.Т. Табышалиева.–Фрунзе:Кыргызстан,1990.–480 с.
8. Абышкаев А.Ш. Из истории взаимоотношений киргизского и узбекского народов в XIX в.//Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана.–Фрунзе,1975.–С.56-63.
9. Айдарова Х. Чокан Валиханов. –Алма-Ата: КазОгиз,1945.–199с.
10. Айтбаев М.Т. Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX начале XX века.–Фрунзе:Илим,1962.–195 с.
11. Акмолдоева Ш.Б. Древнекыргызская модель мира (на материалах эпоса “Манас”).–Бишкек: Илим, 1996.–220 с.
12. Алымбаева Б. Поселения и жилища кетмень-тюбинских киргизов// Культура и быт кетмень-тюбинских киргизов. - Фрунзе, 1979.–С.70-72.
13. Андрианов Б.В. Земледелие наших предков.–М.:Наука,1978.–165 с.
14. Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства Южной Киргизии.–Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР,1962.–287 с.
15. Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существенных родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований//Живая старина.–1894.–Вып.3-4.–С.391-486.
16. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности//Живая старина.–1894.– Вып.3-4.
17. Асанканов А.А. Кыргызы: рост национального самосознания.–Бишкек: Кыргызстан, 1997.–228 с.

18. Асанканов А.А. Кыргызы-ламаисты Тарбагатая // Этносоциальные и этнокультурные процессы в Кыргызстане с древнейших времен до наших дней / Ред. А.А.Асанканов. – Бишкек, 2007. –С.107-110.
19. Асанканов А.А. Кыргызы Сынцзяня.–Бишкек:Бийиктик,2010.–492с.
20. Атишев А. Социологические и государственно-правовые взгляды Ч.Ч. Валиханова.–Алма-Ата:Мектеп,1974–87 с.
21. Ауэзов М. Киргизская народная героическая поэма “Манас”// Киргизский героический эпос “Манас”.–М.,1961.–С.15-85.
22. Байсабаева Г. А.Ф.Эйхгорн и музыкально-этнографическая работа в Средней Азии//Фергана-долина дружбы и взаимосогласия.– Бишкек:Учкун,1998.–С.211-215.
23. Бактыгулов Д.С. Историография дореволюционного Кыргызстана: Учеб-метод. пособие для студентов 5 курса вузов, обучающихся по спец. ”История Киргизии”.–Фрунзе.,1988.–127 с.
24. Бактыгулов Д.С. Формирование кыргызского народа//Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в Центральной Азии.– Бишкек,1996.–С.164-179.
25. Бардашев И. Заметки о дикокаменных киргизах: Материалы для статистики Туркест. края: Ежегодник.–СПб.,1874.–Вып.3.–С.384-390.
26. Бакинова Г. Лексика диалектов киргизского языка в ареальном освещении.–Фрунзе:Илим,1990.–88 с.
27. Бартольд В.В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана/Сост. доп. коммент. и предисл. О. Караева.– Бишкек:Шам,1996.–608 с.
28. Баскаков Н.А. Тюрские языки.-М.:Изд-во вост.лит-ры,1960.–242 с.
29. Батманов И.А. Некоторые лингвистические данные к этногенезу киргизского народа//Тр.Кирг.археол.-этногр.экспедиции.–Фрунзе,1959.–Т.3.–С.90-103.
30. Батманов И.А. Современный киргизский язык.–Ч.1.–Фрунзе,1953.

31. Баялиева Т.Дж. Доисламские верования и их пережитки у киргизов и их преодоление.–Фрунзе:Илим,1981.–101 с.
32. Бедельбаев А. Дневник Ч.Валиханова - важный источник по истории и культуре Прииссыккуля//”Сан-Таш-140”.–Бишкек,1996.–С.124-126.
33. Береналиев О. Следы древней ирригации//Страницы истории и материальной культуры Киргизстана.–Фрунзе,1975.–С.148-158.
34. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая//Материалы и исследования по археологии СССР. – 1952. – №26.
35. Бичурин Н.Я. /О.Иакинф/ Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена /Отв.ред.С.П.Толстов.Ред.текста, вступ. ст. коммент. А.Н. Бернштама, К.А. Кюнера.–Т.1-2.–М.:Л:Изд-во АН СССР,1950.–Т.1.–379 с.; Т.2.332 с.
36. Большая Советская энциклопедия / Гл. Б.А.Веденский .–М.: Большая совет. энциклопедия, 1957 .–505с.
37. Боотаева Б. Кыргызы между Кокандом, Китаем и Россией.–Бишкек: Илим,1995.–94с.
38. Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии.– М., 1975.–С.281-297.
39. Борубаев Т. Киргизская кухня.–Фрунзе:Киргизстан,1986.–170с.
40. Бутанаев В.Я. К вопросу о кыргызско-хакасских этнографических связях //Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии.–Бишкек, 1996.–С.102-125.
41. Бутанаев В.Я. Культ огня у хакасов//Вест.Хакасского гос.ун-та им.Н.Ф. катанова.-Вып.3.–1997.–С.3-4.

42. Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. - Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова, 2000.–230с.
43. Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Совет.этнография. –1976. – № 4. – С.56.
44. Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. в пяти томах.–Алма-Ата:Гл.ред.Каз.сов.энциклопедии.1984-1985.–Т.1.–1984.–432с., Т.2.–1985.–416с., Т.4.–1985.–457с., Т.5.–1985.–528с.
45. Винник Д.Ф. Археологические памятники Санташской долины //”Санташ-140”.–Бишкек.1996.–С.97-98.
46. Винников Я.Р. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии //Тр. Кирг. археол.-этногр. экспедиции.–М., 1956.–Т.1.–С.136-181.
47. Виноградов В.С. Киргизский народ и музыкальное творчество как источник изучения проблемы происхождения киргизов //Тр. Кирг. археол.-этногр. экспедиции.–Фрунзе,1959.–Т.3.–С.84-89.
48. Войтов В.Е. Древнетюркский пансион и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии в VI-VIIIвв.–М: Гос.музей народов,1996.–152с.
49. Вопросы этнической истории киргизского народа//Отв. ред. О.Караев, И.Молдобаев.–Фрунзе: Илим, 1989.–143с.
50. Галицкий В.Я. История города Пишпека /1878-1917/–Фрунзе: Илим, 1980.–186с.
51. Галицкий В., Плоских В. Старинный Ош.–Фрунзе:Илим,1987.–173 с.
52. Галицкий В.Я., Плоских В.М. О структуре населения дореволюционной Киргизии XIX-начало XX вв.//Страницы истории и материальной культуры Киргизстана.–Фрунзе, 1975.–С.22-34.
53. Галицкий В.Я. Художественное наследие Ч.Валиханова как результат экспедиции 1956 года // Сан-Таш-140.-Бишкек, 1996.-С.87-91.

54. Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV-XIX вв. //Костюм народов Средней Азии.–М., 1979.–С.49-70.
55. Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники христианства на территории Кыргызстана //Из истории древних культов Средней Азии.–Ташкент, 1994.–С.84-95.
56. Джамгерчинов Б.Д. Очерк политической истории Киргизии XIX века: (первая половина).–Фрунзе: Илим, 1966.–188с.
57. Джамгерчинов Б.Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России.-2-е изд.–Фрунзе: Киргиз Госиздат, 1963.–436с.
58. Девочка на луне/Киргизские народные сказки.–Фрунзе:Киргизучпедгиз,1963.
59. Домашние животные Киргизии.–Фрунзе, 1988.–230с.
60. Дуйшеев Б. Скульптуры древних тюрок в комплексе киргизских гумбезов // Из истории дореволюционного Киргизстана.– Фрунзе, 1985.–С.217-231.
61. Еренов А. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов.–Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР. 1960.–156с.
62. Есмагамбетов К. Что писали о нас на Западе.–Алма-Ата: Казак ун-ти,1992.–152 с.
63. Жапаров А.З. Некоторые вопросы традиционного коневодства // Вестник КГНУ. – Серия общ.наук. – Вып. 3. – 1997.–С.23-28.
64. Жирмунский В.М. Введение в изучение эпоса “Манас”//Киргизский героический эпос “Манас.”–М.,1961.–С.85-197.
65. Забелин И. Чокан Валиханов.–М.,1956.–190с.
66. Заднепровский Ю.А. Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа//Тр.Кирг.археол.-этногр.экспедиции.–Т.3.–Фрунзе,1959.–С.23-30.
67. Заднепровский Ю.А. Узловые проблемы этнической истории кочевников Кыргызстана древнего периода//Кыргызы:

- этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии.-Бишкек, 1996.-С.151-155.
68. Загряжский Г.С. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргизов.- Ежегодник.:Материалы для статистики Туркестанского края.-Вып.Ш.-СПб.,1874.-С.363-368.
 69. Загряжский П.С. Очерки Токмакского уезда//Туркестанские ведомости.- 1873.-№9 и 10.
 70. Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Головные уборы казахов (опыт локальной классификации)//Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана.-М., 1989.-С.204-228.
 71. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI-середины XIX в.) – М.: Изд-во вост.лит., 1958.-247с.
 72. Ильясов С.И. Земельные отношения в Киргизстане в конце XIX начале XX вв.-Фрунзе: АН КиргССР1963.-446с.
 73. Илюсизов К.М. Экономические воззрения Чокана Валиханова.- М.:Соцэкгиз, 1960.-131с.
 74. История Киргизской ССР (с древнейших времен до наших дней):В пяти томах /Гл. ред. А.Карыпкулов и др.-Фрунзе: Кыргызстан,1984.-Т.1.- 800с.
 75. Кадырбаева Р.З. Генезис эпоса “Манас.”-Фрунзе: Илим, 1980.-279с.
 76. Кадырбаева Р.З. К проблеме традиционного и индивидуального в эпосе “Манас”.-Фрунзе: Илим, 1967.-112с.
 77. Кадыров Ш. Записки и отчеты русских путешественников как источник по истории Киргизии второй половины XIX века.-Фрунзе: Киргосиздат, 1961.-105с.
 78. Кадыров Ш. Видные ученые о Киргизии: (первые путешественники по Киргизии накануне и в период ее добровольного вхождения в состав России).-Фрунзе: Киргосиздат, 1963.-56с.

79. Калыш А., Касымова Д. Поле и смыслы социокультурной интеграции этнических репатриантов.–Алматы:Казак Университети, 2014.–242с.
80. Караев О. Исследователи о взаимоотношениях енисейских и Тяньшанских киргизов//Вопросы этнической истории киргизского народа.–Фрунзе, 1989.–С.8-29.
81. Караев О. Арабские и персидские источники IX-XII вв. о киргизах и Киргизии.–Фрунзе: Илим, 1968.–102с.
82. Караев О., Кожобеков М. О переселении енисейских кыргызов на Тянь-Шань //Вопросы этнической истории киргизского народа. –Фрунзе, 1989.–С.52-54.
83. Каратаев.О. Этногенез кыргызов. Еще раз об экзоэтнонимах "бурут" и "буруты". //http://www.centrasia.ru/news. Доступ 3 июля 2015г.
84. Киргизско-русский словарь.В 2-х кн./Сост.К.К. Юдахин.–Ф.:Гл.ред.Кирг.Совет.Энциклопедии.–Кн.1.
85. Костюмы народов Средней Азии (историко-этнографические очерки)//Отв.ред. О.А.Сухарева.–М.: Наука, 1979.–238с.
86. Кочкунов А.Этнические традиции кыргызского народа (социокультурные аспекты и некоторые вопросы генезиса).–Бишкек:Кыргыз Жер, 2013.–320с.
87. Кронгардт Т.К. Население Киргизии в последней трети XIX в начале XX века.–Фрунзе: Илим, 1989–92с.
88. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII-первая половина XIX вв.).–Новосибирск: Наука, 1983.–123 с.
89. Кляшторный С.Г.Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников.–Алма-Ата:Наука,1988.–224 с.
90. Киргизские народные сказки.–Фрунзе:Мектеп, 1987.–336с.
91. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких иликиргиз-казацких орд и степей.–СПб., 1832.-Ч.2. Исторические известия.–334с.:Ч.3. Этнографические известия.–384с.

92. Лобачева Н.П. Различные обрядовые комплексы в свадебных церемониале народов Средней Азии и Казахстана//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии.–М.1979.–С.298-333.
93. Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.–Ташкент:Наука,1965.–406 с.
94. Маанаев Э. Ж. Этническая история кыргызского народа.–Бишкек,2008.–212с.
95. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. –Новосибирск:Наука, 1989.–435с.
96. Мамытов С. Рукописные источники ви изучение истории Кыргызстана//Изучение древнего и средневекового Кыргызстана.– Бишкек:Мурас,1998.–С.45-46.
97. Маргулан А.Х. Шокан жане Манас. – Алма-Ата: Жазушы, 1971.–164с.
98. Маргулан А.Х Шокан жазып алган «Манас жыры»//Вестн. АН КазССР. – 1965. –№ 8. –С.10-29.
99. Маслова О. Обзор русских путешествий и экспедиций в Средней Азии в 4-х частях.–Ташкент:Фан, 1971.
100. Махова Е.И. Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза // Тр. Кирг. археол. - этногр. экспедиции. - Т.3. - Фрунзе, 1959. - С.49-52.
101. Махова Е.И. Некоторые элементы киргизского национального костюма // Костюм народов Средней Азии.–М.,1979.–С.205-211.
102. Молдобаев И.Б. Манас - историко-культурный памятник кыргызов.–Бишкек: Кыргызстан, 1995.–312с.
103. Молдобаев И.Б. Изучение истории духовной культуры киргизского народа // Ч.Валиханов и современность.–Алма-Ата, 1988.–С.158-164.
104. Мокрынин В.М. По следам прошлого.–Фрунзе: Кыргызстан, 1986.–125с.
105. Мокеев А.Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане.Б.:Из-Басма, 2010.–280с.
106. Муканов С. Нить Ариадны. –М-Л., 1945.-156с.

107. Муканов С. Промелькнувший метеор: Роман.–Алма-Ата: Жазушы, 1980.–416с.
108. Муканов С. Казахская юрта. - Алма-Ата: Кайнар. 1981. –159с.
109. Мусаев С. Эпос “Манас”.–Фрунзе: Илим, 1979.–204 с.
110. Наджип Э.Н., Благова Г.Ф., Тюрки язык //Языки мира. Тюркские языки.–Бишкек, 1997.–С.126-138.
111. Наумова О.В. Женские рубахи-платья киргизов: К публикации карт Е.И.Маховой//Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана.–М., 1989.–С.157-168.
112. Нусов В.Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней.–Фрунзе, 1971.–148с.
113. О батыре Олджобае и о девушке, погибшей из-за горестной любви. Пер. с кирг. И.Волобуевой. –Фрунзе: Киризгосиздат, 1958.–20с.
114. Перегудова С.Я. Таш-Рабат по материалам архитектурно-археологического исследования).–Фрунзе: Илим, 1989.–68с.
115. Петров К.И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV-XVIII вв.–Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1961.–175с.
116. Плоских В.М., Галицкий В.Я. К истории ремесленного производства в Киргизии// Вопросы истории естествознания и техники в Киргизии.-Фрунзе: Илим, 1967.-С.39-41.
117. Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство.–Фрунзе: Илим, 1977.–367с.
118. Плоских В.М., Галицкий В.Я. Открытие, подобное обретению страны //Тропой первопроходцев. –Фрунзе: Илим, 1973.–С.23-28.
119. Плоских В.М. Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50-70-е годы XIX в.).–Фрунзе: Илим, 1968.–148с.
120. Плоских В.М.,Худайбергенов С.К. Ранние киргизские письменные документы//Изв.АН КиргССР.–1968.–№4.–С.75-79.
121. Плоских В.М. К вопросу о дореволюционной киргизской письменности//Тюркология-88.–Фрунзе:Илим,1988.–С.8-11.

122. Плоских В.М. Киргизы во внешней политике Коканда (первая половина XIX в.)//Изв. АН Респ. Кыргызстан.–1991.–№1.–С.43-50.
123. Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке.–М.: Памятники исторической мысли, 2001.–416 с.
124. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч.5. Наречие дикокаменных киргизов.–СПб, 1885.–599с.
125. Русские путешественники и исследователи о киргизов.–Фрунзе:Илим,1973.–230с.
126. Савинов Д.Г. Археологические данные о связях енисейских и тьянь-шаньских киргизов в конце I - начале II тысячелетия н.э.//Вопросы этнической истории киргизского народа.–Фрунзе, 1989.–С.77-90.
127. Сан-Таш-140: Материалы Междунар.науч. конф., посвящ. первой записи “Манас” Ч.Валихановым/Отв. ред. В.М.Плоских, Д.Приор, А.Акматалиев.–Бишкек:Илим, 1996.–168с.
128. Сапаралиев Д. Взаимоотношения киргизского народа с русским и соседними народами в XVIII в.–Бишкек, Илим, 1995.–150с.
129. Сапаралиев Д. Отражение истории народов Центральной Азии XVII-XIX вв. в записи Ч.Ч.Валиханова “Смерть Кокетей хана и его поминки” // “Сан-Таш-140”.–Бишкек, 1996.–С.121-126.
130. Сапаралиев Д. О чем писал Ч. Валиханов //Кут билим.–1993.–6 окт.–С.5.
131. Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература: Ист. филол.: очерки.–Алма-Ата: Жазушы, 1987.–181с.
132. Святые места юга Кыргызстана: Природа, Манас, Ислам.–Бишкек:ST.ART, 2013.–239с.
133. Северцов Н.А. Путешествие по Туркестанскому краю и исследования горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русс. геогр. о-ва.–СПб, 1873.–VI, 461с.
134. Сегизбаев О. Исследователь-мыслитель.–Алма-Ата: Казахстан, 1974.–128с.

135. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюрк.и межтюрк.основы на буквы “В” “Г” и “Д”:-М., Наука, 1980.-395с.
136. Семенов П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 годах//Вступ. ст. Н.Г.Фрадкина.-М.: ОГИЗ, 1946.-256с.
137. Ситнянский Г.Ю. Современное состояние традиционных отраслей сельского хозяйства в горной Киргизии//Этногр. обозрение. 1993.-№ 1- С.37-51.
138. Ситнянский Г. Сарыбагыши - конец полуторавековой гегемонии? Подвижки в северокиргизской элите в 2005-2007 <http://www.centrasia.ru/> доступ 21 августа 2015г.
139. Смешко Т.Н. Ткани в одежде киргизов (вторая половина XIX - начала XX вв.)//Костюм народов Средней Азии и Казахстана.-М., 1979.-С.211-228.
140. Современная киргизская кухня.-Фрунзе: Гл.ред.совет.энциклопедия, 1991.-241с.
141. Сокровенное сказание Монголов, параграф 18// <http://lib.rus.ec/> доступ 21 августа 2015г.
142. Солтоноев Б. Кызыл Кыргыз тарыхы.-Б.:Учкун, 1993.-I китеп.-208с, 2-китеп-224с.
143. Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период)/Отв. ред. Б.Д.Джамгерчинов, Д.Ф.Винник, П.П.Кожемяко и др.-Фрунзе: Илим, 1975.-196с.
144. Стрелкова И. Валиханов.-М.: Молодая гвардия, 1983.-284с.
145. Субаналиев С. Киргизские музыкальные инструменты: идиофоны, мембранофоны, аэрофоны.-Фрунзе: Кыргызстан, 1986.-168с.
146. Сулайманов Э. Традиции обработки металлов у киргизов.-Фрунзе: Илим, 1982.-100с.

147. Сулейманов Р.Б., Моисеев В.А. Чокан Валиханов - востоковед. – Алма-Ата: Наука, 1985.–112с.
148. Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии.- М., 1975.- С.58-69.
149. Сухарева О.А. Очерки по истории среднеазиатских городов//История и культура народов Средней Азии.–М., 1976.–С.132-148.
150. Сухарева О.А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии //Костюм народов Средней Азии.–М., 1979.–С.3-13.
151. Сыдыков С. Монгольско-тюркские языковые параллели.–Фрунзе: Илим, 1983–165с.
152. Сыдыков А.А. Исследователь истории и культуры киргизского народа // Валиханов и современность. - Алма-Ата, 1988. – С.153-158.
153. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня.–Бишкек: Айбек,1996.–256с.
154. Табалдиев К.Ш. Некоторые вопросы этнокультурной интерпретации средневековых погребений Кыргызстана//Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии.–Бишкек, 1996.–С.195-203.
155. Тайлор Э.Б. Первобытная культура: Пер. с англ.–М.: Политиздат, 1989.–573с.
156. Талызин Н.А. Пишпекский уезд. Исторический очерк с (1859-1868 гг.)//Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета 1898 год.–Верный, 1898.– С.25-41.
157. Тенишев Э.Р. Древнекыргызский язык.–Бишкек: Кыргызстан, 1997.–54с.
158. Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры//Совет.этнография.–1970.–№4–С.8-15.
159. Токарев А.С. Ранние формы религии.–М.: Политиздат, 1990.–622с.

160. Томина Т.Н. Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии//Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана.–М., 1989.–С.228-252.
161. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество./Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.–Новосибирск: Наука, 1989.–243с.
162. Троицкая Л.Л. Каталог кокандских ханов XIX века.–М.:Наука, 1968.–582с.
163. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т.1-4.–Москва; Фрунзе, 1956-1960.–Т.1.-1956.-182с.; Т.2.-1959.-382с.; Т.3.-1959.-239с.; Т.4.-1960.-366с.
164. Турдалиева Ч.Д. Западные путешественники и исследователи о кыргызах и Кыргызстане (XIX-начало XXвв.).–Бишкек:Алтын Тамга, 2008.–298с.
165. Турдалиева Ч.Д. История и культура кыргызов в трудах Ч.Ч.Валиханова.–Бишкек: Эркин-Тоо, 2000.–161 с.
166. Турдалиева Ч.Д. Кыргызское земледелие 50-60-х гг. XIX в. (по материалам Ч.Ч.Валиханова)//Жусуп Баласагын и современность: Сб.тр.науч.конф.–Бишкек, 1998.–С.74-78.
167. Турдалиева Ч., Марат Айжамал. Диаспора памирских кыргызов//Этнографическое обозрение.–М., 2015.–№3.–С.131-146.
168. Усенбаев К.У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX век до присоединения Киргизии к России).–Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР,1961.–160с.
169. Усенбаев К.У. О щедром манапе, смелом батыре//Слово Кыргызстана.–1991.–5 янв.–С.6.
170. Федоров М.Ф. Отчет Ч.Ч.Валиханова о путешествии как источник по ценам и торговле в Восточном Туркестане, Киргизии и Казахстане//Изв. АН КыргызССР.–1991.–№1.–С.61-67.
171. Хасанов А.Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства.–М.:Наука, 1977.–94с.

172. Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (колониальная политика Цинского Китая во второй половине XIX в.).— М.:Наука, 1979.—127с.
173. Худяков Ю.С. Кыргызы в Восточном Туркестане//Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии.—Бишкек, 1996.—С.180-194.
174. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Изучение культуры енисейских кыргызов немецкими учеными в XVIII-XIX вв.//Вест. Хакасского Гос.ун-та.-им. Н.Ф.Катанова.—1997.—Вып.3.—С.20-22.
175. Чертыков М.А. Предпосылки, причины и направления миграций енисейских кыргызов в XVIII веке// <http://www.khakasia.com/forum> доступ 12 августа 2015г.
176. Чороев Т. Тенгир-Тоо (Притяньшанье) как регион этногенезиса киргизского народа//Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии.—Бишкек, 1996.—С.204-208.
177. Шер Я.А. Каменное изваяние Семиречия. —М.,1966.—142с.
178. Эйкельман Д. Что такое племя? Ближний Восток и Центральная Азия: Антропологический подход. — 3-е изд. — Нью Жерси: Прентис Холл, 1998.—250с.
179. Юлдашбаева Ф. Политика Англии в Афганистане и Средней Азии.- Ташкент: Фан,1965.-191с.
180. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология: Учеб. пособие по кирг. яз. Для студентов филол. фак. вузов. Ч.1.—Фрунзе: Кыргызучпедгиз, 1959.—248с.

На кыргызском языке

181. Ала-Тоо таңшыйт.—Фрунзе: Кыргызстан, 1985.—316б.
182. Аттокуров С. Кыргыз этнографиясы:Окуу куралы/Кырг.мамл.ул.ун-ти.—Бишкек,1997.—200б.

183. Аттокуров С. Кыргыз этнографиясынын тарых наамасы//Илимий ред.К.Молдокасымов.–Бишкек,1996.–171б.
184. Аттокуров С. Кыргыз санжырасы.–Бишкек: Кыргызстан,1995.–216 б.
185. Байджигитов К. Кыргыз мифтери, уламыштары жана легендалары.–Фрунзе:Илим,1985.–169 б.
186. Бакинова Г. Ч. Валихановдун кыргыз тили жөнүндөгү катарынан//Сан-Таш-140.–Бишкек:Илим,1996.–162-163 б.
187. Ботояров К. Көнөргүс Мурас: (Манастын “Кокотойдун ашы” эпизодунун Ч.Валиханов жаздырып алган варианты: изилдөө жана текст).–Бишкек: Айбек,1996.–192 б.
188. Иманалиев М. Кыргыз санжырасы.–Бишкек:Шам,1995.–216б.
189. Караев О. Кыргыз элинин тизилиши//Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии.–Бишкек:Кыргызстан,1996.–С.22-45.
190. Каратаев О.К. Кыргыздардын этномаданий байланыштарынын тарыхынан. –Бишкек:Бийиктик, 2003. - 176б.
191. Манас эпосу Сагымбай Орозбак уулунун варианты боюнча.–2-китеп.–Фрунзе:Кыргызстан,1982.–238б.
192. Манас: Кыргыз элинин баатырдык эпосу.1-китеп.– Бишкек:Кыргызстан,1995.–448 б.,2-китеп–296б.
193. Молдокасымов К. Кокон хандыгы жана тарых чындыгы//Изучение древнего и средневекового Кыргызстана.–Бишкек:Мурас,1998. –53-55б.
194. Субакожоева Ч. Кытай кыргыздарындагы «Манас» эпосунун сактатуу жана өнүгүү тарыхынан.–Бишкек:Оптима Техноложис, 2015.– 214б.
195. Тарыхтардын жыйнагы/Которгон: М.Досболлов, О.Сооронов.– Бишкек: Акыл, 1996.–126б.

196. Ысык-Кол облусу: Энциклопедия/Башкы ред. А.Карыпкулов.— Бишкек: КЭНИН Башкы ред.,1995.—209, 245б.

На английском языке

197. Anderson, B. (1991). *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso.
198. Antony Jenkinson's Explorations on the Land and Route to China, 1558-1560, ed. by Lance Jenott, 2001 at <http://depts.washington.edu/silkroad/texts/jenkinson/bukhara.html/> accessed on 22 April 2009.
199. Basilov V.N.(1994). Text of Shamanistic Invocations from Central Asia and Kazakhstan in Shamanism. In: *Central Asia and Americas*.New York: Un-ty Press of Colorado.P. 273-292.
200. Bennigsen A. Panturkism and Panislamism in History and Today (1984) in *Central Asian Survey*. Vol. 3. pp. 39–49.
201. Bookwalter John W.(1899). *Siberia and Central Asia*, New York: Frederick A. Stokes.
202. Clavijo's Embassy to Tamerlane at <http://depts.washington.edu/silkroad/texts/clavijo> accessed on 22 April 2009.
203. Diachenko N. (1994). The Horse in Yakut Shamanism in *Shamanism in Central Asia and Americas*.New York: Un-ty Press of Colorado.
204. Dunmore E. *The Pamirs; a Narrative of Year's Expedition on Horseback and on Foot Through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary, and Russian Central Asia* (1893).2 Vols. London: John Murray.
205. Hedin S. (1899). *Through Asia*. 2 Vols.N-Y&London: Harper.
206. Hopkirk P.(1994). *The Great Game. The Struggle for Empire in Central Asia*. New York.
207. Huntington E. (1907). *The Pulse of Central Asia*, Boston & New York: Houghton.

208. Lansdell H. (1885/2003). Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. Boston: Adamant Media Corporation. Vol.1, Vol.2.
209. Macartney L. (1931). An English Lady in Chinese Turkestan. London: Ernest Benn.
210. Macartney L. (1986). An English Lady in Chinese Turkestan, with an introduction by Peter Hopkirk. Oxford: Oxford University Press.
211. Mannergeim C.G. (1969). Across Asia. From West to East in 1906-1908. Oosterhout N.B.: Anthropological Publications.
212. Pratt L. M. (1997). Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London & New York: Routledge.
213. Schuyler E. (1976). Turkistan Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. 2 Vols. New York: Scribner.
214. Skrine C. (1926). Chinese Central Asia. -London: Methuen.
215. Shahrani M. (2002). Nazif, The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan. Seattle: University of Washington Press.
216. Shahrani M.N. (1984). From Tribe to "Umma": Comments on the Dynamics of Identity in Muslim Soviet Central Asia in *Central Asian Survey*. Vol. 3(33) –pp.27–38.
217. Sykes E. (1920). Through Deserts and Oases of Central Asia. London: Macmillan.
218. The Russians in Central Asia: Their Occupation of the Kirghiz Steppe and the Line of the Syr-Daria, Their Political Relations With Khiva, Bokhara, and Kokan also Descriptions of Ch Reprint Edition by Valikhanof M. Veniukof (Author), John Michell (Translator), Robert Mitchell (Translator), Martino, 2007.
219. Through Asia by Sven Hedin. (1899). With Nearly Three Hundred Illustrations from Sketches and Photographs by the Author. In Two Volumes. Vol. New York: Harper.

220. Thomas N.(1994). Colonialism's Culture, Anthropology, Travel and Government. Princeton: Princeton University Press.
221. Turdalieva Ch. (2005). The Kyrgyz in Western Travel Books of the Late 19th and Early 20th Centuries In: *Central Eurasian Studies Review*.Vol. 4 (2).P.25-30.
222. Turdalieva TCh. (2007). L'image de la femme kirghize a travers les recits de voyage (fin du XIX siecle-debut du XX) In: *Femmes d'Asie centrale. Genre et Mutations dans les societes musulmanes sovietisees* /Ed. De Habiba Fathi.Paris. Aux Lieux Detre. P.51-75.
223. Wevers Lydia (2002). Country of Writing. Travel Writing and New Zealand 1809-1900. Auckland, Auckland University Press.

Авторефераты и диссертации на русском и кыргызском языках:

224. Айдаркулов К. Историко-культурное прошлое кыргызского народа по материалам эпоса «Манас»: Автореф. дис.канд.ист.наук.— Бишкек,1992.—20 с.
225. Акмолдоева Б.Б. Коневодство в системе традиционного хозяйства киргизов (конец XVIII-XIXвв.): Дис. ...канд.ист.наук.—М.,1983.—203с.
226. Бейшеналиев Т. Кыргызы и Джунгарское ханство (XVII-XVIIIвв.):Автореф.дис.канд.ист.наук.—Л.,1994.—22с.
227. Басилов В.Н. Исламизированное шаманство народов Средней Азии и Казахстана (Историко-этнограф. исследование): Дис.докт.ист.наук.— М.,1991.—480с.
228. Боотаева Б. Киргизы между Россией, Кокандом и Восточным Туркестаном (вторая половина XVIIIв.-70-е годы XIX в.) (Военно-дипломатический аспект): Дис. ...канд.ист.наук.—Бишкек,1996.—270с.
229. Каратаев О.К. Кыргыз этнонимиясы (тарыхый-лингвистикалык изилдөө): Дис. ...канд.ист.наук.—Бишкек,1994.—254с.
230. Саркашкаев Э.Кыргыздардагы мал ыландарын дарылоонун элдик салттары (XIX кылымдын аягы – XX кылымдын башы

(Кыргызстандын түндүгүнүн материалдарынын негизинде).—
Автореферат дисс. ...на соиск.уч.степени канд.ист. наук.—Б.,2015.-25с.

231. Турдалиева Ч.Ч. История и культура кыргызов в трудах Ч.Ч. Валиханова. ...Дисс.на соиск.уч.ст-ни канд.ист.наук.—Бишкек, 2000.—
24с.

Архивно-документальные материалы

Центральный государственный архив Омской области Российской Федерации:

232. Ведомости об ясачном сборе с киргиз области Сибирских киргизов и Семипалатинской области.-ЦГАОО РФ,ф.3,оп.3,д.3769,л.19.
233. Отчет по управлению Западной Сибири за 1852 г.-ЦГАОО РФ,ф.3,оп.2,д.3314,л.2.
234. О чалаказаках.-ЦГАОО РФ,ф.3,оп.2,д.3314,л.2.

Центральный государственный архив Республики Казахстан:

235. О командировании отряда войск на защиту рода богу от нападения рода сарыбагышцев и кокандцев.-ЦГА РК,ф.3,оп.1,д.51,л.3.
236. Дело о враждебных отношениях между киргизскими родами богу и сарыбагыш и о посылке отрядов для примирения их.- ЦГА РК,ф.3,оп.1,д.348,л.11,29,32.
237. Письмо начальнику Алатавского округа и киргизов большой Орды.- ЦГА РК,ф.3,оп.1,д.222,л.72,4,д.412,л.14.
238. Дело о командировании чиновников на Южный берег оз.Иссык-Куль для съемки местности 11 апреля-16 января 1860-1861 гг.- ЦГА РК,ф.3,оп.1,д.83,л.56,59.
239. Личный архив Ч.Ч.Валиханова.-ЦГА РК,ф.829,оп.1,д.13,л.82,88,д.6,21л.

Историко-краеведческий музей г.Омска РФ Фонд рукописей редких книг библиотеки:

240. С.Ф. Булгарин Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях для русских сословий Фаддея Булгарина.Ч.2.-СПб,1837.
241. Грум-Гржмайло Г.Е. Белокурая раса в Средней Азии //Зап.ИРГО по отд.этногр.:сб.в честь 70-летия Г.Н. Потанина.-СПб,1908.

Кыргызский государственный исторический музей, Бишкек КР:

242. Верхняя мужская одежда-чапан, ЭФ.Инв.№ 60, инв.504.

243. Женская одежда: платья-рубашки, ЭФ.Инв.№ 76, 934,220, 89, 1416,404.
244. Мужской калпак: ЭФ.Инв.№ 376, 934.
245. Копии фотографий М.Дудина (1902г.) Инв.№ 34.
246. КП № 2618а. Ножки чельпекского жертвенного столика. датируемого III в.д.н.э. из коллекции Кырг.Гос.истор.музея.

Периодические издания

Журналы:

Вестник Кыргызского государственного национального университета
 Вестник Хакасского государственного университета – Вопросы истории – Москва
 Известия Академии наук КР
 Известия Всесоюзного географического общества – Ленинград
 Советская этнография - Москва
 Ученые записки исторического факультета Кыргызского государственного национального университета – Бишкек
 Этнографическое обозрение - Москва

Газеты:

Кут билим
 Туркестанские ведомости
 Слово Кыргызстана

Приложение №1

Сравнительно-сопоставительная таблица кыргызских родоподделений Северного Кыргызстана по материалам Ч.Ч. Валиханова (1856г.) и С.М. Абрамзона (1960г.)

№	Племя Солто По Ч.Ч. Валиханову	По С.М. Абрамзону
1.	Солты	Солто
2.	Кунту	Кунтуу
3.	Булекбай	Бөлөкбай

4.	Толкан	Талкан
5.	Учбагыш	-
6.	Чонмурун	чон мурун
7.	Кашкабаш	кашка баш
8.	Сарман	Сарбан
9.	Карамерген	кара мерген
10.	Токтабай	Токбай
11.	Байсеит	Байсеит
12.	Аксакбури	аксак бөрү
13.	Джакуп	Жакып
14.	Тата	Тата
15.	Чилпак	Чылпак
16.	монолдар	-
17.	Кыпчак	-
18.	Акбура	ак буура
19.	Токольдеш	Төкөлдөш
20.	Карасакал	кара сакал
21.	Асылбач	асыл баш

22.	Толек	Төлөк
23.	Чалти	-
24.	Сабатыр	-
25.	Джаначалыш	-
26.	Бешкорук	Бешкорук
27.	Магак	-
28.	Джутма	Жутма
29.	Мамрк	-
30.	Эркебек	Эркебек

31.	Алибек	Алибек
32.	Багышек	Багышек
33.	Бишкорук	Бешкорук
34.	Тулек	Төлөк
35.	Сарыуютма	-
36.	Когей	-
37.	Соекмурун	сөөк мурун
38.	Баккул	-
39.	Кытай	-
40.	Асанбай	-
41.	итик-улы	-

Приложение №2

№	Племя бугу По Ч.Ч. Валиханову	по С.М. Абрамзону
1.	Бугу	Бугу
2.	Алсеит	Алсеит
3.	Тенемсеит	Тынымсеит
4.	Арык	Арык
5.	Баур	Боор
6.	Бапа	Бапа
7.	Билек	Белек
8.	Кыдык	Кыдык
9.	Джельден	Желден

10.	Кучук	Кучук
11.	Ундан	Ондон
12.	Сарыке	Сарыке
13.	Сарыкалпак	Сарыкалпак
14.	Алдияр	Алдаяр
15.	Алдаш	Алдаш
16.	Токай	Токой
17.	Токач	Токоч
18.	Саты	Саты
19.	Токабай	-
20.	Худайбакты	кудай бакты
21.	Джакшылык	Жакшылык
22.	Торгай	Торгой
23.	Джаманбай	-
24.	Джолчора	Жөлчөрө
25.	Чилпак	Чылпак
26.	Куручбек	Куручпок
27.	сары-хатын	сары катын
28.	Балике	-
29.	Сарыбаур	Сарыбоор
30.	Карабаур	Карабоор

Приложение №3

№	Племя сарыбагыш По Ч.Ч. Валиханову	По С.М. Абрамзону
1.	Сарыбагыш	Сарыбагыш
2.	Исенгул	Эсенгул

3.	Асык	Өсүк
4.	Козусургуна	-
5.	Бучман	-
6.	Буре	-
7.	Байкучук	-
8.	усук (осяк)	Өсүк
9.	Чертыке	Чертыке
10.	Чагалдак	Чагалдак
11.	Абла	Абыла
12.	Сабур	Сабыр
13.	Чичей	Чечей
14.	Таздар	тасдар (таздар)
15.	Джантай	Жантай
16.	Калмаки	Калмакы
17.	Джалгер	-
18.	Аюке	Аюке
19.	мунулдар (монолдор)	-
20.	Джарбан	Жарбан
21.	Ишым	Эшим
22.	джитыген (джетиген)	-
23.	Бишкурен	-
24.	Атеке	Атеке
25.	Черикчи	Черикчи
26.	Надырбек	Надырбек
27.	мундуз (мундус)	-
28.	Долес	Дөлөс
29.	Кельдике	-
30.	Кытай	-

31.	крык-авур	-
32.	Раимкалибек	Райымбек
33.	Тоголок	Тоголок
34.	Алдыгине	Адигине
35.	Джежыгер	Жедыгер
36.	Абыкулу	-

Приложение №4

№	Племя саяк По Ч.Ч. Валиханову	По с.М. Абрамзону
1.	Саяк	Саяк
2.	Курманкожа	курманкожо (из племени чекир-саяк)
3.	Кулчуган	-
4.	Иман	ыман (из племени чекир-саяк)
5.	Чора	чоро (из племени чекир-саяк)

6.	Катаган	катаган (из племени чекир-саяк)
7.	Каба	Каба
8.	Алакуз	ала коз
9.	Сыкмамбет	Шыкмамат

Приложение №5

Сравнительно-сопоставительная таблица родоподразделений северных племен по материалам

Ч.Ч. Валиханова (1856г.) и С.М. Абрамзона (1960г.)

Племя солто

№	По Ч.Ч. Валиханову	По С.М. Абрамзону
	Подразделение кунтуу	
1.	Чонмурун	Чонмурун
2.	Кашкабаш	кашка баш
3.	Сарман	сарбан (сарман)
4.	Карамерген	кара мерген
5.	Токтабай	Токбай
	Подразделение булекбай	Подразделение

		бөлөкбай
1	Байсеит	Байсеит
2	Аксакбури	аксак бору
3	Джакуп	-
4	Тата	-
5	Чилпак	-
6	Монолдар	-
7	Кыпчак	-
8	Акбура	-
9	Токольдеш	Токолдош
10	Карасакал	-
	Подразделение талкан	Подразделение талкан
1	Асылбач	-
2	Монолдор	-
3	Толек	-
4	Чалти	-
5	Акбура	-
6	Сабатыр	-
7	Джагачалыш	-
8	Джагачалыш	-
9	Бешкорук	-
10	Магак	-
11	Джутма	-
12	мамок-улы	-
13	эркебек-улы	Эркебек
14	Алибек	-
15	Багышек	Багышан

16	Бишкорук	-
17	Тулук	-
18	Сарыуютма	-
19	Карасакал	-
20	Когей	-
21	Соекмурун	-
22	Баккул	-
23	Кытай	-
24	Мунолдар	-
25	Асанбай	-
26	итик-улы	Итике

Приложение №6

Племя Бугу

№	Подразделение алсеит	
1	Баур	-
2	Бапа	бапа подразделение
3	Билек	белек-подразделение
4	Кыдык	кыдык-подразделение
5	Джельден	желден-подразделение
	Подразделение арык	
1	Кучук	-
2	Ундан	Ондон
3	Сарыке	-
4	Сарыкалпак	сары калпак
	Подразделение белек	
1	Алдаяр	Алдаяр

2	Алдаш	-
3	Токай	Иокой
4	Токач	Иокоч
5	Саты	Саты
6	Токабай	-
	Подразделение кыдык	
1	Худайбакты	кудай бакты
2	Джакшылык	Жакшылык
3	Торгай	Торгой
4	Джаманбай	Жаанбай
	Подразделение бапа	
1	Джолчора	-
2	Чилпак	-
	Подразделение джельден	
1	Куручбек	Желден
2	сары-хатын	Куручпок
3	Балике	-
	Подразделение баур	
1	сарыбаур (сарыбоор)	-
2	карабаур (карабоор)	-

Приложение №7

Племя сарыбагыш

№	По Ч.Ч. Валиханову	По С.М. Абрамзону
	Подразделение Исенгул	-
1	Асык	В подразделении жети урук
2	Козусургуна	

3	Бучман	-
4	Буре	-
5	Байкучук	-
6	Усук	В подразделении жети урук
7	Чертыке	В подразделении жети урук
8	Чагалдак	В подразделении жети урук
9	Абла	В подразделении жети урук
10	Сабур	-
11	Чичей	в подразделении жети урук
12	Таздар	в подразделении жети урук
13	Джантай	в подразделении жантай
14	Калмаки	в подразделении жети урук
15	Джалгер	-
16	Аюке	в подразделении жантай
17	Мунулдар	-
18	Джарбан	в подразделении манап
19	Ишим	в подразделении манап
20	Джытыген	-
21	Бишкурэн	-
	Подразделение надырбек	в подразделении

		жантай
1	Калмакы	в подразделении жети урук
2	Асык	в подразделении жети урук
3	Озюк	в подразделении жети урук
4	Абла	в подразделении жети урук
5	Ишим	В подразделении манап
6	Чертике	в подразделении жети урук
7	Мундуз	-
8	Таздар	в подразделении элчибек
9	Джетыген	-
10	Долес	-
11	Кельдике	-
12	Кытай	-
13	крык-авур	-
14	Раимкалибек	-
15	Тоголок	в подразделении элчибек
16	Адыгене	Адигине
17	Джежыгер	Жедыгер
18	Абыкулу	-

Приложение №8

**Сравнительно-сопоставительная таблица кыргызских родоподразделений
Южного Кыргызстана по материалам**

Ч.Ч. Валиханова (1856г.) и С.А.Аттокурова (1995г.)

№	По Ч.Ч. Валиханову	по С.А.Аттокурову
1.	Базис	Басыз
2.	Адигине	-
3.	Джедыгер	Жедыгер
4.	Багыш	-
5.	Тунгатар	-
6.	Кушчу	Кушчу
7.	Сару	Саруу
8.	Кытай	Кытай
9.	Кыпчак	Кыпчак
10.	Найман	Найман
11.	Ичкилик	Ичкилик

Приложение №9

**Краткий терминологический кыргызско-русский словарь, составленный
Ч.Ч. Валихановым**

№	По Ч.Ч. Валиханову	По К.К. Юдахину
1.	Купмак-встать-турмак	Тур-встать
2.	Муштамак-бить-урмак	Мушта-бить
3.	Чугылмак-чогулмак-собратся	Чогул-собратся
4.	Саймак-колоть-чанчмак	Сай-колоть
5.	Яач-женщина-хатун	Аяш-жена друга
6.	Чон-большой, великий-улкан, улуг	Чоң-большой

7.	Мала/мали/-время. Вақыт, заман	Маал-время
8.	Уй-рогатый скот-сыир	Уй-корова
9.	Инек-уй-корова	Инек-корова старше трех лет
10.	Кона-бык-угуз	-
11.	Масал-поговорка-макал	-
12.	Калп-ложь-утрук /тан,тану, танбак/	-
13.	Нарк-обычай, закон-зан	Нарк-цена
14.	Тан-не знаю-билмаймен	-
15.	Шульджен-насмешка-килямядж	Шылдың-насмешка
16.	Эрр/вр/песня-улен/жыр	Ыр-песня
17.	Эррчи/ырчи/певец, уленчи	Ырчи-певец
18.	Комуз-балалайка-домбура	Комуз
19.	Кияк-род кобзы-кобыз	Кыл кыяк
20.	Аил-аул-аул	Аил
21.	Кышык-кривой-клый/кысык/	Кыйшык-кривой
22.	Тугер/токор/хромой, аксак	Аксак-хромой
23.	Дулой-глухой-санрау/дулей/	Дүлөй-глухой
24.	Асты-перед, начало	Астынкы-передний
25.	Инныр-асты, копты, когда начали вставать	Иңир-сумерки
26.	Эми-теперь-имди	Эми-теперь
27.	Мык-гвоздь-чига /шеге, мык/	Мык-гвоздь
28.	Тулга-очаг-/тулга, ошак/	Тулга-треног
29.	Кибяз/кебез/-бумага	Кагаз-бумага
30.	Шуру-корольки-марджан	Шуру-коралл

31.	Кугяр-бурдук-турсук, мэс/каукар/	Көөкөр-бурдючок
32.	Кук-лог-сай	-
33.	Зау-скала-чын	Зоо-скала
34.	Чаучык-чашка- тустаган/тостаган/	Чөөчөк

Приложение №10

Кыргызские легенды и предания в трудах Ч.Ч. Валиханова

О происхождении кыргызов, племени и родов	Об исторических личностях	О топонимике Кыргызстана
Легенда о красной собаке	О казахском хане Ишиме	Об оз.Иссык-Куль
О мансуре	О Тимуре (Тамерлане)	О местности Сан-Таш
О племени бугу	О Едыге	О Таш Рабате
О племени черик	О Жаныбеке	О р.Каркыра
	Об Асан-кайгы	О местности Тору айгыр

Приложение №11

Кыргызские топонимы из работ Ч.Ч. Валиханова

1 Аксу	17 Киргизнен	Алатау
2 Алай	(Кыргызские Ала-Тоо)	
3 Алакуль, оз.(Ала-куль)	18 Коксу, о.	
4 Аламедин, р.	19 Кочкор-Ата	

5 Аларча, р.	20 Кугарт Иссык-Куль, долина
6 Андижанские горы (вероятно, Памир)	Курменты
7 Атбаши	21 Куртка
8 Атбаши-Арпа	22 Кутималды
9 Джиргалан, р.	23 Музарт
10 Джумгал	24 Минбулак
11 Заука (Джуука)	25 Нарын
12 Иссык-Куль, оз.	26 Ош, г.
13 Каракол	27 Тарагай, перевал
14 Кеген	28 Пишпек, г.
15 Каркара Кемин	29 Сан Таш, перевал
16 Кичи-Кемин	30 Таш-Рабат

Приложение №12

Антропонимы в кыргызоведческих трудах Ч.Ч. Валиханова

1 Абай	50 Джаралак	99 Нурмамбет
2 Абун	51 Жакуп	100 Омен Ниязов
3 Аргынбай	52 Зарпек	101 .Орман Ниязбеков
4 Адучи	53 Илип	102 Осман Тайлаков
5 Адыл Котантаев	54 Ильчибек	103 Орус
6 Ажибай Бирназаров	55 Иман	104 Орус Байгочеков
7 Ажибек Кармышак	56 Иралы Качикин	105 Рай Темиров
8 Аильчи Шамратов	57 Ирдэнэ	106 Раим Калыбеков
9 Акбай	58 Исенгул	107 Рыскулбек Ниязбеков
10 Акимбек	59 Истамбек	108 Сартай
11 Алжамбай	60 Ишимбек	109 Сарыбай
12 Алибек Кетиркеев	61 Ишимбек Баймонкин	110 Сарымсак
13 Алике	62 Казанак Мурзабеков	111 Сары кучук
14 Алимбек-датха	63 Калча	112 Сарыбаш
15 Аман	64 Калыгул Надырбеков	113 Сары Туктар
16 Атанбек Кебеков	65 Калыгул Байбиев	Конурбаев
17 Байбута Боашев	66 Каныкей	114 Суюндук Кенджин
18 Байботобай	67 Карбогбай	115 Султанай
19 Байжигит	68 Качибек	116 Султанкул
20 Баймурса	69 Качике Бердибеков	117 Сеит
21 Байходжа	70 Кизалек Мурзабеков	118 Сыгтай
22 Байсерке Чирикчин	71 Кажагельды	119 Табулды
23 Байторы	72 Козубек	120 Тана
Джаманаков	73 Койсоймас	121 Танен
24 Барын	74 Кока	122 Тайтек Кармычаков
25 Баястан Сатыбалдин	75 Кокче	123 Телтай
26 Бекбота	76 Корчи	124 Токсоба Олжобаев
27 Беккулу	77 Кудайберды	125 Токсан
28 Бекбай	78 Кул	126 Токтобулат
29 Берды-кучук	79 Куттугоса	127 Турегельды
30 Бедибек Качикин	80 Саманчин	Абайдуллин
31 Бердихожа	81 Малбай	128 Тума
32 Борсук	82 Малбак	129 Туркабай
33 Ботей Чабашев	83 Мангыт	130 Тулке Иралин
34 Бошмоюн	84 Мамырбай	131 Тюлеген
35 Бурамбай	85 Манас	132 Улжебулат Бектенов
Бекмурадов	86 Мектбек Куатов	133 Урустем
36 Бутахан	87 Моналдар	134 Ушбет Али Орманов
37 Бусурман	88 Мунач	135 Чал Тугельбаев
38 Джагын Бурамбай	89 Мурат	136 Чене Дулатов
39 Джалмамбет	90 Мурат-Али	137 Чибылдай
40 Джаныбек	91 Муратбек	138 Чилпак
41 Джаныбек Асанов	92 Мурза	139 Чингиз Байбеков
42 Джанкара Чабашев	93 Найман Конушев	140 Чингис Тулегабулов
43 Джанкарач	94 Найман	141 Чоды Сейтов
Ишкожин	95 Нарбач	142 Чон карач Ракматов
44 Джанбулат	96 Нарбога	143 Чора
Каракулов	97 НаурызбекИтембеков	144 Чукербай
45 Джантай Карасаков	98 Нурак	145 Шамен Куттук
46 Джумарт		Сейтов
47 Дулат Бокунунов		146 Шерали
48 Дулан Чон-медетов		147 Шукуры Раев
49 Джаубасар		

СОДЕРЖАНИЕ

Введение		5-9
Глава I	Кыргызоведческие труды Ч.Ч. Валиханова	
1.1.	Историографический обзор изучения	10-29
Глава II	Этническая история кыргызов и политическая обстановка в Кыргызстане в XIX в.	
2.1.	Ч.Ч. Валиханов об этногенезе кыргызов	30-49
2.2.	Родоплеменное деление и социальная структура кыргызского общества	50-69
2.3.	Внутри- и внешнеполитическая ситуация в Кыргызстане в 50–60-х годах XIX в.	70-80
Глава III	Хозяйственные занятия кыргызов	
3.1.	Скотоводство и земледелие	81-89
3.2	Домашние промыслы и торговля	90-102
Глава IV	Материальная и духовная культура кыргызов в XIX в.	
4.1.	Жилище, пища, одежда,	103-109
4.2.	Погребальные и архитектурные сооружения	
4.3.	Религиозные воззрения	110-119
4.4.	Язык и фольклор	120-137
		138-142
Заключение		
Список литературы и источников		143-162
Приложения	Сравнительно-сопоставительные таблицы: -кыргызских родоподразделений Северного Кыргызстана по материалам Ч.Ч. Валиханова и С.М. Абрамзона -кыргызских родоподразделений Северного Кыргызстана по материалам Ч.Ч. Валиханова и С. Аттокурова Краткий терминологический кыргызско-русско-казахский словарь по Ч.Ч.Валиханову и К.К.Юдахину Топонимы в трудах Ч.Ч.Валиханова Антропонимы в трудах Ч.Ч.Валиханова	163-181

Ч.Ч.Валиханов. Собр., соч. в 5 т., Алматы, 1984, т.1, с.304-305.

